

СЕКЦИЯ 1. «Исторические вопросы формирования татарского дворянского сословия»

И.Р. Габдуллин

Институт тарханства в постзолотоордынских и Российском государствах в XV–XVIII вв.

Одной из групп служилого населения в Российском государстве XVI–XVIII веков являлись тарханы. В основном эта группа известна по источникам, как связанная с Уфимским уездом.

Слово «тархан», обозначавшее одну из привилегированных социальных групп населения впервые зафиксировано в Тюркском каганате в VI веке. В Хазарском каганате, Волжской Булгарии, у половцев-кыпчаков тарханы известны как представители правящей элиты или же чиновники-администраторы.

Несколько меняется содержание термина «тархан» в период становления империи Чингизхана и Золотой Орды. Тарханами в этот период за особые военные или иные заслуги могли становиться как представители знати, так и «черные люди».

Опубликованные и архивные документы говорят нам о том, что к тарханам относились различные группы служилого населения – плативших и не плативших ясак, жалованных поместьями землями и служивших исключительно с вотчинных владений, получавших денежный оклад и не имевших его, участвующих в станичной службе и призывавшихся только на походную службу. Были, наконец, тарханы, которые не передавали свой привилегированный статус по наследству.

Из всего многообразия критериев, отличающих положение тархана, на наш взгляд, первенствующим являлось наличие поместного владения – суюргала. Отнюдь не все тарханы были владельцами служилых поместий. Некоторые из них владели ими на территории бывшего Казанского ханства еще в середине XVIII века. Например, в 1746 году Уфимского уезда Казанской дороги команды старшины Зайта Абдулина деревни Кутлугушевой служилый тархан Кутлугул Дюскеев дал купчую ландмилиции Шешминского полка поручику Ивану Лаврентьевичу Тимашеву в том, что продал свою поместную землю с бортями и угодьями до города Самары по реке Кинель выше пригорода Алексеевска за 300 рублей [31, л.145]. Все подобные поместные владения были пожалованы еще в период Казанского ханства.

В соответствии с принятым еще в середине XVI века положением о поместной службе служилый человек никогда не мог получить только один вид оклада – поместный, денежный или хлебный. Даже конные стрельцы и городовые казаки, относящиеся к низшей служилой группе – приборным, получали хлебные и денежные оклады или в исключительных случаях – денежные и поместные. Таким образом, тарханы, владевшие поместьями, должны были верстаться и денежными окладами. Об этом говорят и немногочисленные упоминания в источниках. Так, в 1675 году башкир Казанской дороги Байлярской волости Уразай (Урай) Нагаев бил челом государю пожаловать его поверстать в оклад тархана деда 8 рублей жалованья [2, с.34]. В то же время в том же документе челобитчик указывает на то, что «дед и отец его Уразайков служилые были татаровя и не ясашные и он, Уразайко, в ясак не положен» [34, л.1].

В согласии с установленными правилами поместной службы все служилые люди, получившие поместные и денежные оклады, обязательно должны были быть записаны в городовые десятины. Десятни служили основным документом, на основании которого производилась раздача денежного жалованья провинциальному дворянству [19, с.3]. О том, что башкир, пожалованных тарханством, записывали в уфимские десятины свидетельствуют соответствующие указы. Так, в 1702 году Бурзянской волости «башкирцы Юмашка Бабраев да Карачучка Сараязов» были пожалованы «за службы дедов и отцов и их службы велеть по породе их написать в уфимскую десятню написать

тарханами» [8, с.38.]. Башкирские тарханы, вписанные в уфимскую десятню, номинально были приравнены к служилым людям по отчеству. Во второй половине XVII века уфимская администрация отождествляла дачу тарханства и запись в служилые мещеряки. Челобитные о записи мишарей в служилые и башкир в тарханы рассматривались и хранились вместе. При этом наблюдается некоторая зависимость между численностью служилых татар (мещеряков) и тархан. В 1661 году числилось 187 башкирских тархан, по спискам же 1681 и 1683 годов – 90 человек [2, с.30]. В какой-то мере двукратное уменьшение числа тархан объясняется тем, что к 1680 году к конным стрельцам и казакам Уфы была добавлена сотня служилых татар и мещеряков, получавших от 4 до 6 рублей [28, л.280]. Таким образом, военным властям Уфы было необходимо и достаточно иметь около двух сотен служилых мещеряков и тархан.

Следует предположить, что такое незначительное количество служилых людей не предназначалось для походной службы. Действительно, почти во всех челобитных служилых мещеряков и тархан XVII века фигурирует только один вид службы – посылка в станицы. В одном из документов говорилось, что отец потомственного тархана Акинчия Таникеева Демской волости Таникей «во многих ваших (т.е. царских – И.Г.)... послугах завсегда и про все находился и по вашему указу посылан был на ваши службы в станицу до Яику и до Ашкадару и в оных дальних и ближних посылках» (1682 г.) [2, с.37]. В Уфимском уезде станичная служба считалась настолько тяжелой и затратной, что в 1690 году уфимских конных стрельцов и казаков освободили от «городовых и острожных поделок... для дальней их службы и отъезжих их караулов» [27, л.661]. Самая дальняя уфимская станица в XVII веке, отмеченная в документах Уфимской приказной избы, доезжала до Яицкого городка.

По нашему мнению, именно тарханы, посылавшиеся ежегодно на станичную службу, вписывались в уфимские десятни и верстались денежными и поместными окладами. Именно среди них следует искать владельцев поместий за пределами Уфимского уезда, главным образом на территории бывшего Казанского ханства. Об этом в частности говорят и топонимы этих территорий. Селения с названиями Большие, Верхние, Нижние и Красные Тарханы располагаются ныне в Тетюшском районе, Тарханка в Аксубаевском районе, Тархан в Азнакаевском и Балтасинском районах Татарстана [24, с.250–256, 366]. Зафиксирована и фамилия Тархановых среди служилых татар Казанского уезда в первой четверти XVIII века [10, с.243]. Селения с названиями Тарханское, Тархан-Ефаево зафиксированы в Темниковском уезде. О наличии тарханов в Мещере говорит и жалованная грамота царя Ивана Васильевича князю Еникею Тенишеву, выданная в 1539 году. В грамоте говорится: «татар из тарханов и башкирцев и можарян, которые живут в Темникове, судить и ведати их по старине, по тому же, как наперед сего судил и ведал отец Тениш» [Еникеев, 1999, с.36–37]. Тарханы в Темниковском уезде прослеживаются и по материалам второй половины XVII века. Так, в 1657 г. отмечены тарханы Кежеватовы, а в 1683 г. «тарханцы» показаны среди жителей д.Атаново (правильнее Атюнино – И.Г.) [12, с.262, 429].

В Казанском ханстве пожалование тарханства подтверждалось так называемыми «тарханскими ярлыками» или же «тарханскими грамотами». К настоящему времени известны четыре текста тарханских грамот, выданных казанскими ханами в конце XV – первой половине XVI веков. Впервые подлинный ярлык на тарханство, выданный казанским ханом Сахиб-Гиреем (казанский хан с 1521 по 1524 год) в 1522 году, был найден археографом С.Г. Вахидовым в 1912 году в Мамадышском уезде Казанской губернии. В 1963 году казанским историком Р.Н. Степановым в фонде «Уфимская приказная изба» РГАДА был обнаружен ярлык на тарханство, выданный ханом Ибрагимом (правил в Казани с 1467 по 1479 год). Еще два текста тарханских ярлыков в переводе на русский язык, выданные предкам нефтепромышленника и старшины Надыра Уразметова казанскими ханами Мухамет-Амином в 1516 году и Сафа-Гиреем в 1526 году выявлены И.Р.Габдуллиним в фонде «Сенат и Сенатские учреждения» РГАДА в 2003 году. В том же году они были опубликованы в книге «Элмэт – Альметьевск» [1, с.290–291].

Первый из этих ярлыков применительно к суюргальному землевладению был проанализирован казанским историком Ш.Ф. Мухамедьяровым, который выделил ее следующие особенности: 1) обусловленность владения несением военной или иной службы государю; 2) наследственность суюргального владения; 3) налоговый иммунитет; 4) административно-судебный иммунитет [41, с.98–99]. Второй из этих ярлыков впервые был опубликован в журнале «Казан утлары» в 1965 году. Необходимо отметить то, кому был выдан этот ярлык. Это вдова Гуль-Бустан-хатун, ее сын Мухамет-Газиз-хан и их служащий Хуш-Килде. Высокий статус Мухамет-Газиз-хана подчеркивается в грамоте не только тем, что он именуется «ханом», но и представлением его как выходца из царского рода («шах нэселе») и потомком Джанэкэ султана. Да и эпитет

«хатун» по отношению к матери Мухамет-Газиз-хана применялся в постзолотоордынских государствах только по отношению к представителям знатнейшей элиты [42, 1965, с.146–149]. Султанами же в то время именовали только представителей дома Чингисидов. Упомянутый же в грамоте Джанэкэ султан, видимо, является представителем «золотого рода» Джанэкэ (или Джанаса), дедом казанского хана Улуг-Мухамеда [5, с.206]. Иными словами можно сказать, что один из получателей ярлыка был Чингисидом, и являлся близким родственником казанских ханов. Основные положения этого более раннего по времени ярлыка повторяются и в ярлыках казанских властителей Сахиб-Гирея, Мухамет-Амина и Сафа-Гирея. В последнем из этих ярлыков, выданных в 1526 году Хасяну и Хосяину Асылходжиным любопытным моментом является то, что по отношению к этим тарханам применено не переведенное переводчиками словосочетание «Яобуроше», которое означает «обязанные военной службой» [30, л.451об].

Таким образом, определяющим фактором при жаловании тарханством являлась военная служба. Основу же войска в постзолотоордынских государствах, как и в более раннее время, составляли конные рати. В связи с этим, в земледельческом государстве, каким являлось Казанское ханство, местные правители вынуждены были обращаться за военной поддержкой в кочевые степи, по сути дела нанимая на службу степную элиту. Конное войско нанималось, прежде всего, в Ногайской Орде, в т.ч., по выражению московского историка В.В.Трепавлова, в Ногайской Башкирии, наиболее близкой территориально к Казанскому ханству. В какой-то мере именно с этим обстоятельством связано появление нового колеса в казанской арбе – Ногайской даруги (бывшая «Беловоложская земля»). Нанятые на службу степные воители жаловались поместьями с ясачным крестьянским населением в непосредственной близости от Казани. Кроме того, они же владели и вотчинами на границах Казанского ханства и Ногайской Орды. Видимо, этим можно объяснить наличие «ицких» волостей в бассейне р. Ик: Айлинской, Бурзянской, Кыпчакской, Минской, Табынской, Тамьянской и др., территориально оторванных от основного ядра материнских волостей Ногайской Башкирии.

О военной службе в Казанском ханстве выходцев с территории будущего Уфимского уезда имеются многочисленные свидетельства. В частности, можно отметить целый ряд топонимических параллелей, связанных с племенной структурой Ногайской Башкирии. Крупнейшей родоплеменной волостью в Уфимском уезде была, как известно, Минская волость. С минцами связаны такие населенные пункты Татарстана как Мингер Сабинского района, Новый Менгер Арского и Старый и Большой Менгер Атнинского и на нагорной стороне с. Шонгуты (татарское название – Мен иле Шонгаты) Апастовского районов. В старинных преданиях в ряде этих селений говорится, что часть их предков была из захваченных в плен «минцев», подчеркивается также особая роль коневодства в начальный период истории селений [4, с.10; 14, с.137]. В Муслюмовском районе расположены такие селения, как Верхний и Нижний Табын, Тамьян, Кряш-Шуран и Татарский Шуран. Можно назвать также Старое и Новое Дуваново Дрожжановского района, Карадуван Балтасинского, Старый и Новый Тазлар Арского районов. Кроме того, на территории современного Татарстана отмечены топонимы с выраженной этнической или же политонимической окраской. Так, в окрестностях с. Старый Багряж-Елхово на западе Альметьевского района имеется «башкирское кладбище» («башкорт зираты») с пятью надгробными камнями и тамгами. Здесь же были найдены фрагменты керамики близкой посуде чияликской культуры. Неподалеку располагается и каменный бал-бал (каменная баба) со знаком-тамгой на груди. «Башкирское кладбище» располагается и у с. Катмыш Муслюмовского района. На могильнике над могилами были сооружены небольшие курганы. Имеются и надмогильные плиты, один из которых датируется XIV веком [18, с.41, 96]. Широко распространены топонимы, касающиеся ногайцев – «Нугай кабере» («ногайская могила») и «Ногай коесы» («ногайский колодец») в Пестречинском районе, «Нугай елгасы» («ногайская речка») в Сабинском и Альметьевском районах, «Нугай тавы» («ногайская гора») в Зеленодольском и Арском районах и т.д. [14, с.136]. По преданиям башкир д. Кучербаево Стерлитамакского уезда, всю западную часть Уфимской губернии, включая Мензелинский и Бугульминский уезды, до присоединения региона к русскому государству занимали ногайские племена [26, с.98]. Об этом же, опираясь на народные предания и легенды, писали и земские статистики в XIX веке, отмечая, что ногайские татары в Бугульминском, Ставропольском, Бугурусланском и Бузулукском уездах проживали «со времени первого появления орды в Поволжье» [39, с.74]. Ими же отмечалось наличие валов ногайских времен в бассейне р. Шешма Мензелинского уезда. Об этом в частности писал уфимский статистик Н.А.Гурвич, отмечавший, что в трех верстах от с. Багряш (имеется в виду с. Старый Багряж-Елхово Альметьевского района РТ) находится местность, называвшаяся «Ногайским городком» или же «Ногайским жилищем», в котором

жил, согласно местным преданиям, «ногайский хан, современник и едва ли не родня Мамаю». Здесь же располагались остатки вала длиной в 320 сажень и лес также называвшийся «Ногайским» [40, с.339; 43, с.74]. Наличие крупного центра, в котором пребывал хан в бассейне р. Багряж во времена эмира Тамерлана, рассказывается и в «Тэварихы Болгария» Муслими [23, с.89].

Имеются и многочисленные письменные свидетельства о пребывании как башкир, так и ногайцев в Казанском ханстве и уезде. По писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 годов в д. Шатки Ногайской дороги (ныне с. Шадки Тюлячинского района РТ) проживал «башкирский князь» Тятигач Муралеев [25, с.42–43]. Он же был связан и с д. Чиндырево той же дороги, которая в 1591 г. была жалована ему и служилому татарину Ишею Наурузову [25, с.49–50]. Видимо, И.Наурузов также был выходцем из Ногайской Орды, т.к. в Казанской губернии в начале XIX в. известны татары, ведшие свое происхождение от башкирских князей Наурусовых [15, с.24–25]. В какой-то мере с Башкирией связан и герой общетюркского эпоса «Чура-батыр» – казанский князь Чура Нарыков, являвшийся главой клана Аргын в 1520–1540-е годы. Хотя, эпос и показывает Чуру Нарыкова как выходца из Крыма, но есть и ряд моментов, которые связывают как его род, так и клан Аргын с Башкирией. Так, в шежере племени тамьян-катай показан отец Чуры Нарык, названный там «мирзой». Сами же тамьянцы по эпосу «Чура-батыр», входили в состав клана Аргын [15, с.48–51]. С присоединением Казанского ханства к Московскому государству, видимо, часть тамьянцев осталась на своей поместной земле и именовалась служилыми татарами. К середине XVII века эти служилые татары проживали в д. Шырдан Свияжского уезда. Позднее, они оказались в Надыровской волости, где ими была основана д. Кульшарипово (ныне в Альметьевском районе Татарстана). В 1744 году служилые татары из д. Кульшарипово Кульшарип Дюсметев и другие «по крепостной уступочной записи» приобрели часть земель у служилых тархан Кульмаметева и Шарипова по р. Кинель и переселились в основанную ими д. Мукменево Тамьянской волости [45, л.263, 269 об]. При этом, по родословной тамьянских башкир Кулшариф сын Дусмухамеда оказался потомком башкира Тамьянской волости князя Шагали Шакмана [6, с.130]. По преданиям же жителей д. Кульшарипово, селение основал Кулшариф, внук Юлдаша, переселившийся из д. Шырдан нынешнего Зеленодольского района Республики Татарстан. Из того же селения Шырдан переселился и Юлдаш, основатель д. Кичучатово (ныне в Альметьевском районе Татарстана) и пращур Ризы Фахретдинова.

Другой известной группой тарханов являлись потомки лиц, жалованных тарханством в 1523 году казанским ханом Сахиб-Гиреем. Этот тарханский ярлык был выдан Шихахмеду Мухамедову, Абдалу и Балашу Шихахмедовым и их товарищам, всего семь человек. Этот ярлык впервые упоминается в ходе спорного дела о вотчине между ясачными татарами Акешкой Доскеевым, Мурзакайко Юкачевым «с товарищи» и башкирами Иректинской волости. Сама грамота была во владении ясачных татар, утверждавших что «жалованную грамоту» на ту вотчину была дана «деду ево Доскейки Белякова». Возможно, Беляк этого документа и Балаш названного ярлыка одно и то же лицо. В ходе рассмотрения этого дела башкиры окрестных волостей заявили, что «та де вотчина татарская Акешкова с товарищи, а не башкирская и владели истари деды и отцы их Акешковы и товарищей ево». Башкиры же Иректинской волости (племя *иректе* являлось частью табынского племени), оказавшиеся потомками Абдала Шихахмедова, утверждали, что владения ясачных татар Акешки и его товарищей располагались «по Зюрейской дороге деревни Малые Суни... да деревня Балтачева Атойма тож... да деревни Ныс». Сами же ясачные татары заявили, что «в Казанском уезде деды их живали... как города Уфы не было», а «та де вотчина (по р. Ик – И.Г.)... написана в Казани в прежних ясачных книгах после Казанского взятия в первых летех». Видимо, владения по Зюрейской дороге были даны этой группе как поместье, а вотчины располагались по р. Ик. Пребывание же табынцев зафиксировано в Мамадышском уезде. Позднее, Акешка Доскеев с товарищами оказался в числе «башкир тарханского роду» [35, л.2 об; 36, л.7–9]. Из этого же «тарханского» рода и башкирское население д. Исламбахты нынешнего Ермакеевского района РБ. В их родословной встречается имя Юкачи, которое, видимо, имеет прямое отношение к ясачному татарину Мурзакая Юкачеву [5, с.83].

Такая же ситуация сложилась и с потомками тарханов Хусаина и Хасана Асылхужиных, проживавших к 1678 г. в д. Адаево Зюрейской дороги Казанского уезда. К этому времени этот род попал в число ясачных татар. Потомки этих тархан, проживавшие в д. Ермаково нынешней Самарской области в своей «летописи» утверждали, что их предкам были дарованы земли в районе Бугульмы [16, с.323; 17, с.17–18]. Видимо, имея поместья на Нагорной стороне Волги и в окрестностях Казани, своими вотчинными землями на периферии ханства по р. Зай, они владели лишь наездами. Именно потомки этого тарханского рода положили начало основанной ими Надыров-

ской волости. По сведениям межевых контор, Надыровская волость получила свое наименование «от татарина Надыра Уразметева, который, отыскав еще до 1719 г. пустопорозжую землю между уездами Казанским и Уфимским, по рекам Заю, Шешме и Черемшану», поселился там вместе с другими «инородцами» [11]. Но все же этот род помнил свои «служилые» корни. Так, один из родственников Надыра Уразметова Уразко Байбурун еще в 1690 году подает челобитную с просьбой записать его в тарханы, указывая при этом на то, что родственники его «исстари служили царю... по Уфе в тарханах» [37]. Принадлежность Надыра Уразметова и его родственников к татарской феодальной верхушке подтверждается и прошением Юсупа Надырова в 1777 году о снятии с него и его родственников подушного оклада, в связи с «тарханством» его предков (в 1781 году его просьба была удовлетворена) [22, с.594]. Подтверждением данной формулы может служить и упоминание в некоторых документах того периода этой волости как «Надыревой служилых татар». В указе, данном Надыру Уразметеву в 1735 году, во время начала народного восстания 1735–1740 годов предписывалось «выбрать служилых мешеряков и татар лутчих людей вооруженных сколко человек возможно... и явитца в команды господина статского советника Кирилова» [29, л.121 об.–122].

Еще одним известным родом служилых татар, выходцев из Башкирии, были Манашевы. В шежере племени Кыпчак, родоначальник рода показан как Монаш (или Мунаш) би [7, с.97–99]. Сам род Манашевых связан со служилыми татарами д. Кугарчин нынешнего Рыбно-Слободского района Татарстана. Впервые род Манашевых упоминается в 1618 году, когда «тарханную грамоту» на «бобровые ловли, что за Камою-рекою по Кинель-речке» получил служилый тархан д. Кугарчин Ногайской дороги Казанского уезда Килей Монашев. В том же 1618 г. «служилые тотаровя» Ишей Хозяшев и Килей Монашев получили поместную землю по Зюрейской дороге «что бывало исстари городище Чаллинское» [38, л.391]. Вотчина же по р.Кинель еще в 1613 году была дана брату Килея Булату Монашеву, в то же время поместная земля Монашевых оставалась в Казанском уезде. Известно, что к 1690-м годам у служившего «по Казани» сына Сулеймана Монашева Юсупа поместье находилось в д. Челны Зюрейской дороги, а вотчина его располагалась «за Камою-рекою по Кинеле-реке по обе стороны до вершины да по Кинельчике реке по обе ж стороны до вершины да по двум рекам Саврушам да по третьей речке Аманаке (Аманат – И.Г.), что промеж ими течет да по Зичайке (Зычи – И.Г.) речке» [46, л.22–28]. В 1719 г. (1690–1691 гг. – И.Г.) на эти же земли по реке Кинель была дана грамота служилому татарину Ишейке Тохтарову, чей дед являлся двоюродным братом Килея Монашева» [44, л.45–47]. Начиная с XVII века, на данной территории локализуется Кыпчакская волость Казанской даруги Уфимского уезда, включая и «Ицкие волости» (реки Зыча, Аманат, Савруш). Потомки Монашевых, носившие позднее фамилии Манашевых, Акбулатовых и Сулеймановых, при этом уже именуются башкирами-вотчинниками. Иначе говоря, эти башкирские тарханы как по своему положению, так и по сословной принадлежности мало чем отличались от служилых татар [32, л.2, 3, 5; 8, с.44; 47, л.2]. В данном контексте интересно высказывание тархана Кыпчакской волости Давлетбая Сурбаева, который имея в виду служилых татар других областей Российского государства говорит: «А в Казани де и в Свияжском и в Чебоксаре и во всех понизовых городех по нашему указу с их братьи служилых тарханов подводы не емлют» [33, л.1].

Видимо, царское правительство использовало как раз служилых татар (или же тарханов) в своих посольствах к башкирским племенам после взятия Казани. Русские власти при этом учитывали общность языка и культуры, единую религию, возможно и родственные связи служилых татар и башкир. Да и принятие русского подданства башкирскими племенами, видимо, как раз начиналось со служилых татар (тарханов), как представителей (лидеров) тех или иных кочевых сообществ.

Сохранились сведения о даровании тарханства также в народных преданиях и шежере. Так, башкиры-гайнинцы свое происхождение вели «от поколения тарханова, обитавшего в Булгарской области» [21, с.341]. Уроженцы же Бураевского района Башкортостана вели свое происхождение от Ялдака тархана, жалованного за службу Казанскому хану землями по р.Белой» [5, с.306].

Известны и случаи причисления служилых татар в тарханы. Так, в грамоте за 1702 год в тарханы были написаны служилые татары д. Базы Кутлуметко Кулушев, Уразака Ишметев, Алийка Ишметев и д. Янгаз-Нарат Абдрахман Каминкин. Упоминаемый в этом списке Кутлуметко (Кутлумбетко) Кулушев, видимо, имеет прямое отношение к подавшему в 1685 г. челобитную о тарханстве жителю д. Танламас Казанской дороги Кутлуметко Кутлугушеву. Эта деревня издавна входила в состав Кыр-Иланской волости, в этой же волости отмечена и Танламасовская тюба. При подаче своего челобитья он также предъявил ярлык на тарханство, выданный казанским ханом

Ибрагимом (правил в 1467–1479 годах). По его утверждению «в прошлых годах давних служили деда и отец мой в служилых тарханех». Тарханы в Кыр-Иланской волости были известны еще со времен «Еналеевского бунта» в 1615 году. За участие в поимке Еналея Емаметева эти тарханы получили поместья. Позднее эти служилые татары – тарханы оказались в составе башкир [9, с.225].

С тарханами и служилыми татарами связан также ряд населенных пунктов юго-востока Республики Татарстан, в частности, Тайсуганово, Кульшарипово и Кичучатово (ныне Альметьевский район). По преданиям, д. Тайсуганово основано Абдрахманом (Абдрахман Туймухаметов – Габдрахман бине Туймухэмэт аль-Бикчурай) (1691–1764), пришедшим со своими родственниками с р. Кинель со стороны Бугуруслана из д. Галино. Известно, что эта деревня состояла в Султангуловской волости Бугурусланского уезда. В ней проживали башкиры Кыпчакской волости, ведшие свой род от тарханов Манашевых. Какое-то время Абдрахман Туймухаметов проживал и в д. Муртыш-Тамак Байлярской волости. При этом байлярское племя во время ногайского господства на Южном Урале (по крайней мере до XVI века) входило в состав кыпчакского племенного объединения.

На какой же ступени феодальной лестницы в Казанском ханстве стояли тарханы? В этой связи нам хотелось бы обратить внимание на некоторое сходство положения тархан Казанского ханства и служилых татар Московского государства. В целом единый по статусу институт служилых татар был неоднороден – в него входили как потомки Чингисидов, князья, мурзы, так и простые служилые и кормовые татары. Такое же положение было и с тарханами Казанского ханства. Наряду с рядовыми тарханами, тарханские права отмечены и у Чингисидов. В целом основная масса тарханов, видимо, стояла невысоко в иерархической лестнице ханства. В этой связи любопытным является упоминание в ярлыке Ибрагима хана вместе и в одном контексте тарханов и «илче». Как известно, Казанское ханство административно подразделялось помимо даруг на «или» – низшие административные единицы (волости в русском понимании этого слова).

С насильственным включением в состав Российского государства «подрайской земли» по средней Волге и Каме и добровольным присоединением башкир, статус тархан несколько меняется. В первую очередь это было связано с тем, что, согласно статье 43-й Судебника 1550 года, тарханский иммунитет в Московском государстве был отменен [20, с.40]. В этих условиях феодальная элита Казанского ханства была включена в состав института служилых татар, уже сложившегося к тому времени. Также как русские служилые люди они жаловались поместьями и вотчинами, записывались в десятни, верстались поместным и денежным окладом. Иначе обстояло дело на окраинах Российского государства, куда руки властей доходили крайне редко.

Список использованных источников и литературы

1. Амирханов Р., Габдуллин И. Надыр Уразметов // Элмэт – Альметьевск; Казань: Фонд «Альметьевская энциклопедия», 2003.
2. Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. – Уфа: Китап, 2006.
3. Ахметзянов М. Татарские родословные (на татарском языке). – Казань: Татар. кн. Изд-во, 1995.
4. Ахметзянов М.И. История села Большой Менгер (на татарском языке). – Казань: Идел-Пресс, 2000.
5. Ахметзянов М.И. Ногайская Орда: историческое наследие татарского народа (на татарском языке). – Казань: Магариф, 2002.
6. Башкирские родословные / Сост.: Р.М. Булгаков, М.Х. Надергулов. – Вып. 1. – Уфа: Китап, 2002.
7. Башкирские шежере / Сост. Р.Г. Кузеев. – Уфа: Башкир. Кн. Изд-во, 1960.
8. Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. – СПб., 1864.
9. Габдуллин И.Р. К вопросу об этносословной эволюции тюркского населения Уфимского уезда (губернии) в XVII–XIX вв. // Единство татарской нации. Материалы научной конференции АН РТ «Цивилизационные, этнокультурные и политические аспекты единства татарской нации (Казань, 7–8 июня 2002 г.). – Казань: Фэн, 2002.
10. Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. – М., 2006.
11. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 342.
12. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. I, ч. II. – Саранск: Мордовское государственное издательство, 1950.
13. Еникеев С.Х. Очерк истории татарского дворянства. – Уфа: Гилем, 1999.
14. Исхаков Д.М. О роли ногайского компонента в формировании татар Волго-Уральского региона // Из истории Золотой Орды. – Казань, 1993.
15. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). – Казань: Мастер Лайн, 1998.
16. Исхаков Д.М. Из истории села Старое Ермаково Клявлинского района Самарской области // Из истории Альметьевского региона. – Вып. 1. – Альметьевск: Татполитграф, 1999.

17. Исхаков Д.М. Юго-Восток Татарстана: проблема изучения этнической истории региона XV–XVI вв. // Альметьевский регион: проблемы историко-культурного наследия. Региональная научно-практическая конференция. Тезисы докладов. – Альметьевск: Фонд «Альметьевская энциклопедия», 1999.
18. Казаков Е.П., Рафикова З.С. Очерки древней истории Восточного Закамья. – Альметьевск: РИЦ «Дом Печати», 1999.
19. Калачев Н.В. Десятни. – СПб., 1875.
20. Каштанов С.М. Отмена тарханов в России в середине XVI века // История СССР. – №6. – 1986.
21. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. – М.: Наука, 1974.
22. Материалы по истории БАССР. – Т.4. – Ч.2. – М., 1956.
23. Мослими. Тэварихы Болгария (Болгар тарихы). – Казань, 1999.
24. Населенные пункты Республики Татарстан. Краткий справочник. – Казань, 1997.
25. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Публикация текста Р.Н. Степанова. – Казань, 1978.
26. Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. – М.: Наука, 1988.
27. РГАДА, ф.233, кн.352.
28. РГАДА, ф.248, оп.3, кн.115.
29. РГАДА, ф.248, оп.3, кн.169.
30. РГАДА, ф.248, оп.67, кн.5959.
31. РГАДА, ф.615, оп.1, д.7853.
32. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.196.
33. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.319.
34. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.676.
35. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.766.
36. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.769.
37. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.1087.
38. РГАДА, ф.1209, оп.1, д.153.
39. Самарская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. – Т.36. – СПб., 1877.
40. Справочная книга Уфимской губернии / Составитель Н.А. Гурвич. – Уфа, 1883.
41. Степанов Р.Н. К вопросу о тарханах и о некоторых формах феодального землевладения // Сборник научных работ. Вторая итоговая конференция молодых ученых города Казани 27–28 марта 1964 г. – Казань, 1966.
42. Усманов М., Мухамедьяров Ш., Степанов Р. Новый ярлык // Казан утлары (на татарском языке). 1965. – №8.
43. Уфимская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870 года. – Т.45. – СПб., 1877.
44. ЦГИА РБ, ф.И–10, оп.1, д.1298.
45. ЦГИА РБ, ф.И–10, оп.1, д.1328.
46. ЦГИА РБ, ф.И–2, оп.1, д.6402.
47. ОР РГБ. Ф.364. Оп.7. Д.8. // Любавский М.К. Очерки по истории башкирского землевладения и землепользования в XVII, XVIII и XIX вв.

Приложения

Тарханская грамота (в переводе на русский язык), выданная казанским ханом Мухамет-Амином Асылхоже Мизякову и его сыновьям в 1516 году

921-го году месяца (по-татарски) Зулхитжа 23-го числа от Мухамет Аминя Богодор хана честнейшим и во благоденство возрастившим родственником и честно воспитанным детям и в честь превознесенным даже до последнего веку всем мусульманским обладателем и присудствующим чиновным и воинским и на одном месте пребывающим главным людям и редовым посланцом, куриером, судовым и пахотным людям, заставщиком, тамгачам и в царствующей Казане поселенным казну хранителям и от обид, вреда и бед защитителям оное объявляетца. Пожаловал Асылхожу Мизякова з детми ево Хасяном и Хусеином в тарханы и чтоб оным в отлучке в пути и где они будут жить как самим, так и людям и скоту ни в чем никому обид и утеснения чинить не касаться, ясаку с них и оброку и никаких мелких податей не требовать и насилством в дома не становиться и впредь их за знатнейших почитать.

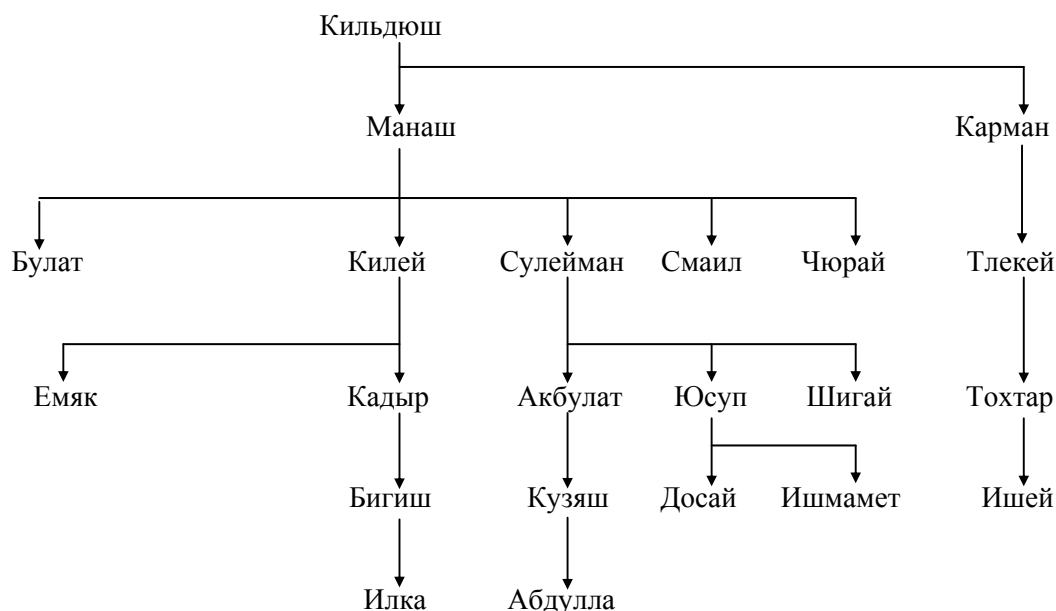
РГАДА, ф. 248, оп. 67, д. 5959, л. 451.

Тарханская грамота (в переводе на русский язык), выданная казанским ханом Сафа-Гиреем Хасяну и Хосяину Асылходженым в 1526 году

Месяца Шахбана 15-го дня лета 933 году от Абдулватх Сафа Герей Богодор хана честнейшим и достоинство и чести благопостижнейшим и честно воспитанным детям ево ханским и в честь превознесенным всем мусульманским обладателям и присутствующим чиновным и воинским главным людям, заставщиком, тамгачам, от зла хранителям, первым знатым старшинам и редовым судебным и пахотным людям и в царствующий Казане всем поселенным следующую он, хан, речь объявляет. А имянно, о нижеписанных тарханах Хасяне и Хосяине Яобуроше Асылходженых, которые де предъявля старинных своих тарханских грамот просили ево, хана, чтоб их пожаловать по прежнему в тарханы, понеже де были они изстари тарханы, которым де ныне он, хан, и пожаловал. И чтоб оным пожалованным тарханом в отлучке в пути и в домех их ни в чем обиды и утеснения отнюдь не чинить и ясаку ничего не требовать посланцам и протчим приезжающим людям, по их домам квартиру не требовать и им награждения и пищи с них не требовать и жить им во всяком тишине и покое.

РГАДА, ф. 248, оп. 67, д. 5959, л. 451об.

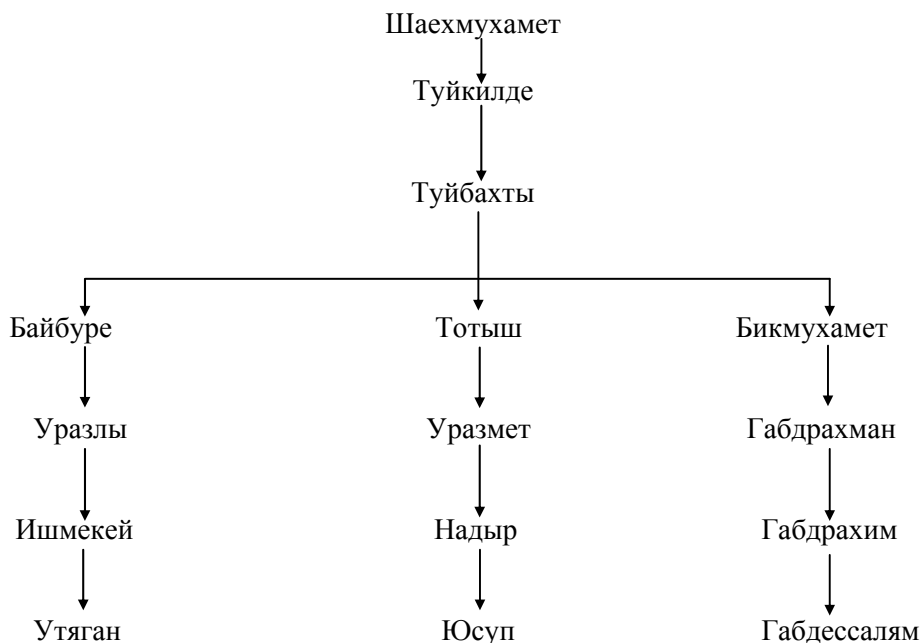
Из родословной Манашевых

Из родословной Надыровых

А.А. Горин

К вопросу о роли татарской аристократии в процессе формирования служилого сословия Московского государства XV–XVII вв.

Вопрос о роли татарской аристократии в течение многих лет не рассматривался в отечественной историографии. Однако в последние полтора десятилетия отечественная историческая наука впала в другую крайность: появилось множество диаметрально противоположных версий, грешащих тенденциозностью. Однако вопрос роли аристократии выходцев из Великой Степи продолжает оставаться актуальным по сей день.

Сословие служилой аристократии государства Российского, как и в любом многонациональном государстве, прошло ряд этапов своего формирования. Условно периодизируя данный процесс, описанный в ряде работ отечественных и зарубежных историков, например, М.Владимирским-Будановым [5, с.255], М.Бычковой [3, с.51], Т.Кадеровой [7, с.186], И.Михайловой [10, с.497] и др., можно выделить следующие этапы становления государственной системы, инструментов формирования слоя служилой аристократии:

первый этап «вотчинно-удельный» – с X по XV вв., когда государственное служилое сословие формировалось при помощи жалования уделов, денежных подарков и других способов материального стимулирования;

второй этап «разрядный» – с XV по сер. XVI вв. На этом этапе главенствующую роль играл служебный «стаж» рода и должности, занимаемые представителями этого рода при дворе Московских князей. В принципе существование этого этапа объясняется тем, что в указанную эпоху Московия утверждала свою независимость и мерилом почетности служила верность человека и его рода «законным» правителям;

третий этап «волевой» – продолжался с середины XVI по 1682 г. На этом этапе происходит формирование самодержавной власти, когда определение сиюминутного статуса человека целиком и полностью зависит от воли Государя, так как местническая система уже пришла в упадок, а новая кодифицированная система идентификации находилась еще на стадии формирования. Именно в этот период волей Государей происходит слияние различных групп земельных собственников в единую монолитную массу;

четвертый этап «генеалого-геральдический» – с 1682 по январь 1917 г. (последний зарегистрированный в Российской Империи герб принадлежал Ф.Т.Петрову – начальнику горного Алтайского округа).

С высокой вероятностью достоверности можно предположить, что на первоначальных этапах механизмы формирования служилого сословия предполагали создание лично и поземельно зависимого от главы государства сословия, представители которого могли бы составить конкуренцию удельным князьям присоединяемых земель.

Механизм формирования этого сословия хорошо виден на примере внесения в русскую систему идентификации геральдической и других видов символики. Традиционно считается, что этот процесс активизируется лишь в XVI–XVII вв. Однако такое мнение не учитывает, что ряд русских земель длительное время находился к моменту их объединения вокруг Московского княжества в зоне действия европейской статусно-знаковой системы, геральдики. Уже в XIV веке начинается процесс, характеризуемый историком С.Т.Голубевым, как «синтез раннефеодальных институтов незавершенного феодализма коренной Литвы с более развитыми институтами феодально-раздробленного строя подчиненных ей нелитовских земель» [6, с.6–7].

Российская геральдика как таковая начинает свое формирование в момент, когда российский социум входит в тесный контакт с европейскими социумами, в пределах которых система геральдической идентификации играет ведущую роль в определении статуса родов, уровня их династических притязаний.

Однако, начиная с XIV века, в силу ряда причин к московскому князю на службу начинают отъезжать и представители аристократии Золотой Орды. После же присоединения к Московскому государству Казанского и Астраханского ханства в середине XVI в., число выходцев их Орды джучидов и наследовавших ей государств по числу своему становится сопоставимо с числом удельных князей и служилых аристократов русского происхождения.

Безусловно, представители ордынской аристократии оказываются в обществе, состоящем из лиц, статусы которых приобретены в различных государствах и строятся на различных канонах, зачастую просто не существующих в традициях улусов Великой Степи.

Статус русской аристократии, сохранившей свою самобытность, регулировался волей Великого князя и зачастую, влияя на положение их потомков, не гарантировал им сохранения положения предков в государственной иерархии. Н.Бранденбург, например, в своей работе отмечает, что хотя *«употребление гербов проникло в Россию сравнительно поздно, именно лишь в XVII веке, а настоящим образом прививается только с XVIII в. (для подтверждения этого тезиса Бранденбург ссылается на предвзятые исследования Котошихина – прим. авт.), тогда как в Польше они вводятся уже в XIV и XV столетиях. Тем не менее, гербы старых русских княжеских родов, потомков удельных князей, могут иметь перевешивающее значение, в силу того, что они образовались на основаниях, совершенно отличных от гербов западно-европейского рыцарства... гербовые изображения указанных родов суть ни что иное, как те же эмблемы, которые существовали на печатях уделов княжеских Рюриковичей, так что первоначальные гербы старых русских княжеских фамилий состояли исключительно из одной их родовой эмблемы»* [1, с.35–36].

То есть, кроме идентификации, как таковой, других прав «по умолчанию» у русской удельной аристократии после реформ Ивана III, Василия III и Ивана IV попросту не остается. Местничество постепенно приходит в упадок. Иван IV практически отменяет его во время военных походов, отдавая предпочтение талантливым полководцам перед родовитыми. Прямо говорит о формировании дворцовой администрации из представителей служилой аристократии и С.Каштанов: *«Дворцовые должности находились в руках не у княжеско-боярской знати, входившей в состав Боярской думы, а, как правило, у нетитулованных представителей старомосковских родов, издавна связанных с великокняжеской властью»* [9, с.43].

В землях, которые находились под влиянием Польши, также статусная система оказалась далека от совершенства: в работе Е.Карновича прямо говорится о том, что *«в Польше не существовало, – как существовало на Западе и как, в подражание ему, было заведено у нас, – отдельных фамильных гербов. Во всей Польской геральдике было всего сотни три дворянских гербов, да и то, большей частью занесенных из-чужа: из Германии, Венгрии, Чехии, Дании, Италии и других стран. Каждый герб имел особое название, не заключающее иногда в себе никакого значения и не соответствовавшее очень часто геральдическим изображениям, внесенным в герб. Так, например, были гербы Абданк, Лелива, Элита, Наленч, Порай, Слеповронь, Корьбут и проч. Такие гербы служили как бы знаменами особых воинских отрядов и шляхетских братств, и каждый новый шляхтич, родом поляк или переселившийся в Польшу иностранец, если он получал*

там «индегинат», то есть право гражданства, приписывался к одному из существовавших в Польше гербов. Причем название гербов превращалось в *przydomek* как бы в придаточную политику шляхтича, как например Наленч-Рачинский, Элита-Михайловский, Бонч-Осмоловский...» [8, с.20–21].

Итак, разделение русской аристократии на «включенную в европейскую геральдику» и «не включенную в нее» порождает статусный дисбаланс, поскольку в русской системе иерархии приоритеты имеют одни аристократические семьи, в то время, как в рамках международной системы – совершенно другие. Если добавить к этому не устоявшийся социальный и национальный состав русской аристократии, то становится ясно, что проблема статусного дисбаланса уже к XV веку заставляет правителей Руси искать компромисс, позволяющий привести в соответствие «внутреннюю» и «внешнюю» систему иерархии, одновременно эффективно включая в нее аристократию вновь присоединяемых земель, а также – представителей аристократии, «отъезжающих» на службу к Московским государям.

Можно предположить, что проведение унификации статусной системы могло быть проведено при наличии широкой социальной базы лиц, отвечающих следующим условиям:

- обладавших аристократическим происхождением, легитимным, как для Московского государства, так и для Европы;
- свободных от всякой статусной системы, кроме системы родовой идентификации;
- лиц, не связанных ни с одним слоем аристократии, как вотчинной, так и служилой, являвшихся носителями каких-либо систем статуса, принятых на Руси или в Европе.

Неудивительно, что русские Великие князья и цари делают ставку на татарскую аристократию. Если проследить исторические факты с XV по XVII вв., то можно заметить, что татарская аристократия обладала на территории Великого Княжества Московского статусом выше, нежели собственно русская аристократия.

Об этом подробно пишут, например, и М.Худяков: «Хан Мухаммед скончался вскоре после возвращения в Казань из Нижнего Новгорода. Он имел трех сыновей – Махмуда, Касима и Якуба. В 1445 г. царевичи Махмуд и Якуб участвовали в русском походе, в 1446 г. Касим и Якуб действуют с войском в России, оказывая поддержку Василию Темному. Касим остается в России в качестве удельного князя Мещерского Городка на Оке, Якуб упоминается под 1452 г., как участник русского похода на Вагу и Кокшеньгу» [12, с.21], и В.В.Вельяминов-Зернов в своем «Исследовании о Касимовских царях и царевичах», изданном в 1863 г.

Значительная часть русской аристократии породнилась в период с XIV по XVI вв. с представителями ордынской знати, уже имевшей и статус, и служилое звание мурз, нойонов, огланов и др. М.Е.Бычкова, например, называет такие роды с «ордынскими» корнями, как Урусовы, Бабиचेvy, Нарбековы, Державины, Парецкие [3, с.6]. Учитывая же доверие Ивана Грозного к касимовскому хану Симеону Бекбулатовичу (вспомним, этого человека Иван IV в 1574 г. оставляет вместо себя в качестве правителя «на Москве»), нужно признать статус татарской аристократии исключительно высоким. «До Петра I в России был известен лишь княжеский титул, как отличительный знак родов, произошедших от Рюрика, Гедимины или князей Литовской Руси, а также – потомков грузинских царевичей, горских владетелей, татарских мурз, въезжавших в Россию» – пишет в своей работе С.Василевич [4, с.3].

К третьей четверти XVII века дворянство и боярство, забыв о разрядных книгах по примеру царствующей семьи, занялось поисками своих объективных родословных, стараясь найти или приписать свое происхождение какой-либо известной персоне, отдавая предпочтение, как уже говорилось выше, представителям западной знати или ордынской аристократии [3, с.33]. Не случайно первый специфически российский герб принадлежит роду Нарбековых, будучи основан на родовой легенде о подвигах представителя этого рода в ходе взятия Казани в 1552 г.

К сожалению, на данный момент исследования в данном вопросе слишком малочисленны, чтобы можно было с полной уверенностью говорить о ведущей роли татарских мурз как социальной базы для становления системы служилой аристократии русского государства в XV–XVII вв. К тому же в данном случае мы сталкиваемся с деликатной проблемой: не секрет, что «выезжие» из Орды и государств, образовавшихся при ее распаде, вели на территории Московской Руси весьма разную в духовно-идеологическом плане жизнь. Одни, как, например, Нарбековы или Юсуповы даже принимая православие, сохраняли духовную связь с традициями предков. Другие, как род Юшковых, сохраняя родовые легенды, в значительной степени русифицировались (именно об этом говорит изучение истории рода), третьи, как те же Татариновы окончательно отождествили себя с русской культурой.

Однако, значительная часть аристократии, происходящей от монгольских и крымских родов, а также имеющей корни народов Поволжья и Приуралья, даже на службе русским Великим Князьям и Царям сохранили не только национальную личностную самоидентификацию, но и титулы. Например, представитель рода Казаковых Субханкул Казаков (1776–1858) сохранил титул мирзы вплоть до конца жизни [11, с.14]. Эта часть аристократии правомерно подчеркивает свое происхождение, как в генеалогических исследованиях, так и в геральдике. Упрощает этот процесс обычно мусульман отслеживать свою родословную по мужской линии, который дает возможность полноценного включения мусульманской аристократии в систему русской лестницы.

Суммируя вышесказанное, мы можем с уверенностью заявить, что для правителей Русского государства XV–XVII вв. аристократия, вышедшая из государств – наследников Золотой Орды, стала наряду с самобытным русским дворянством крепкой социальной базой для реформирования социальной системы, позволившей в кратчайшие сроки создать слой служилой аристократии, ставший надежной опорой русским самодержцам в борьбе с удельной аристократией, а также принципиально реформировать статусно-идентификационную систему, преодолев последствия феодальной раздробленности и построив гибкую систему иерархии, учитывающую особенности национально-регионального компонента социума.

Список источников литературы

1. Бранденбург Н. Род князей Мосальских XIV–XIX вв. – СПб., 1892.
2. Бычкова М.Е. Первый русский дворянский герб // Гербовед. – 1993. – №2.
3. Бычкова М.Е. Легенды московских бояр. – М., 1997.
4. Васильевич С. Титулованные роды Российской Империи. – СПб.: Тип. «Общественная польза», 1910.
5. Владимирский-Буданов М. Хрестоматия по истории русского права. – Вып. 2. – СПб., 1889.
6. Голубев С.Т. Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV – начала XVI столетия). Кн.6 // ЧИОНЛ. – Киев, 1892.
7. Кадерова Т.Н. Организация обороны юго-восточных границ Российского государства и служилые люди в Мордовском крае во II половине XVI – XVII вв.: Дис... канд. ист. наук. – Саранск, 2001.
8. Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. – СПб.: Издание А.С.Суворина, 1886.
9. Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. – М.: Наука, 1970.
10. Михайлова И.Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. Очерки социальной истории. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003.
11. Нагорная М.А. Родословная Казаковых (XVI–XXI вв.). – Нижний Новгород, 2002.
12. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. – Казань: Фонд ТЯК «Татарнамэ», 2006.

Д.В. Макаров

Малоизученные группы служилых татар XVI–XVII вв.

В ходе работ по подготовке энциклопедических словарей «Ислам в Москве» и «Ислам в Центрально-Европейской части России» в серии «Ислам в Российской Федерации» одной из значительных тем являлась служба мусульманских военно-служивых сословий в Московской Руси.

При проработке данной тематики выяснилась колоссальная разница в уровне исследований по различным группам татар. Наряду с такими достаточно хорошо исследованными группами, как касимовские, темниковские, романовские (после их потомки – костромские) татары, существовали также калужские, малоярославецкие, боровские, юртовские, мугреевские, коломенские, каширские, звенигородские, пронские, бордаковские, михайловские группы татар. Возможно, этим перечнем весь список не исчерпывается.

Все вышеназванные группы отличаются следующими характеристиками – до конца не выяснено их происхождение, эпизодически известна их роль в истории и в большинстве случаев неизвестна их дальнейшая судьба.

В качестве примера рассмотрим 2 группы: калужских и звенигородских татар.

Калужские татары – по-видимому, проживали в Калуге и ее ближайших окрестностях. Известны данные о украинной службе калужских, а также боровских и Малого Ярославца татар в 1616–1631 гг. [1, с.312–313].

В 1616 г. в Боровске служило 30 новокрещен и 7 татар – не указано, откуда.

В 1617 г. в Боровске – 77 боровских татар, 38 московских татар и новокрещенов; в Калуге – 8–19 новокрещенов.

В 1618 г. в Калуге – 19 калужских новокрещенов.

В 1619 г. в Калуге – 11 конных новокрещенов и татар и 7 пеших новокрещенов, в Серпухове – 7 боровских татар.

В 1620 г. в Туле – из 182 татар 36 московского, 69 боровского, 25 серпуховского, 52 коломенского уездов.

В 1621 г. в Туле – 100 боровских и московских новокрещенов и татар.

В 1628 г. в Крапивне – всего 211, из них 45 Московского уезда, 60 боровских, 3 Ярославца Малого, 24 серпуховских, 11 калужских, 50 коломенских, 18 каширских.

В 1629 г. в Крапивне – из 307 татар 43 Московского уезда и 23 новика; 59 боровских и 28 новиков; 3 Ярославца Малого; 24 серпуховских и 7 новиков; 11 калужских и 17 новиков; 48 коломенских и 23 новика; 14 каширских и 7 новиков.

В 1630 г. в Крапивне – из 310 татар 65 Московского уезда, 86 боровских, 4 Ярославца Малого, 35 серпуховских, 28 калужских, 72 коломенских, 20 каширских.

В 1631 г. в Крапивне – 58 (70) новокрещен и татар 3-й статьи – Московского, Боровского, Каширского, Серпуховского, Калужского, Коломенского уездов.

После 1631 года служба калужских, малоярославецких и боровских татар не фиксируется, возможно, в графе «МОСКОВСКИХ ГОРОДОВ», причем все служили в Крапивне.

В 1632 г. – 70 НК (новокрещен) и татар московских городов.

В 1634 г. – 70?НК и татар московских городов.

В 1635 г. – 270 НК и татар московских городов.

В 1636 г. – 306 НК и татар разных городов помещиков [1, с.313].

Обращает на себя внимание малая численность воинских контингентов, выставяемых калужскими татарами – от 11 в 1628 г. до 28 в 1630 г. Возможно, это связано с тем фактом, что после убийства Лжедмитрия II начальником его личной охраны ногайским мурзой Ураком Урусовым [2, с.317] и бегства последнего в Крым, оставшиеся в лагере Самозванца в Калуге татары и ногаи были истреблены [3, с.153]. Данное обстоятельство объясняет чрезмерно малую численность калужских татар в вышеуказанные годы, т.е. через 18–20 лет после этих событий.

Происхождение калужских, а также боровских и Малого Ярославца татар исследователь Д.З.Хайретдинов гипотетически связывает с выходцами из различных кыпчакских групп [4]. Того же мнения придерживаются Ф.Л.Шарифуллина и А.М.Орлов [5, с.57; 6, с.50–51]. По-видимому, нет серьезных оснований сомневаться в данном предположении, хотя проводить исследования в данном направлении необходимо.

Интересен тот факт, что на начальном этапе служба данных групп татар проходила в пограничных гарнизонах, размещавшихся в местах их проживания, и лишь по мере перемещения границы (поневоле приходит на ум концепция «плавающей границы», выдвинутая для границ США в XIX веке, и примененная Б.Рахимзяновым также для границ Московского государства второй половины XVI–XVII вв.) места дислокации гарнизонов также перемещаются. Причем основным местом службы является крупный военный лагерь в Крапивне, находившийся на одной из важнейших сакм – Муравском шляхе и фактически блокирующий ее [7, с.60–61]. В составе войска, принимавшего участие в осаде Смоленска в 1632–1634 гг., данные группы татар не фиксируются [8, с.60].

Интересен также факт достаточно раннего присутствия среди калужских татар новокрещенов (см. выше), причем это фиксируется еще до начала кампании по массовому крещению татарской феодальной знати, и даже до принятия Соборного Уложения 1649 г., фактически подрывающего экономику мусульманского служилого сословия [9, с.40, 41].

По-видимому, конфессиональное давление на мусульман ближних к Москве районов Руси началось еще до наступления на их права в более окраинных районах, каковыми были Темников и даже Касимов.

Последующая судьба калужских, малоярославецких и боровских татар пока что не прослежена. Основная причина в этом состоит в том, что этой темой просто не занимались. Тот небольшой объем работ, который выполнялся по истории ислама в Калуге, ограничивался преимущественно имамом Шамилем и турецкими военнопленными. Малоисследованными являются даже крымский хан Шахин-Гирей и казахский султан Арын-Газы, проживавшие здесь в ссылке [10, с.103–104].

Остается предположить, что эти группы тюрко-мусульманского населения были частично окрещены и ассимилированы, частично переведены в другие места проживания в связи с перемещением границы. По аналогии с хорошо исследованными романовскими татарами возможно предположить также частичное бегство за границу (в Крым), но, если таковое и имело место, в крайне незначительном масштабе. Проживание прямых потомков калужских татар в данном городе не зафиксировано. В татарской общине города стереотипов сознания, связанных с преемственностью населения, не наблюдается.

Следующим пунктом в нашем исследовании являются татары Звенигорода. По приводимым таблицам они входят в состав московских или же московских городов татар. Численность точнее определить не представляется возможным. Происхождение звенигородских татар определяется гораздо лучше в связи с тем, что этот город неоднократно передавался на кормление различным татарским царевичам. С 1446 по 1452 г. здесь находилась резиденция Касим-хана, сына Улуг-Мухаммада. С 1492 по 1497 г. Звенигородом владел правнук Улуг-Мухаммеда царевич Абдул-Латиф [11, с.7].

В 1552 г. в Звенигородском уделе воцарился астраханский хан Дервиш-Али (прав. в Астрахани в 1537–1539, 1554–1556 гг.), который правил здесь до 1554 г., после чего с военной помощью Москвы и Ногайской Орды вернулся в Астрахань [12, с.80].

В 1554 г. в Звенигородском уделе поселяется новый владелец – последний казанский хан (правил с марта по сентябрь 1552 г.) Ядыгар-Мухаммед (Едигер), свергнутый с престола и плененный Иваном Грозным в 1552 г. Он крестился в начале 1553 г. под именем Симеона Касаевича и был поселен в Звенигороде, где и умер в 1565 г. [12, с.80].

В 1569 г. в Звенигородский удел приезжает астраханский царевич Муртаза-Али, крещеный в 1570 г. под именем Михаила Кайбуловича – потомок некогда правившего дома (внук хана Аккубека). Как и в случае с Едигером, Муртазу держали на случай возвращения в Астрахань, присоединение которой к Москве все еще оспаривалось Крымским ханством и Османским халифатом. Вероятно, Муртаза-Али жил в Звенигороде до своей смерти. Последнее его упоминание относится к 1574–1575 гг.: «Того же лета послал государь царь и великий князь под Пернов царя Семиона Бекбулатовича да царевича Михаила Кайбуловича и бояр и воевод»; А.Юрганов полагает, что он умер в 1577–1578 гг. [12, с.80–81].

Обращает на себя внимание также тот факт, что в перерывах между татарскими владельцами Звенигорода татарское помещичье землевладение продолжало сохраняться.

Из войск и приближенных этих татарских владельцев и состояли, по-видимому, отряды служилых татар, чьи потомки сохранили свою идентичность вплоть до 1920-х гг. В этой связи интересен тот факт, что на кормление татарским царевичам выделялся ряд других городов современной Московской области – Кашира, Серпухов, Сурожик (совр. Истра), расположенные поблизости от Звенигорода. Но ни в одном из них не прослежено проживание мусульманских потомков того татарского населения, как это фиксируется в Звенигороде.

Напротив, в городе Звенигороде к началу XX века фиксируется наличие мусульманской общины (татарской), причем обладающей достаточно высоким социальным статусом и стабильным материальным положением. Имеются документы о наличии в 1910 г. мусульманского кладбища, что является свидетельством существования институционализированной мусульманской общины [13; 14, с.266]. О материальном положении говорит хотя бы тот факт, что татарам Звенигорода принадлежала сеть магазинов, находившихся на площади на пересечении Дворянской (ныне Пролетарская) и Московской улиц, причем число этих магазинов превышало сравнимо с самим татарским населением, составлявшим в 1900 г. 80 человек обоего пола (г.Звенигород и Звенигородский уезд [15, с.154]. В это же время количество магазинов составляло не менее 20 (по фотоматериалам). В настоящее время большую часть татарского населения города Звенигорода составляют потомки бежавших от репрессий 1920–1930-х гг. выходцев из Ульяновской, а также Нижегородской областей и Татарстана. Но, несмотря на это, а также на тот факт, что лидерство в общине прочно закрепилось за потомками мигрантов 1920-х гг., в массовом сознании татарского населения города имеется представление о непрерывности существования мусульманской общины с XV века.

Напротив, современное татарское население Каширы и Серпухова, которыми также неоднократно владели различные Чингисиды, подобных представлений не сохранило, что показывает перерыв в заселении этих регионов [16, с.117–118; 17, с.311–312].

В ходе всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Помимо хорошо или относительно хорошо изученных групп служилых татар, ставших позже татарским дворянством (темниковские, касимовские, каринские, арские, романовские, кост-

ромские), имеется ряд групп, крайне мало изученных. И это не только астраханские и сибирские группы, но также и большая часть центрально-русских.

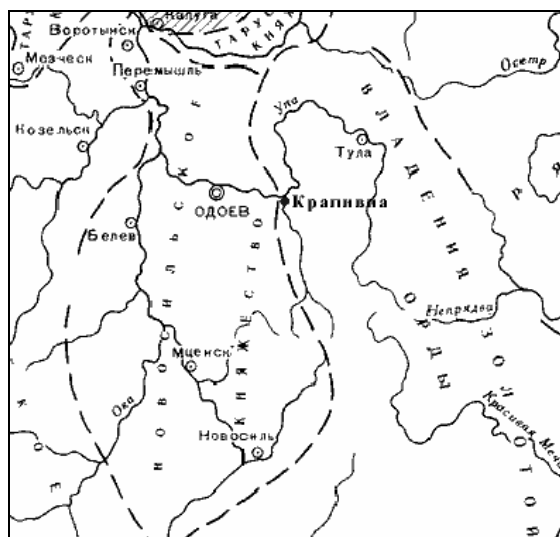
2. Все без исключения группы служилых татар внесли колоссальный вклад как в этническую историю татар, так и в общую историю России. Вклад этот до сих пор не изучен и не оценен.

3. Изучение всех этих групп возможно лишь при комплексном подходе, включающем в себя военную историю, демографию, межевые дела, родословные родов, в т.ч. татароязычные шежере, этнографические исследования, этнопсихологию.

4. Изучение малоисследованных групп служилых татар не менее важно для понимания исторических процессов в России, нежели чем таких известных, как, скажем, темниковские.

Список использованных источников и литературы

1. Бурцев И.Г. Украинная служба татар // Ислам в Центрально-Европейской части России. – Москва – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009. – Т. 4. – С.312–313.
2. Ишеев М.Р. Урусов Петр (Урак) Арсланович // Ислам в Центрально-Европейской части России. – Москва – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009. – Т. 4. – С.317.
3. Днепровский А.С. Утраченные кладбища города Калуги // Калужский некрополь. – Калуга: Облиздат, 2009. – С. 151–154.
4. Устное сообщение Д.З.Хайретдинова.
5. Шарифуллина Ф.Л. Костромские татары (историко-этнографический очерк) // Этнологические исследования в Татарстане. – Казань: Институт истории АН РТ. 2008. – Т.2. – С.55–68.
6. Орлов А.М. Мещера, мещеряки, мишари. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1992. – 112 с.
7. Книга большому чертежу <http://lib.rus.ec/b/132062/read>.
8. Еникеев С.Х. Очерк истории татарского дворянства на сайте «Генеалогия и архивы». <http://www.ufagen.ru/node/5594>. – С.60.
9. Соборное Уложение 1649 г., главы 16, 20, цит. по: «Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания статистика)» / Сост. Арапов Д.Ю. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. – 366 с.
10. Макаров Д.В., Хайретдинов Д.З. История ислама в Калужской области // Ислам в Центрально-Европейской части России. – Москва – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009. – Т.4. – С.103–104.
11. Беляков А.В. Абдул-Латыф бине Ибрагим // Ислам в Центрально-Европейской части России. – Москва – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009. – Т.4. – С.7.
12. Хайретдинов Д.З. Звенигородский удел, XV–XVI вв. // Ислам в Москве. – Москва – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2008. – Т.2. – С.79–81.
13. Письмо городской администрации г. Звенигорода неофициальному имаму Х.Х.Хасянову с просьбой навести порядок на кладбище от 20.05.1950 г. (в письме содержится ссылка на землеотвод под кладбище в 1910 г.). Содержится в архиве МРОМ г. Звенигорода.
14. Макаров Д.В. Социализация мусульманских общин Центральной России // Ислам в Центрально-Европейской части России. – Москва – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009. – Т.4. – С.266–268.
15. Макаров Д.В. Мусульманская община Звенигорода // Энциклопедический словарь «Ислам в Москве». – Москва–Нижний Новгород: ИД «Медина», 2008. – Т.2. – С.154–155.
16. Хайретдинов Д.З. Каширский удел XV–XVI вв. // Ислам в Москве. – Москва – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2008. – Т.2. – С.117–118.
17. Хайретдинов Д.З. Тюрко-мусульманские юрты Московии XV–XVI вв. // Ислам в Центрально-Европейской части России. – Москва – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009. – Т.4. – С.311–312.

Э.И. Амерханова

Служилые мурзы и татары в составе служилого города Казани во второй половине XVII – начале XVIII вв.

В Среднем Поволжье после завоевания Казанского и Астраханских ханств давно существовавшая родовая знать стала новым чужеродным компонентом среди во многом ордынской по происхождению русской служилой корпорации. Социальная стратификация в Московском государстве XVII в. была очень дробной. Разделение на чины определялось родовитостью служилых людей, различными службами и владельческими правами на вотчины и поместья. Однако, не всегда положение родовитого землевладельца обозначало принадлежность к чинам думным, выборным или городовым служилых людей «по прибору».

В историографии проблема выработки разных способов социальной эволюции знати Казанского ханства давно рассматривается как один из важнейших факторов «замирения» территории Среднего Поволжья, создания и укрепления здесь институтов царской власти. Превращение верха коренных народностей этого региона в служилых людей Московского государства происходило в несколько этапов. На начальном этапе насильственное крещение становилось условием сохранения статуса, далее, с усилением протеста, вырабатывались иные подходы, касавшиеся сохранения землевладения, несения службы и распоряжения крепостными людьми. Сложная источниковая основа исследований данного региона XVI–XVII вв. не позволяет определить, какое количество родов казанской знати предпочло остаться на своих землях, сохранить исповедование ислама. Становясь служилыми татарами, эти представители знати Казанского ханства сохраняли такое обозначение и для следующих поколений, следовательно, этот термин обозначал один из чинов служилых людей.

При обозначении служилых татар присутствует обозначение и этнической принадлежности, и религиозной, так как те, кто принимал христианство, становились служилыми новокрещеными. Так, в этом случае невозможно с точностью установить, к какой народности принадлежит новокрещен. Хотя для служилых татар сохранение языково-этнической идентичности происходило через сохранение имен и фамильных прозваний, родовых признаков и земельных владений.

Численность служилых татар на протяжении второй половины XVII в. изменялась очень существенно. Материалами для подсчетов служат следующие источники: писцовые описания Ивана Болтина 1602–1603 гг. [7], Семена Волынского 1647–1656 гг. [8], С. Кайсарова 1685–1687 гг. [9], сметные списки 1661–1663 гг. [1], список 1675/76 г. [5, ед.хр.1295/10], материалы разбора 1700 г. [12] и более ранних разборов, сохранившихся лишь в виде выписей из десятен.

В начале XVII в. писцовое описание специально было организовано только для особых категорий служилых людей: «за служилыми за князьями, за новокрещены, и за мурзами, и за татарами в поместьях, а владеют по государевым грамотам и по выписям с казанских дач...» [7, с.32].

Служилых татар в 1602–1603 гг. было около 280 (точная цифра нами не обозначается из-за не всегда точного отнесения землевладельца к служилым татарам) [7, с.205–226]. Они владели землями по всей территории Казанского уезда, в то время как основная масса служилых новокрещен была помещена по Зюрейской и Арской дорогам (19 из 24 поселений), т.е. в районах наиболее упорного сопротивления в период завоевания Казанского ханства. Через замену прежней знати местными феодалами, проявившими лояльность московскому правительству, определялась политика в отношении местных элит.

По подсчетам на 1602–1603 гг. выявлено 280 служилых татар, в середине века по писцовому описанию Семена Волынского выявлено 284 служилых татарина с земельными владениями. Таким образом, на протяжении первой половины XVII в. землевладение и численность служилых татар были стабильными. Положение начинает меняться с принятия в 1649 г. Соборного Уложения. В ст. 44 гл. XVI землевладение служилых татар и других служилых представителей коренных народностей Поволжья четко отделялось от землевладения русских служилых людей. Создание особой границы в определении этой категории было отражением сложившейся на тот период нормы обычного права, однако ее закрепление в законодательстве обозначило интерес к землевладению этой категории служилых людей.

В начале 60-х гг. были составлены сметные списки, в которых указывается, что казанских служилых мурз и татар – 779 человек. Разница в 495 человек не может быть определена только отсутствием источников по Казани. Возможно, большая часть служилых татар и мурз были чле-

нами семей, а поместья записывались на главу семьи. Этот вопрос требует дальнейшего рассмотрения.

«Служат те ... мурзы, и татаровя с поместей, а для отъезжающих служб дают им поденной корм: 1 статье по 4 деньги, 2 статье по полу—4 деньги, 3 статье 3 деньги на день человеку...» [1, с.2]. К сожалению, в источниках встречаются лишь упоминания о разделении этой служилой группы по статьям, вследствие чего в отношении данной группы главным определяющим условием положения служилого татарина или мурзы является его поместный оклад. Некоторые исследователи, как уже говорилось, считают эту сословную группу составной частью служилых людей «по прибору», которые испомещались в окраинных уездах страны и верстались также, как и служилые люди «по отечеству». Но в «отличие от служилых людей «по отечеству» приборные служилые люди получали землю не индивидуально, а целыми группами или товариществами» [6, с.142], что нельзя отнести к служилым татарам, испомещавшимся только в индивидуальном порядке. Об этом свидетельствует постоянное присутствие в царских наказах воеводам указание проверить «и казанцом дворяном и детем боярским, и литве, и немцом, и черкасом, и всяким иноземцом, и новокрещеном, и князем, и мурзам, и татаром десяти...» [3, с.292]. К сожалению, до нас не дошли выписи из десятен, касавшихся служилых татар.

В поместное владение служилого татарина обязательно включались не только пахотные угодья, но и ряд других экономических составляющих: сенные покосы, бортные урожаи, рыбные ловли, мельницы, взятые на оброк кабаки и др. Характерным явлением поместных владений служилых мурз и татар было широкое распространение именно этих, менее важных по сравнению с пахотной землей, составляющих. Среди них выделялись главным образом огромные сенные покосы, количество которых зачастую намного превышало такие же угодья русских дворян и детей боярских, и составляло от 100 до 1600 копен в одних руках [5, ед.хр. 9581]. Вероятно, в таком явлении нашел свое отражение традиционный характер использования этих хозяйственных угодий, что определило их концентрацию в руках представителей одного рода или семьи.

Новый этап в законодательстве российского государства, начавшийся в последней четверти XVII в., отразил и другие подходы к решению статуса рассматриваемой сословной группы. В середине 70-х гг. XVII в. подтверждалось изъятие поместий и вотчин у некрещенных служилых людей и отдачи этих владений новокрещенцам [10, № 616].

В 1681 г. был обнародован именной указ, названный в том же Полном собрании законов «Об отписании на великого государя у мурз и татар низовых городов (кроме тех, кто захочет креститься в православную веру) поместий и вотчин» [11, №867].

Ужесточение законодательства в конце 70 – начале 80-х гг. в отношении служилых татар можно связать с внутривосточными процессами в государстве. Православная церковь оставалась главным политическим институтом в государстве, ее поддержка была необходима монархии, особенно в условиях утверждения абсолютизма. Желание сохранить баланс между политическими и идеологическими интересами предопределило колебания политики правительства в отношении всей служилой верхушки коренных народностей Среднего Поволжья. К тому же эти законодательные акты можно рассматривать в рамках общероссийского процесса реформирования армии, а также необходимо учитывать стремление к более четкому определению статуса служилых людей, при котором приоритет в поддержке правительства получили только имущественно обеспеченные служилые люди.

Очень быстро последовавшая отмена в 1682 г. этих нововведенных ограничений произошла, вероятно, в результате непродуманности политики, что привело к недовольству рассматриваемой социальной группы. Не последнюю роль сыграло, вероятно, начавшееся в 1682 г. восстание в Приуралье и Поволжье (так называемое башкирское восстание). К нему могли присоединиться и служилые татары низовых городов, которые представляли из себя значительные военные силы. Однако далее в 80-е гг. XVII в. правительство неоднократно подчеркивало заинтересованность в христианизации служилых татар – социальной группы, сохранявшей в своем названии напоминание о прежних безуспешных попытках изменения их конфессиональной принадлежности.

Отдельно следует рассмотреть такую группу как слободские служилые татары. В 1654 г. они записывались в тягло, так как они жили «в посаде» [4, №11, с.27: (паг. 2-я)]. Однако, затем последовал ряд исключений из этой нормы. В 1670 г. в отношении нескольких татарских родов указ о переводе в тягло был пересмотрен, и они вновь вернули себе положение нетяглых служилых людей. Видимо, многие другие слободские татары также перестали платить тягло и выполнять повинности. Вследствие этого в 1685 г. после подачи челобитной казанских посадских старост с жалобой, правительство пошло на значительные уступки казанским служилым людям, объявив их

дворы в татарской слободе белыми и подтвердив обязательность их службы великому государю с «торговых своих промыслов» [11, №1143].

Служилые татары выделялись в особую сословную группу не только по отношению к государству посредством своей службы, но и по происхождению, так как доступ в нее был запрещен согласно указу 1675 г.

Для этой сословной группы существовал еще один – территориальный принцип испомещения служилых людей. Разделение Казанского уезда на административно-территориальные единицы – дороги сохранилось со времен Казанского ханства, что обусловило причисление каждого служилого татарина к той дороге, в рамках которой находилось его поместье или вотчина. На этой основе формировались подразделения дворянского ополчения, что еще более подчеркивало милиционную систему его комплектования. Вероятно, в этом нашел свое отражение и сложившийся с еще более раннего времени порядок заселения и службы татарского населения и других народностей средневожского региона.

В законодательстве также находим подтверждение возможности таких повышений: «служилых ... иноземцов, мурз, ... и татар, записанных в городской, дворовый и выборный список, ведать в Разрядном приказе» [11, №768]. Перечисление служилых татар среди других особых категорий служилых людей традиционно повторялось в качестве почти устоявшегося формуляра, но это отнюдь не характеризует их равенство в положении.

Анализ служб казанцев позволяет выявить еще одну особенность переходного статуса служилых татар. Для них, в отличие от русских служилых людей, было несвойственно несение служб административного характера, следовательно, все их надежды на повышение земельного и денежного оклада были связаны с военными службами. Такое ограничение возможностей было не случайным и диктовалось иной этнической и религиозной принадлежностью. Выполнение административных служб ограничивалось воеводой и, вероятно, служилой корпорацией в виду доходности этих назначений.

Изучение сказок казанских служилых людей, поданных на разбор кн. Н.И. Репнина в 1700 г. [12], позволило восстановить завершающий этап существования этой сословной группы в составе служилого города Казани. По материалам разбора выявлено всего 32 имени служилых татар. Возможно, это число нельзя назвать окончательным из-за особенностей проведения разбора, но сокращение численности можно признать катастрофическим.

Незаконченный во второй половине XVII века процесс преобразования социальных групп в сословия, в частности служилых татар, завершился в начале XVIII века, когда последние были переведены в тяглое сословие. Этот процесс имел несколько этапов, хотя отдельные историки считают, что он был единовременным [2, с.1–26; 13, с.129–132]. Как указывали потомки служилых татар в конце XVIII века в своих прошениях, их предки служили в войсках еще в 1737 г., при подавлении очередного Башкирского восстания. До середины XVIII века многие татары, по сути являвшиеся государственными крестьянами – однодворцами, называли себя служилыми татарами.

Список использованных источников и литературы

1. Веселовский С.Б. Сметы военных сил московского государства 1661–1663 гг. / С.Б. Веселовский // Чтения в обществе истории и древностей российских. – М., 1911. – Кн. 3. – С.1–60.
2. Губайдуллин Г. К истории разложения феодального класса у приволжских татар / Г. Губайдуллин // Известия Восточного факультета Азербайджанского университета: Востоковедение. – Баку, 1928. – Т.2. – С.1–26.
3. Димитриев В.Д. «Царские» наказы казанским воеводам XVII в. / В.Д. Димитриев // История и культура Чувашской АССР: Сб. статей. – Чебоксары, 1974. – Вып. 3. – С.284–419.
4. Малов Е. Древние грамоты и разные документы: (Материалы по истории Казанской епархии) // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском императорском университете. – Казань, 1902. – Т.18. – Вып.1/3. – № 11. – С.1–54. (Паг. 2-я).
5. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета.
6. Очерки истории СССР: Период феодализма, XVII в. / авт.-сост. и ред. А.А. Новосельский, Н.В. Устюгов. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.
7. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов: Публикация текста / сост. Р.Н. Степанов, под ред. И.П. Ермолаева, М.А. Усманова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978.
8. Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов / РАН, Ин-т рос. истории, Казан. гос. ун-т, Ин-т истории АН РТ; отв. ред.: Н.М. Рогожин, М.А. Усманов; сост.: И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. – М.: Издат. центр Ин-та рос. истории РАН, 2001.

9. Писцовые книги Казанского уезда 1685–1687 гг.: Публикация описаний Зюрейской дороги / сост. Д.А. Мустафина. – Казань, 2009.
10. ПСЗ. Собр.1-е. – Т.1.
11. ПСЗ. Собр. 1-е. – Т.2.
12. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 5039. Л.1–58.
13. Степанов Р.Н. Первый этап в политике царизма по переводу служилых татар из военного сословия в податное: конец XVII – первая четверть XVIII вв. / Р.Н. Степанов // Итоговая научная конференция за 1964 г. – Казань, 1964. – С.129–132.

С.В. Думин

Татары-казаки в Великом княжестве Литовском

Литовские татары как группа служилых людей Великого княжества Литовского сформировались в конце XIV – начале XVI в. Польский хронист Ян Длугош и литовские исторические сочинения XV–XVII вв. связывают появление татар в Литве с походом великого князя Витовта 1397 г. (направленного против улусов, враждебных литовскому союзнику хану Тохтамышу, который в 1395 г. вместе с приближенными нашел убежище в Литве). Витовт поселил пленных в окрестностях Вильно (совр. Vilnius) и Трок (Trakai), пожаловав им земли с обязанностью военной службы. На тех же условиях земли получали и довольно многочисленные добровольные переселенцы (царевичи, князья и рядовые воины-ордынцы). Им была обеспечена свобода вероисповедания, разрешено строить мечети. Важнейшей привилегией служилых татар стало право владеть крепостными крестьянами (и пожалованными, и приобретенными). Первоначально разрешались и смешанные браки (женитьба татар-мусульман на христианках, причем потомство обычно сохраняло веру отцов); этими браками обычно объясняют и быструю утрату литовскими татарами родного языка (славянизация завершилась к середине XVI в.), и утверждение среди них обычая единобрачия. Благодаря своему привилегированному статусу татары, осевшие в Великом княжестве, вошли в состав той группы его населения, на основе которой формировалось шляхетское сословие, и стали его составной частью (хотя из-за вероисповедания так и не получили политических привилегий шляхты, права участвовать в сеймиках и сеймах, выборах королей).

В литературе, посвященной литовским татарам, неоднократно предпринимались попытки рассмотреть права и обязанности различных групп татарского населения Великого княжества Литовского, установить, какие категории татар существовали в Литве в XV–XVIII вв., чем отличались они по своему положению, и практически все авторы, в течение последних 150 лет обращавшиеся к этому вопросу, в качестве одной из категорий литовских татар выделяют *татар-казаков*.

Впервые, насколько нам известно, специально остановился на положении татар-казаков известный востоковед, профессор А.О. Мухлинский. В опубликованной в 1857 г. в Петербурге брошюре «Исследование о происхождении и состоянии литовских татар» автор, отмечая разделение татар в Литве на знатнейших, – князей, мурз, уланов, – и простых татар, упоминает о том, что «между татарами были еще так называемые татарские казаки; они употреблялись при дворе великих князей, королей и воевод для посылок с письмами. В Литовской метрике находится большое число листов и актов, относящихся к таким татарским казакам» [1, с.25–26]. В этой брошюре А.О. Мухлинский приводит и заголовки таких документов, вторично воспроизведенные им (в латинской транскрипции) и в приложении к публикации в «Теке Виленской» сочинения анонимного автора середины XVI в. о литовских татарах (в числе прочих материалов Литовской метрики, относящихся к данной группе). Это «List danyj Tatarom Rudomińskim i Memeżskim Wileńskogo powetu, wyzwolajuczy ich od posyłania z listy czerez Wojewod Wileńskich odno zostawujuczy wodłuh dawnogo sposobu pry służbie ziemskoj» 4 июля 1540 г., а также «List Tatarom Kozakom Merczlańskiem trem osobam, na zostawienie ich wodłuh listu sudowoho Carewicza Oziubek Sołtana pry czti, za prymowkoju niekotorych Tatar» 5 июля 1540, и «List tatarom powetu Trockoho danyj iż nie majut ich Wojewodowie Trockije i ich Namiestniki na swoi potreby i pryslugih swoich na dieckowanie, abo dla iskania jakich złoczyńcow posyłati, okrom inszych prostych Tatar na to ustanowienych» 14 октября 1541 г. [2, с.99–100].

Опираясь на эти документы, А.О. Мухлинский и большинство последующих авторов полагают, что, в отличие от привилегированной части служилых литовских татар, – которую в литературе обычно именуют *татарами господарскими*, – татары-казаки составляли группу, которая

кроме военной службы должна была нести в пользу великого князя некоторые дополнительные повинности (аналогичные повинностям военнотатарских крестьян, так называемых путных слуг, с XVI в. именованных путными боярами). Такой точки зрения придерживался, например, автор опубликованной в 1938 г. монографии, посвященной литовским татарам – Станислав Кричинский [3, с.99–100].

Выделял татар-казаков из общей массы служилых татар и такой известный историк Великого княжества Литовского, как М.К. Любавский [4, с.56].

Аналогичную позицию занимают и современные польские историки – П. Боравский [5, с.145, 151, 152; 6, с.54–55; 7], Я. Собчак [8, с.51, 56–57]. Я. Собчак при этом полагает, что татары-казаки существовали в Великом княжестве Литовском еще в конце XVII в. (в момент издания привилея татарам короля Яна III 22 марта 1677 г.) [5, с.145; 7, с.5]. Согласно П. Боравскому, татары-казаки стали исчезать во второй половине XVI в. и в большинстве перешли в ряды татар господарских [4, с.51, 56–57].

Точку зрения А.О. Мухлинского полностью разделяли и советские историки, изучавшие литовских татар, в частности. Я. Гембицкий [9, с.56], А.П. Грицкевич [10, с.85–86], причем последний полагал, что казаки составляли низшую группу военно-служилых татар и могли быть и господарскими, и панскими [10, с.86].

Нельзя не заметить, однако, что, формулируя подобную точку зрения и считая казаков менее привилегированной категорией служилых татар, предполагая наличие у татар-казаков дополнительных повинностей, все авторы опираются преимущественно на материалы А.О.Мухлинского, те самые заголовки привилеев, опубликованные в 1857–1858 гг. Как ни странно, оригиналы этих документов до сих пор не использовались в литературе и не предпринимались попытки проверить достоверность информации, содержащейся в опубликованных заголовках.

В данной статье мы обратились к этим документам и к другим источникам, где упоминаются татары-казаки, чтобы выяснить реальное содержание этого термина в Великом княжестве Литовском, установить, кем были татары-казаки, в чем состояли их обязанности и права, отличались ли они от других великокняжеских служилых татар по условиям службы, юридическому положению, т.е. составляли ли они одну из категорий литовских татар, как утверждается в литературе.

Изучение материалов Литовской метрики показало, что татары-казаки встречаются в литовских источниках первой половины XVI в. Позже упоминания о них исчезают из документов. Впрочем, в первой половине XVII в. в Литовской метрике неоднократно упоминаются татары, служившие в королевской надворной казацкой хоругви; в заголовках документов они нередко названы татарами-казаками, однако в этих случаях речь идет не об их принадлежности к особой категории татарского населения, а о службе, которую они исполняли за жалование, вооруженные «по-козацки» [11, лл.11, 39, 88, 138, 292 об., 293 об. 298, 299 об., 309, 598 об.–400 об., 414, 473–474].

Одним из наиболее важных документов для изучения положения данной группы является перепись литовского войска 1528 г., точнее, постановление сейма, в котором был зафиксирован размер военной службы отдельных литовских феодалов, в том числе и татар. Этот документ, опубликованный в «Русской исторической библиотеке» и недавно переизданный нашими белорусскими коллегами [12], широко известен. Напомним лишь, что в нем отдельно от поветовых шляхетских (боярских) хоругвей, отдельно от «почтов», выставляемых литовскими князьями и панами, названы и семь хорунжеств или стягов литовских татар, возглавляемых татарскими хорунжими, выходцами из рядов аристократии. Списки каждого стяга составлены по общему образцу. Сначала назван хорунжий и другие татары, обычно выставлявшие со своих имений по несколько коней, а затем, как правило, перечисляются татары-казаки, причем во всех случаях, кроме одного, подчеркнуто, что они «людей не мают», т.е. не имеют крестьян, следовательно, владеют только землей. Например, в реестре «Абрагимова стягу», т.е. в хорунжестве князя Абрагима Тимирчича (позже, по имени его рода, наследственно возглавлявшего этот стяг, получило название хорунжества Юшинского стяга воеводства Троцкого), после перечисления татар, владевших людьми, следует продолжение, состоящее из нескольких частей, имеющих каждая отдельный подзаголовок: «Того ж стягу татаре казаки што людей не мают», «Казаки ларьские», «То вацкие казаки», «То казаки кирклянские», «Казаки Троцькие». Обычно же структура хорунжества в переписи проще: сначала идут татары, владевшие людьми; затем «татаре козаки, што людей не мают». По этому принципу составлены списки хорунжеств князя Ивана (Кадышевича Петровича, из рода Найман, впоследствии Найманское хорунжество), князя Банка Сеньковича (хорунжество Ялоирское), «реестр татар новогрудских», реестр «Типирского и Кричинского стягу хорунжества Олишкова (Олишка Казкевича, хорунжество Кондрацкое), хотя в последнем случае в конце списка

отдельно указаны «пуняне», т.е. татары, жившие в Пунской волости, которые строго говоря, казаками не названы [13, стлб. 108–117; 5, с.133–167].

На первый взгляд, можно было бы заключить, что признаком принадлежности татар к числу казаков можно считать отсутствие у них зависимых людей. Однако в одном из хорунжеств – князя Сейджала Миньбалатовича (Сеит-Джалыла Минбулатовича Барынского) в реестре отдельно упоминаются «козаки Сейжалового стягу, што люди мають» (17 человек), и лишь после них перечислены «того ж стягу козаки, што людей не мають» [13, стлб. 113–114].

Итак, среди казаков могли быть и лица, владевшие крестьянами. Подтверждают это и другие документы. Так, например, 26 июля 1522 г. король Сигизмунд I отправил кривскому наместнику лист, в котором извещал: «бил нам челом татарин наш Маньтуш козак о том, што ж перьвей сего подали есьмо ему шесть служоб людей а чотыры земли пустовьских у Виленском повете». Однако покойный канцлер М. Радзивилл (занимал эту должность в 1510–1522 гг. – С.Д.) дал Мантушу в Марковском повете лишь 3 человек и 2 земли, в связи с чем кривский наместник, в соответствии с первым пожалованием, должен был найти ему и дать недостающих 3 человек и 2 земли [11, д.12, л.106]. Т.е. будучи казаком, Мантуш получил людей и землю, но, несмотря на это, продолжал именоваться казаком даже в документе, оформлявшем ему дополнительное пожалование. Следовательно, мы должны заключить, что хотя большинство казаков не владело крестьянами, само по себе отсутствие крестьян не являлось признаком принадлежности к данной группе татар, т.е. не имущественное положение определяло принадлежность татар к числу казаков.

По подсчетам П. Боравского, из 544 татар (глав семей), упомянутых в различных татарских стягах, 406 составляли татары-казаки, не владевшие крестьянами, ещё 17 – татары-казаки, крестьян имевшие [5, с.152]. Следует, однако, констатировать, что, кроме пунян, казаками, строго говоря, не названы в списке и большинство татар, перечисленных в реестре хорунжего Ахмета Улана (Влана) Санчуковича. Там упомянуты «татаре козаки, што людей не мають», но после них следует список татар, живших в двух селах у реки Лососни в Гродненском повете, и заголовки там иные: «то татарове того ж стягу Лососинского, што людей атаманства Бузунова не мають», «то татаре, што на огородах седят а пашни не мають», «то татаре лососинский Мацькова атаманства», «того ж атаманства огородники, што пашен не мають» [13, стлб. 114–117]. Таким образом, жившие в Лососне татары в реестре казаками не названы, и упоминания в ряде работ о «казаках лососинских» [5, с.151] не совсем точно передают источник. Тем не менее, казаками в 1528 г. именуется большинство литовских служилых татар.

Чтобы выяснить, отличались ли татары-казаки по своему юридическому положению от «татар господарских», которых противопоставляет им большинство исследователей, следует выяснить три вопроса:

1. Существовали ли в Великом княжестве Литовском группы татар, наряду с военной службой исполнявшие другие повинности.
2. Были эти дополнительные повинности возложены на татар-казаков или на другие группы татар.
3. Зафиксировано ли в литовских юридических памятниках особое положение татар-казаков.

Наличие в Литве татар, наряду с военной службой или вместо нее выполнявших другие повинности, не вызывает сомнений. Уже упоминавшийся лист Сигизмунда I нескольким татарам Троцкого воеводства 15 октября 1541 г. подтвердил, «иж не мають их воеводе Троцкие и их наместники на свои потребы и прислугах своих на децкование або для иманья яких злочынцов посылати кром инших простых татар, на то установеных» [11, д.28, л.64].

Традиционно этот документ считается доказательством того, что татары-казаки, отождествляемые с «простыми татарами», должны были выполнять поручения воевод и наместников, – ездили на децкование (для расследования дел по жалобам), участвовали в поимке злоумышленников, т.е. выполняли обязанности, аналогичные обязанностям путных слуг (позже – путных бояр).

О широком распространении такого рода повинностей должен был свидетельствовать и другой документ, изданный А.О.Мухлинским, – лист Сигизмунда I татарам Рудоминским и Межеским Виленского повета 4 июля 1540 г., освобождающий их от обязанности возить письма виленских воевод. Но обращение к тексту этого документа позволяет констатировать, что речь в нём идет лишь о восстановлении норм, нарушенных местными властями. Татары Араз и Ходор с братьею и их товарищами пожаловались королю, что тогдашний виленский воевода и канцлер ВКЛ О.М.Гаштовт «увел им был новину и посылал их з листы своими по двором своим и на иншыя потребы свои и в ловы и теж казал и з собою ездити, а перед тем де они за перьшых воевод виленских на потребы их з листы и в ловы не еждывали, нишли только службу земскую

нам служывали, по тому як иньшие татарове у паньстве нашом Великом. князстве Литовском служать, и били нам чолом, абыхмо от тое новины их вызволили и зоставили их пры старыне, так же и хоружый татарский пан Иван Петрович перед нами то сознавал, иж они перед тем здавна в таком взневоленьи от перьших воевод виленских не бывали, одно завжды часу потребы на службу нашу земскую з иньшими тотары становили ся». Король распорядился оставить за ними только их прежнюю обязанность земской военной службы, с тем, чтобы и будущие воеводы не могли заставлять их нести дополнительные повинности [11, д.24., л.69].

Итак, обязанностью татар, живших в Рудомине и Мемеже (Немеже) – типичных татарских «околицах», т.е. селах, где и жили, судя по переписи 1523 г. большинство упомянутых в документе татар-казаков, являлась только военная служба, а все дополнительные повинности, возложенные на них воеводой, воспринимались как «взневоленье», посягательство на их исконные права. Поскольку эту точку зрения разделял и король, данные злоупотребления воевод должны были быть отменены.

С подобными жалобами на представителей великокняжеской администрации татары обращались не раз. Еще в 1503 г. гродненские татары жаловались на тамошнего старосту, князя Александра Гольшанского, который пытался заставить их нести стражу, разыскивать и арестовывать преступников, а также собирать мыто с купцов, ехавших в город [14].

В числе не датированных «выроков» Сигизмунда I 1530-х гг. имеется еще один важный документ – решение по жалобе шестнадцати трокских и вацких татар [11, д. 226, л. 118–119] (именно многих из них мы находим в числе татар-казаков стяга князя Абрагима, т.е. в хорунжестве Юшинском, в списке 1528 г.) [13, стлб. 111–113].

Как стало известно королю, «служебники» трокского воеводы, земского маршалка Великого княжества Литовского Яна Яновича Заберезинского заставляли этих татар ездить децкими с собой и своими слугами, каждый раз встречать воеводу, «и на каждую послугу где бы кольве твоя м[и]л[ос]ть самому, або наместнику тв[оей] м[и]л[ости] Троцкому была потреба, их посылаете, а к тому дей наместник тв[оee] м[и]л[ости] Троцкий велит им с слугами своими злодеев имати и до замку н[а]шого Троцкого водити, а хто бы дей з них в том ся сплошил, он за то их винами караеть, и теж кажет им наместник твой Троцкий, а в небытности его самого слуга ег[о], которого он на свое местцо там покладает, перед собою становити и их судит, и радить, и винами их обтяжаеть, и хотя бы которая вина на нас г[оспо]д[а]рья приходила, и они то все на себе берут, для чего ж дей многий з них земли свои позаставляли и по паном служать, и пры том они жаловали, яко есмо тых часов по двором нашим у ловы ездили, ино они до пуцы Биштанское не могли ехати для великое тяжкости, и дома их граблены и спустышены, то пак дей врадник тв[оей] м[и]л[ос]ти Троцкий як винами непомерными за то их обложил и на каждом з них правил по чотыры рубли грошей». Будучи в Троках, Сигизмунд I расследовал это дело, и «тые татарове Троцкии повелили, иж они повинни з нами г[оспо]д[а]рьем у ловы ехати до пуцы двора н[а]шого Жыжморского, а тыи вацкии татаре ездят до пуцы Рудницкое, и Межырецкое, и инде, где бы кол[ь]ве н[а]шо властное росказан[ь]е г[оспо]д[а]рское им было, а э ыншым никим не мають ездити». Царевич Азюбек-солтан и некоторые другие князья, мурзы и уланы, т.е. представители литовско-татарской знати, подтвердили, «иж они перед тым николи з воеводами Троцкими и их наместники як у ловы, так и з децкими, и злодеев имати, и воевод спотыкати не еждивали, тол[ь]ко на службу земскую на войну ездят, и там, где кольве мы сами г[оспо]д[а]р[ь] им роскажем». Татары били челом, «абыхмо пры старыне их заховали и с тых всих новин и тяжкостей их вызволили, жебы часу потребы служба н[а]ша [т.е. военная служба – С.Д.] не была з них умешкана».

Король, «бачачы на то, иж они завжды ку службе н[а]шой потребны сут[ь], и не хотячы того видети, жебы служба н[а]ша мела ся тым умен[ь]шати, с тых всих новин и тяжкостей вызволили и очывисто [...] прыказали, абы вжо они без кожного обтяжен[ь]я были захованы».

Извещая об этом своим «выроком» Я.Я. Заберезинского, Сигизмунд I потребовал, чтобы тот «ни в чом тяжкости чынити им не казал и тым татаром н[а]шым у ловы с собою и з наместником своим ездити, и з служебники своими, и з децкими врадника своег[о] посылати, и себе завжды спотыкати, и злодеев имати им не велел, нехай они з нами г[оспо]д[а]рем у ловы ездят, и каждое послуги н[а]шое пил[ь]ни были, яко мы им роскажем, и што с[я] теж дотычет прысуду тв[оей] м[и]л[ос]т[и] и твоя бы м[и]л[ос]ть яко воевода их судил и справовал водле давного обычая, и естли бы хто з них у которую вину нашу упал, твоя бы м[и]л[ос]ть на нас г[оспо]д[а]р[ь] то укладывал. мы будем ведати, што маем з ними учынити, а враднику своему штобы твоя м[ил]о[с]ть жадными винами карати и за то их грабети не казал».

По приказу воеводы, наместник должен был вернуть им «вси грабежи», т.е. все незаконно

отобранное (за слушание) имущество, «и от того часу штобы тв[о]я м[и]л[ос]ть в тых всех речах супокойне их заховал подле стародавнего обычая и водле теперешнего листу н[а]шого, жебы наперед тая послуга ни в чом нам з и них не вмен[ь]шала».

Таким образом, и в данном случае попытки наместника заставить татар ездить на децкование, нести стражу и другие подобные повинности (возложенные на путных людей) были незаконны.

Иное дело – обязанность ходить на охоту с великим князем, возложенная на эту группу татар, издавна. К сожалению, у нас нет данных, чтобы судить, насколько такая повинность была распространена среди литовских служилых татар в то время. Может быть, речь идет о специфической повинности, возложенной на какую-то группу татарских поселенцев? Подобные случаи известны. Например, еще в 1559 г. в имении Колнолары (Трокское воеводство) упомянуто 10 домов татар, владевших землей «на повинности трубачей» («powinności trębackiej») [11, д.569, л.252–257 об., 380 об.–383]. Судя по приведенному выше привилею 1541 г., ходить в пушу на охоту обязаны были далеко не все служилые татары. Кроме того, и по этому «выроку» Сигизмунда трокские и вацкие татары, добившись того, чтобы обязанность участвовать в охоте исполнялась только в присутствии самого короля и только в определенных пушах (находившихся рядом), сохранили привилегированное положение. Эта обязанность по отношению к монарху не превратилась у них в домениальную повинность, как у крестьян-слуг – осочников, загонщиков, и не могла быть превращена в денежный сбор (как случалось со многими повинностями крестьян). Она уже не представляла интереса для наместников и воевод (которые не могли использовать ее в своих интересах). Вероятно, королевские охоты в этих пушах проводились не так уж часто, и, поскольку основной обязанностью этой группы татар также являлась военная служба, их дополнительная повинность была со временем забыта (позднейшие источники о ней умалчивают).

Жалобы татар на злоупотребления воевод и наместников очень созвучны аналогичным жалобам мелких бояр, которых представители местной администрации также нередко пытались приравнять к слугам, заставляли исполнять не свойственные им повинности. Однако приведенный выше документ 1541 г., подтверждая свободу некоторых татар Трокского воеводства от обязанности исполнять различные поручения воеводы, указывал, что для их исполнения существуют «простые татары». Можно ли считать, что в последнем случае имеются в виду татары-казаки? Считались ли они «простыми татарами»?

В Литовском статуте 1529 г. размеры годовщины и навязки татар (т.е. штрафа, соответственно, за убийство и за ранение или оскорбление) отдельно не указаны. На практике на служилых татар уже тогда распространялось действие артикулов, определявших размеры шляхетской годовщины и навязки [15, с.651; 11, д.15, л.75–75 об.], что затем было специально оговорено в Литовских статутах 1566 и 1588 гг. [16, с.168; 17, с.458]; при этом навязка и годовщина «простых» татар, – ремесленников, огородников, возчиков, – была установлена в значительно меньшем размере. По-видимому, такое различие существовало и в первой половине XVI в., и в этой связи очень показателен другой королевский привилей, также известный А.О. Мухлинскому и другим исследователям по заголовку – «Лист татаром козаком Меречлянским трем особам, на зоставене их водлуг листу судового царевича Озюбек Солтана при чти [чести – С.Д.], за примовкою некоторых татар».

«Татарове козаки меречлянские на имя Юлуш Тулушиковичом, а Тофъта Онышевичом, а Соболя Малеевич», пожаловались, что «некоторые татаре ку чти им были прымовили и меновали их простыми люд[ь]ми; а поведили, жебы навязки за бой по дванадъчать коп грошей им не суживано» (т.е. оспорили их права для того, чтобы не платить им шляхетской навязки – С.Д.). Но дело это было расследовано царевичем Азюбек Солтаном и Фурсом Уланом Осанчуковичем и по свидетельству мерешлянского хорунжего Олишка Казкевича оказалось, что «за отъца и дядька его, як они хоружими были и за его хоружства завжды сужывано им трем навязки до двенадцать рублей грошей». Это решение утвердил своим листом и король [11, д.24, л.70–70 об.]. Следовательно, навязка татар, именовавшихся казаками, издавна была равной навязке татар господарских и шляхты, а сами они не считались «простыми людьми». Отсюда следует, что упоминание о «простых татарах»; обязанных нести дополнительные в документе 1541 г., относится не к ним, а к татарам, по своему положению действительно приближавшиеся к путным слугам. По отношению же и татарам-казакам такие требования являлись злоупотреблением со стороны местных властей.

Следует, впрочем, упомянуть и еще об одном указании на наличие у значительного числа татар дополнительных повинностей. Речь идет об известном сочинении «Альфуркан татарский истинный, на сорок частей разделенный», опубликованном в 1616 г. в Литве под псевдонимом Петра Чижевского. Этот памфлет, направленный против татар и обвинявший их во всех смертных грехах, был призван мобилизовать против них общественное мнение, добиться ограничения их прав и привилегий, и, в

частности, доказать, что татары «не шляхта, не земляне, не князья, а ... невольники этого государства». Если верить Чижевскому, татары, жившие в Сорок Татарах (в Троцком воеводстве, неподалеку от Вильно; именно там, очевидно, жили упоминаемые в 1528 г. кирклянские казаки) [11, д.569, л.270об.–300 об.], и другие (не названные) татары «к приезду Его Королевского Величества в Вильно [...] мосты на дорогах должны чинить, так они не свободного состояния». Кроме того, «еще старые осочники (загонщики – С.Д.) рассказывают, что татары в пуши с рушницами и ощепами должны были ходить и зверей добывать, когда для нужд Его Королевского Величества на зверей охотились, о чем теперь забыли» [18, с.7–8.]. Вообще же, как утверждал Чижевский, татары якобы были поселены у Вильно не для военной службы, а чтобы заниматься извозом, снабжать овощами княжескую кухню, ездить с письмами и давать подводы, куда им прикажут, исправлять мосты и дороги, топить печи в замках и дворцах великого князя, ходить на охоту [19, с.52–53.].

Оставив в стороне эту «гипотезу» памфлетиста (он был яростным противником службы татар в литовском войске, считая, что войско, где служат иноверцы, «Бог не благословит» [19, с.16], и стремился добиться перевода татар в разряд слуг), мы должны констатировать, что в «Альфуркане» имеется указание лишь на обязанность одной из групп татар (в том числе – потомков кирклянских казаков) чинить мосты вместе с крестьянским населением. Если даже данные Чижевского достоверны (а сведениями, подтверждающими или опровергающими их, мы не располагаем), эту общеволостную повинность исполняла лишь небольшая часть татар, т.е. нет оснований считать ее обязанностью татар-казаков в целом. Что касается рассказа старожилов об участии татар в великокняжеской охоте, то он относится, видимо, к приведенному выше эпизоду с троцкими татарами.

Итак, мы должны сделать вывод, что по своим обязанностям татары, именуемые в некоторых источниках казаками, не отличались от остальных господарских татар, и их единственной обязанностью была военная служба за пожалованную землю. При этом казаки, как и остальные татары, пользовались шляхетской навязкой, т.е. не относились к числу «простых» татар.

Собственно говоря, изначально неправомерным представляется нам само противопоставление татар господарских и татар-казаков. Дело в том, что выражение «татарин господарский» обозначало татар, служивших великому князю. Они противопоставляются в источниках не татарам-казакам, а татарам, находившимся на службе других лиц, под их частной юрисдикцией, – татарам князя Острожского, Радзивиллов, княжны Збаражской [17, с.266; 11, с.85–86] и т.п. Татары-казаки являлись такими же господарскими татарами, как и остальные татары, объединенные в хорунжества или (как татары Клецкого замка [13, стлб. 190], а затем татары Мстиславского воеводства) [11, д.569] служившие в поветовых хоругвях вместе с боярами-шляхтой. Они исполняли ту же службу, пользовались теми же правами, владели землей на тех же условиях, что и другие господарские татары, как и остальные, имели право владеть крестьянами (хотя реально, как мы видели, в первой половине XVI в. этим правом пользовались лишь немногие из них), т.е. принадлежали к числу литовских феодалов.

Но если права и обязанности всех господарских татар, исполнявших военную службу, совпадали, откуда в документах специальный термин для обозначения многочисленной группы татар, служивших великому князю, какое содержание вкладывали в него сами литовские татары и составители актов, где татары-казаки упоминаются?

Для ответа на этот вопрос мы должны обратиться к источникам по истории Золотой Орды и татарских ханств, образовавшихся на ее обломках, – Казанского, Крымского, Касимовского. Татары-казаки там хорошо известны, и именно оттуда, несомненно, проник в Литву этот тюркский термин.

Кем были ордынские казаки? На этот счет существует несколько мнений. Русский историк В.В.Вельяминов-Зернов, например, утверждал, что «простые татары, приходившие служить в Россию вместе со своими царевичами, а равным образом и простые татары казанские, крымские и прочие обыкновенно звались у русских казаками, да и сами они называли себя казаками» [20, с.74]. Но В.В.Вельяминов-Зернов не изучал этого вопроса специально, и исследования других авторов позволяют по-иному взглянуть на эту многочисленную группу населения татарских ханств.

Как отмечает советский историк Н.И.Никитин, «термин "казак" тюркского происхождения. Этимология этого слова не вполне ясна, но его суть применительно к степным районам страны, по мнению большинства исследователей, как правило, сводилась к тому, что им в XVI в. обозначался изгой, свободный человек, бродяга, вольный удалец, промышлявший военным делом» [21, с.168]. «Человек вольный, независимый, искатель приключений», – таково основное значение слова «казак» в словаре тюркских наречий В.В.Радлова, вышедшем в конце XIX в. [22, с.364].

Для татарской знати, князей (беков, возглавлявших отдельные улусы) и мурз (членов ари-

тократических родов, служилой знати) служба хану была обязанностью, вытекавшей из владения улусом, «кочевым леном» [23, с.46–47]. Казаками же называли татар, вышедших из подчинения сюзерену, покинувших свой род, порвавших связи с ним. Они собирались в отряды, нередко предлагали свою службу ордынским и другим феодалам по собственному выбору, иногда самостоятельно совершали набеги, нападения на купеческие караваны. Татары-казаки продолжали существовать в татарских ханствах и после того, как в Великом княжестве Литовском это обозначение местных татар уже вышло из употребления. Так, 3 сентября 1561 г. король Сигизмунд Август известил черкасского и каневского старосту князя Михаила Вишневецкого о том, что по сообщению крымского хана «некоторые козаки белгородские двадцать и четыре чловеки хочут до земли московское идти и службу свою нам господару оказать, а мы жебыхмо им жалованье наше дать велели». Староста должен был послать казакам в Белгород распоряжение идти в Московскую землю еще до наступления зимы. Перечисленные в документе имена этих казаков – чисто татарские (Ясе-Хожа, Бокайчик, Карача-акчай и т.д.) [24, с.156–157].

Именно в этом значении, – вольный человек, независимый от государственной власти и промышлявший военным делом, существуя вне традиционных структур феодального общества, термин «казак», «козак» утвердился, в частности, на Украине [25], и затем получил широкое распространение в польских, литовских, русских источниках.

На наш взгляд, упоминание в литовских документах татар-казakov позволяет пролить некоторый дополнительный свет на историю формирования группы литовских служилых татар. Как мы уже говорили, ее составили два основных компонента: татары, взятые в плен великим князем Витовтом во время похода 1397 г. и поселенные по реке Ваке в окрестностях Трок и Вильно, и добровольные переселенцы [26, с.439–148; 13, стлб. 962–963]. Сами литовские татары уже в XVI–XVII вв. отрицали свое происхождение от пленных и утверждали, что их предков великие князья призвали на помощь во время войны [18, s.20; 27, s.333.]. Вполне вероятно и правдоподобно, что именно казаки, – т.е. татары, в меньшей степени связанные с улусной системой, наиболее мобильный элемент ордынского общества, – в первую очередь и откликались на призывы Гедиминовичей или являлись к ним на службу по собственной инициативе. Именно отряды казаков (а не улусы, как полагают С. Кричинский, П. Боравский и некоторые другие авторы) [3, s.61–64;5] могли стать основой, по крайней мере, части литовско-татарских стягов. Важно подчеркнуть, что и в Литве в рамках хорунжеств еще в первой половине XVI в., видимо, сохранялась некоторая обособленность отдельных крупных групп татар, уже подчиненных общему хорунжему. Как мы уже упоминали, в переписи 1528 г. упоминаются и особые должностные лица, – атаманы, – возглавлявшие трокских, вацких татар, два стяга лососинских татар (в составе хорунжества князя Ахмета Улана) [13, стлб. 111–113, 115–117]. Об их функциях источники не сообщают. Можно лишь предполагать, что атаманы являлись своеобразными татарскими старостами, представлявшими татар отдельных поселений перед администрацией, которые, возможно, отвечали и за сбор отряда на войну, приводили его к хорунжему. Мы не знаем даже, являлись ли атаманы выборными или их назначали хорунжие, а может быть, другие представители местной великокняжеской администрации. Тем не менее, сам термин «атаман», также весьма характерный для казачьей военной организации, несомненно, является наследием раннего этапа поселения татар в Литве.

Существование отдельных «атаманств», на наш взгляд, является дополнительным доводом в пользу предположения о первоначальной самостоятельности некоторых крупных татарских поселений в Литве, вошедших затем в состав образованных великим князем татарских хорунжеств. Судя по имеющимся источникам, атаманы существовали лишь в некоторых татарских поселениях в Литве. В большинстве из них атаманы больше не упоминаются примерно со второй половины XVI в., но в окрестности Лососня в Гродненском повете, где обитало большинство татар, приписанных к Уланскому хорунжеству, еще в ревизии татарских имений 1631 г. назван тамошний атаман – Ясинский Кульзиманович [11, д.569, л.101 об., 125 об., 131, 132 об., 138 об., 140, 144 об., 145 об., 150]. Более поздние упоминания об атаманах у литовских татар нам неизвестны.

Что некоторые ордынские татары-казаки или их группы могли после выезда в Литву включаться в состав уже существующих татарских отрядов, очевидно, свидетельствует привилей 15 мая 1542 г. князю Магмету Кадышевичу на хорунжество татарское в Виленском повете, которое держали его дед князь Петр, отец князь Кадыш и брат Ивашко. После смерти брата князь Магмет должен был занять его должность и, в частности, получал право «судити и местца козаком роздавати водле давнего обычая до своего жывота» [11, д.24, л.231 об.].

Указание на давний обычай, – право татарского хорунжего, т.е. военного главы стяга, раздавать казакам «местца», т.е. по всей вероятности, земельные участки, расширяет наши сведения о

компетенциях этих татарских «урядников» на раннем этапе поселения татар в Литве и формирования литовских татар. Но в данном контексте казаки – не название особой группы служилых татар, а обозначение татарских воинов, поступивших на службу великому князю.

Чрезвычайно любопытен еще один документ, – привилей короля Сигизмунда I 1522 г. князю Нуруму Майковичу Осанчуковичу с подтверждением за ним звания хорунжего стяга Уланов Осанчуковичей, которое «неслушным обычаем под ним упросил» его «брат» (кузен) князь Ахмет Войкович. Аргументом для решения дела в пользу князя Нурума было и то, что «такъжо и братья ж его и иньшые татарове козаки с ними перед нами мовили» [11, д.12, л.12].

Татары-казаки, упоминаемые в данном документе, участвуют в решении дела о замещении должности хорунжего, поддерживают перед королем одного из кандидатов. Но гораздо важнее в данном случае то обстоятельство, что татары-казаки стяга Осанчуковичей в этом документе не противопоставляются «братьям» князя Нурума, т.е. представителям высшей татарской аристократии. Конструкция «братья его и иньшые татарове козаки» («братья его и иные татары-казаки») позволяет считать, что казаками являлись и «братья» Нурума, и другие татары стяга, т.е. этот термин может обозначать здесь всех служилых татар.

Еще один документ, подтверждающий это толкование термина, – лист Сигизмунда I 21 октября 1530 г. Обдуле Абрагимовичу на звание хорунжего татарского трокского после его отца князя Абрагима Тимирчича, маршалка и писаря татарского [11, д.17, л.134 об.]. Это хорунжество, – стяг князя Абрагима, – упоминается в переписи 1528 г., и в его списке, как уже говорилось, кроме самого хорунжего, группы его родственников и других татар, владевших людьми, отдельно названы несколько групп татар-казаков [13, стлб. 111–113].

Лист 1530 г. извещает, что король дал хорунжество Обдуле Абрагимовичу и приказывает, чтобы татары «его были послушны по тому, как и отца его кн[я]зя Абрагима». Адресован же этот документ «Ко всим козаком татаром повету Троцкого», и здесь термин «казаки-татары» явно выступает в качестве общего названия всех служилых татар хорунжества (в самом деле, странно было бы, если бы король информировал о назначении нового хорунжего только часть татар стяга!).

Казаки упоминаются и в следующем привилее на это хорунжество – маршалку и писарю татарскому князю Кульзиману Ходыревичу (двоюродному брату Обдулы), которому Обдула Абрагимович добровольно передал королевский лист на это звание.

Князь Кульзиман бил челом королю «о том, што ж которое хоружое троцькое над козаки, перве сего держал от нас марьшалок и писар[ь] наш татарьский князь Обрагим Тимирчич, и потом сыну своему он буде спустил, ино тот сын его Обдула тот врьд хоружое троцькое ему дядку своему спустил, и оные листы наши, который на тот врьд в себе мел, ему отдал». 2 декабря 1533 г. Сигизмунд I утвердил князя Кульзимана хорунжим и дал ему право «на том ураде своем хоружестве троцьком рядити и справовати по тому, как и предки его першые хоружие в том ся справовали» [11, д.17, л.532–532об].

По какой-то причине князь Кульзиман видимо так и не занял этот пост или вскоре вновь уступил его тому же Обдуле [11, д.17, л.312–314 об.]. «Хоружий козацкий татарский кн[я]зь Обдула Абрагимович» упоминается (вместе с братом и племянником) в судебном решении 17 октября 1536 г. (по их жалобе на высокодворского наместника господарского, забравшего у них крестьян, пожалованных еще их отцу князю Абрагиму Тимирчичу) [11, д.17, л.312–314об]. Поскольку и князь Обдула, и князь Кульзиман, разумеется, возглавляли весь стяг, а не какую-то его часть, татарами-казаками приведенные здесь документы явно считают всех служилых татар, входивших в состав этого хорунжества.

Еще раз вернемся к документам, упоминающим литовских татар-казаков и рассмотренным выше, и мы увидим, что практически все они допускают подобное – более широкое – толкование данного термина. В самом деле, даже в реестре татарских стягов 1528 г. вовсе не обязательно усматривать противопоставление татар-казаков другим татарам, записанным в тех же хорунжествах. Ведь в списке каждого стяга после перечисления татар, владевших крестьянами, следует заголовок «то татаре козаци, што...», т.е. «это татары-казаки, которые...», допускающий двоякую интерпретацию: или данный документ противопоставляет казаков остальным татарам, – т.е. эти *татары-казаки*, которые отличаются от всех остальных татар, перечисленных выше, тем-то и тем-то (обычно – не имеют людей), или же это *татары-казаки*, которые отличаются от перечисленных выше *татар-казаков* тем, что не имеют крестьян, или тем, что составляют внутри стяга особую группу (как, например, в стяге князя Абрагима Тимирчича ларские, вацкие, троцкие, кирклянские казаки). Ведь по тому же принципу составлен и список хорунжества Ахмета Улана, где реестры составлявших его отрядов озаглавлены то «татаре козаци, што людей не мають», то просто

«татарове» (с указанием атаманства, к которому они принадлежат, их имущественного положения, – «татарове, што на огородах седят а пашни не мають»), причем и эти лица, видимо различаясь по размерам службы, составляют одну категорию татар, с общими правами и обязанностями. Татары, перечисленные в списках стягов до подзаголовков «то татаре козаки», собственно говоря, не имеют и документе специального названия [5, s.152]. Списку татарских хорунжеств в рукописи предшествует общий заголовок: «Реестр князей и вланов татарских. В том же реестре кожды з них них менован есть на кольку конех мает служити». После этого следуют списки отдельных хорунжеств, в которых упоминаются и татарские князья, и уланы (Чингисиды, князья крови) и другие татары, в большинстве названные казаками.

Итак, можно ли утверждать, что казаки – это все военно-служилые татары Великого княжества Литовского, упоминаемые в источниках первой половины XVI в.? Очевидно, у нас есть все основания констатировать, что именно в таком значении употреблялся в то время в Литве этот термин. По-видимому, самоназвание татар, выезжавших на литовскую службу, – казаки, т.е. вольные воины, независимые от сюзерена, имеющие право выбирать себе государя и служить ему по своему усмотрению, – на некоторое, довольно короткое время утвердилось в Литве как общее название татар, занятых военной службой. В таком контексте татары-казаки видимо противопоставлялись татарам, исполнявшим другие обязанности, например, татарам-ремесленникам, может быть, – «простым татарам». Кстати, не в этой ли связи в приведенном выше привилее 1541 г., подтверждавшем нескольким татарам право на навязку, равную шляхетской, подчеркивалось, что речь идет о татарах-казаках, т.е. о татарах служилых?.

Тем не менее, данный термин довольно быстро вышел из употребления и его вытеснил более четкий и универсальный термин «татары господарские», который определял юридический статус литовских татар-землевладельцев как служилых людей великого князя.

Очевидно, какую-то роль сыграло при этом и появление украинского казачества. Такое название окончательно закрепилось за представителями этой степной вольницы и вряд ли было приемлемо для одной из групп литовских феодалов, «землян господарских», какими являлись служилые татары. Нельзя исключить, кроме того, и влияния ордынских традиций. Среди литовских татар существовала знать, потомки мурз и уланов, сохранившие в Литве свои княжеские титулы и с помощью великих князей закрепившие, за собой на длительный срок практически наследственную власть над татарскими хорунжествами. Культивируя ордынские традиции, поддерживая некоторые контакты с татарскими ханствами, литовско-татарская аристократия, несомненно, помнила, что в феодальной иерархии ордынского общества казаки стояли ниже князей и мурз, поэтому и в Литве знать не могла принять для себя этого названия. И хотя в ряде случаев, как мы видели, татарами-казаками документы именуют всех татар стяга, независимо от их происхождения, – обычно потомки знати стремились так или иначе выделиться среди остальных служилых татар. Вопрос о положении татарских князей в Литве изучался нами специально [28]. Здесь мы отметим только, что татарская аристократия (князья, мурзы, уланы) по своему юридическому положению не составляла особой категории литовских татар. Она владела землей на том же праве, с теми же обязанностями, одинаковой была и головщина и навязка всех служилых татар, все они пользовались правом владеть крепостными, а право представителей некоторых родов занимать должности маршалков и хорунжих своего стяга освящалось традицией; но не было закреплено юридически. Среди литовских служилых татар потомки ордынских мурз и казаков в какой-то степени противостояли друг другу, но это противопоставление носило уже внутрисословный характер, существовало в рамках единой сословной группы – господарских татар, одной из групп литовского класса феодалов. Именно по этой причине, благодаря равному доступу всех служилых татар Речи Посполитой к шляхетским привилегиям, все их потомки (более 200 родов) после присоединения этих земель к Российской империи были признаны в потомственном дворянстве (некоторые семьи при этом сохраняли титулы князей и мурз, но это не влияло на объем их привилегий), и даже, вопреки общему русскому законодательству, сохраняли право владеть крепостными-христианами [28; 29, s.147–163].

Всё сказанное выше позволяет сделать следующие выводы:

1. Существующие в литературе оценки положения татар-казаков и их места в иерархии литовских татар, их противопоставление татарам господарским основано на недостаточно надежной источниковой базе и опровергается документами Литовской метрики.

2. Татары Великого княжества Литовского, именуемые в источниках казаками, пользовались всеми правами и привилегиями служилых господарских татар, и их единственной прямой обязанностью являлась военная служба за землю, пожалованную великим князем.

3. Термин «татары-казаки» был принесен в Литву из Золотой Орды и первоначально обозначал рядовых татарских воинов, порвавших связи со своим родом и свободных от вассалитета по отношению к ордынским феодалам. Распространение этого термина в Литве, очевидно, связано с переходом на литовскую службу наемных отрядов или отдельных ордынских казаков и первоначально казаками именовались только эти лица или их потомки.

4. В первой половине XVI в. в Великом княжестве Литовском термин «татары-казаки» приобрел более широкое значение и мог употребляться для обозначения основной массы господарских татар, военнотатарских татар вообще, как одно из названий этой группы в целом. Среди служилых татар казаки не составляли особой категории.

5. Исчезновение термина «татары-казаки» уже во второй половине XVI в. объясняется дальнейшей интеграцией группы служилых господарских татар, тем обстоятельством, что этот термин стал ассоциироваться с украинским казачеством, т.е. непривилегированными слоями общества Речи Посполитой, в то время как литовские служилые татары в этот период все больше сближались с остальной шляхтой Великого княжества.

Список использованных источников и литературы

1. Мухлинский А.О. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. – СПб., 1857.
2. Muchliński A. Zdanie sprawy o Tatarach litewskich, przez jednego z tych Tatarów złożone sułtanowi Sulejmanowi w r. 1558, z języka tureckiego przełożył i objaśnił i materiałami historycznymi uzupełnił [...] // TeKa Wileńska, 1858. – № 6.
3. Kryczyński S. Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-genealogicznej / «Rocznik Tatarski», 1938. Т.3.
4. Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. – Москва, 1892.
5. Borawski P.. Tatarskie chorągwie plemienne a armii Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI i pierwszej połowie XVII w. // Acta Baltico-Slavica. XII. 1979.
6. Borawski P. Sytuacja prawna ludności tatarskiej w Wielkim Księstwie Litewskim (XVI–XVIII w.) // Acta Baltico-Slavica. XV. 1983.
7. Borawski P., Dubiński A. Tatarzy polscy. Dzieje, obrzędy, legendy, tradycje. Warszawa, 1986.
8. Sobczak J. Położenie prawne ludności tatarskiej w Wielkim Księstwie Litewskim. «Poznańskie towarzystwo przyjaciół nauk. Wydział historii i nauk społecznych. Prace komisji historycznej». Т. XXXVIII. Warszawa-Poznań, 1984.
9. Гембіцкі Я. Да пытання аб сацыяльна-эканамічным стане беларускіх татар у сярэднявечча // Запіскі аддзела гуманітарных навук. Беларуская АН. Кніга 8. Працы класа гісторыі. Мінск, 1929. Т.3.
10. Грыцкевіч А.П.. 3 гісторыі паселішчаў татар у Беларусі // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. – Мінск, 1981. – Вып.6.
11. РГАДА. Ф. 389.
12. Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. – Мінск, 2003.
13. Русская историческая библиотека (далее: РИБ). Т. XXXIII: Литовская метрика. Переписи войска литовского. – Петроград, 1913.
14. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и издаваемые Археографическою комиссиею. – С.-Петербург, 1840. – Т.1. – № 208.
15. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею для разбора древних актов. Вильно, 1890. – Т. XVII.
16. Статут Великого княжества Литовского 1566 г. / Временник Московского общества истории и древностей российских. – М., 1855. – Кн. 23.
17. Лаппо И.И. Литовский статут 1588 г. – Каунас, 1532. – Т.2 (Текст).
18. Alfurkan. Чижевский П. Альфуркан (1616 г.).
19. Ibidem.
20. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч.1.
21. Никитин Н.И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI – середины XVII века // Вопросы истории. – 1986. – № 4.
22. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., 1899. – Т.2. – Ч.1.
23. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М., 1973.
24. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – Т.2. – СПб., 1865.
25. Архив Южной и Западной России. Ч.3. Акты о казаках. – Т.1. – С.1500 по 1648 г. – Киев, 1863.
26. Думин С.В. Служилые татары в Великом княжестве Литовском в конце XIV – начале XVI в. (формирование группы) // Наш радавод: Материалы международной научной конференции по региональной истории Восточной Европы «Культура народов Великого княжества Литовского и Белоруссии XIII – начала XX в.». – Гродно, 1991. – Ч.3.

27. Strykowski M. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, zemojdzkiego i ruskiego, nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzejmie pilnego doświadczenia. Warszawa, 1978. S. 333.

28. Думин С.В. Татарские князья в Великом княжестве Литовском // Acta Baltico-Slavica. Т. XX. 1989.

29. Dumin S. Szlachta tatarska w Wielkim Księstwie Litewskim i zmiany w jej sytuacji prawnej w XVI–XVIII w. [Татарская шляхта в Великом княжестве Литовском и изменения в ее правовом положении в XVI–XVIII в.] // Roczniki Historyczne. Rocznik LVII. 1991.

Р.Х. Амирханов

От Урала до Вятки: земли татар племени минг

«...Ат та туйган жиренә,
Ир дә туган жиренә».

«...Конь стремится к земле, где трава,
Муж стремится к стране, где рожден».

Татарский эпос «Идегей». Песнь IX.

В России, как правило, изучение родословий посвящено только царствующим особам, князьям, генсекам, иногда – приближенным к царствующему дому. Система изучения и составления родословных для простого народа не организована. Если часть населения и составляет свое родословие, то только благодаря собственной инициативе отдельного человека, любителей истории и краеведов. Поэтому не стоит удивляться тому, что многие внуки не знают даже имен своих дедушек и бабушек. В отсталости в вопросах изучения и составления своего родословия (генеалогии) упрекать население мы не имеем никакого права, потому что доступ к архивным материалам для широкого круга людей практически невозможен. Неблагоприятная ситуация может продолжаться до тех пор, пока государство не опубликует архивы, в частности, текстовые материалы ревизских сказок и метрических книг.

Методическая литература по составлению родословий практически отсутствует, изучение генеалогии в школах и ВУЗах в качестве отдельного предмета не организовано. Чтение метрических книг, которые первоначально написаны на арабице, даже татароязычному населению представляет почти непреодолимое препятствие, так как двукратная насильственная смена алфавита оторвала татар от письменных источников своих предков. И как результат – среднее и молодое поколение татар менее грамотно, чем их отцы и деды.

Интерес к правдивой истории и к историческим источникам не является массовым, потому составление своих родословных продолжает быть уделом энтузиастов. Все это вместе взятое привело к отрыву молодого поколения от истории своих предков, превращая их «Ахметов, не помнящих родства». А такими людьми, известное дело, легко управлять.

Родословия имеет не только познавательное и воспитательное значение, но являются серьезными источниками при изучении миграционных, демографических и других процессов в жизни населения. Они, родословия, в своей основе базируются на устной и письменной народной памяти. В устной и письменной памяти порой бывают ошибки, например, в чередовании имен предков, но от этого их документальная ценность несколько не снижается. Наиболее полны и стройны те родословия, составленные муллами и мурзами. Подтверждением этому служат два *списка* родословия, которые хранятся в селе Сарайлы Благоварского района Республики Башкортостан.

Село Сарайлы географически расположено на левобережье реки Дема, на левом берегу небольшой реки с названием Балышлы, ближе к ее истоку. Это село почти слилось с селами Балышлы (на правом берегу реки Балышлы) и Новый Буляк. Село Новый Буляк образовалось в 1913–1914 годах путем выделения части населения Сарайлы, приписанной к «типтярскому» сословию; на самом деле «тептяри» перебрались с одного конца Сарайлы на другой. Близкими *их соседями являются* села Удрякбашево (родина генерала А.Ишбулатова, на р. Большой Удряк), Новая Каргала (родина Амирхана Еники, расположена при одноименной речке, западнее от железнодорожной станции Благовар), Шамеево (бывшее Новое Балышлы, выделившееся из с. Балышлы), Старое Усманово и Сафарово, что на полпути на железнодорожная станция Чишма (здесь, на «Акзирате», находится мавзолей Хусейн-бека). Невдалеке находятся села Новое

Калмашево (на р. Калмаш), Ямакаево, также несколько близлежащие друг другу села с общим названием Тирмя, что на речке Слак. Здесь находится мавзолей Тура-хана. Администрация района находится в русском селе Языково.

Наши края в древности пребывали в зоне влияния культуры сармат, саков и массагетов, о чем свидетельствует курганная археологическая культура в районах Уфы, Оренбуржья, Бугульмы и др. С образованием Золотой Орды – находились в составе этого государства, а с его распадом – в составе Ногайской Орды. Имеется основание полагать, что наши края были одним из культурных центров этой Орды. На это указывают древние Имэн-кала (Уфа) и мавзолеи, множество татарских тамг на камнях-валунах, скалах и др. А множество татарских тамг означает обитание в этих краях большого количества племен с развитым административным управлением. Последнее подтверждается населенными пунктами с общим названием Кубово. Например, между озером Кандры и районным центром Буздяк расположены населенные пункты Копей-Кубово, Батырша-Кубово, Казаклар-Кубово и Телякей-Кубово. Селения Копей-Кубово и Телякей-Кубово отмечены также на карте Уфимской губернии [24, с.90–91]. Западнее Уфы есть села Ново-Кубово, Старо-Кубово, Сарт-Кубово. Слово «кубово» в названиях населенных пунктов связано с древними административными традициями татар Ногайской Орды. Эта же традиция существовала и на юго-западной части Ногайской Орды, например, в Караногайской, Ачикулакской, Едишкульской и Едисанской приставствах [1, с.44–54]. Проживающие здесь племена состояли из кубов, к которым принадлежали по несколько родовых ветвей. Например, сарай-кубу принадлежали ветви алты-гожа-уйсун, эменек-уйсун, кара-гора-уйсун, куяшлы, каншлы, уйгур, буйрабаш, яшул, чавжейли, казаяклы и тубей. К конгур-кубу – беке, казанулы, ктай, бадрак и баята. В Караногайском приставстве население было распределено между четырьмя древними кубами: найманским, терковским, кипчакским и минским. В Крыму есть населенные пункты Киик-Коба, Шан-Коба, Фатыйма-Коба, Мурзак-Коба, Буран-Коба [2, с.15, 17]. В данном случае слово «коба» может читаться как «кобау».

На татарском языке *кубово* (күбөү) или *куб* означает *куп*, значит – *много*, много (несколько) племен. Следовательно, *кубово*, «*коба-кобау*», *куби*, *суби* означают удел, область, край с множеством племен (родов). В большинстве первенство в управлении административными единицами кубово принадлежало мангытам и/или мингам.

Чуби-Минская волость может означать Суби-Минская волость, но не от слова *сыбы* (имена Идел-сыбы, Яик-сыбы и др.), а от слова *куби*, *кубово*. Если это наше предположение *верно*, то *первоначально* родовая волость могла называться «Куби-Минская». Тем более, эта волость соприкасается почти со всеми населенными пунктами, имеющими в своем названии слово Кубово.

В татарских родословных термин Кобау встречается в качестве имени человека, например, Кобау, его сын Токай [3, л.2 об.–3]. В данном случае имя Кобау-Кобай означает «Оль» («Старший»).

И в наших краях издревле проживают различные роды из племени мин/минг, что подтверждается с родословными и источниками.

Например, во время проведения 7-й ревизии (1816 г.) в селе Удрякбашево проживало 239 душ «мещеряков», 18 душ «служилых татар», 13 душ «удреков» и 25 душ «башкир» [4, л.179]. Сословия «мещеряки», «служилые татары» и «башкиры» являются традиционно надуманными, но кто же «удреки»? Ответ может быть найден в названиях нескольких рек вблизи этого села. Село Удрякбашево основано на реке Большой Удряк, что впадает в реку Дему. В Большой Удряк справа впадают Средний Удряк и Асыл Удряк. Асыл Удряк свое начало берет от довольно большого озера Асыл, которое чаще называют Ачылы, что неверно. (Слова «ачылы» означает «кислое», что не соответствует вкусу воды этого озера. Слово «асыл», то есть «красивый» на самом деле соответствует этому прекрасному озеру, дающей пристанище и человеку, и животным).

За пределами реки Балышлы в Дему впадает речка Яман Удряк (иногда называют Келтей-Удряк). Название рек Удряк и части жителей села Удрякбашево *удреками* может быть связано с наименованием рода (ветви) *удрек* племени мин (минг, мангыт), возможно – как ветвь бадраков. Дело в том, что совсем недалеко расположено село Сатышево, входящее когда-то в состав Ислакской волости Белебеевского кантона, где, судя по шежере из этого села, проживали бадраки [Национальный музей РБ, документальный фонд, Нв 21111]. Шежере, в которой содержатся несколько родословных, переписано в 1924 году Муртазой, сыном Саяхетдина. В одном из родословных указано пять поколений: Барыйс Аткан Бабсак би – Сарыш би – Колын би – Базрак би – Байконгыр. Судя по приставке би, этот род принадлежит к потомкам Идегея, а имя Базрак есть Бадрак, би – рода бадраков. В истории татар Ногайской Орды род бадраков довольно известен. Например, в столице Казанского ханства проживали татарские роды Барын, Ширин, Кипчак,

Мангит. К этим родам соотнесен и род Бадрак. В 1549 году правитель Ногайской Орды Юсуф би в своем письме на имя Ивана IV сообщал о посольстве казанцев в Крым с просьбой о назначении им хана после смерти Сафа Гирея. Посольство возглавляли казанцы Янборс Расов и Данин, сын Махмута из рода бадрак. Столь высокое посольство возглавляли только представители древнего и знатного рода [5, б.185–186].

Отметим, что селения с общим названием Бадрак (иногда Батрак, Базрак) есть в Лениногорском и Мензелинском районах РТ, в Самарской и Ульяновской областях, в Башкортостане (Бурзянский и Бураевский районы), в Крыму.

Приведенные здесь примеры также подтверждают, что наши края издавна являлись одной из частей обширной территории Ногайской Орды, а жители – наследниками татарской племени мин (минг, мангыт).

Наступила вторая половина XVI века, одна из трагичных в истории татарского народа: под военным давлением Московии пала Казань, последовали жестокие мор и голод в среде татар Ногайской Орды, продолжались ожесточенные бои населения за восстановление Казанского ханства. Правительства тюрко-татарских ханств и Ногайской Орды не сумели сосредоточить свои силы на отпор противника, с севера последовали атаки на мирное население Орды, разрушались города и святая святых – захоронения предков татар. Татары были вынуждены сражаться на нескольких фронтах – против русских, появившихся с востока калмыков, вставших на русскую сторону казаков, бывших подданных Золотой Орды и др. Помощи татарам извне не поступала: сильная в тот период Порты была занята «приобретением» новых земель на юге и западе. В это время разрушалась устоявшая экономика государства, основанная на скотоводстве. В Орде отсутствовало централизованное управление, каждый род управлялся автономно. Захваченные татарские земли новыми хозяевами объявлялись «государевыми», что лишало коренное население земель – основы степной экономики. Коренные народы обязывались просить у московских царей, словно милости, утверждения за ними права на владение и пользование своими же землями.

К экономическому гнету прибавился гнет религиозный – началось силовое навязывание татарам «святой греческой веры». Татары, не принявшие нового административного и религиозного порядка, массами уходили вглубь Ногайской Орды, куда «рука» Московии пока еще не доходила. Однако и в глубине территории Орды покоя им не было – терзали воеводские власти, заседавшие в острогах, возведенных на земле татар, в том числе *Уфимского острожка*. Чтобы как-то уменьшить аппетит пришельцев, татары были вынуждены заключать с правителями новых хозяев договоры на *землепользование, так называемые отдельные грамоты*.

Согласно источникам наши предки до русского завоевания татарских земель проживали на Темниковской стороне. По мере усиления новой власти они постепенно продвигались вглубь Ногайской Орды, пока не осели в Придемье, на землях своих же исторических родов. Происходила вынужденная смена места жительства на единой исторической территории своих предков. Но и здесь их доставала «рука» московской власти, вновь возникали вопросы землевладения. *Вновь* приходилось узаконивать свое право на землевладение, составляя отдельные грамоты.

Одними из первых обладателей грамоты на землевладение из рода Казанфара бия были Шейх-дирбеш (Шихдербышка) и его сын Тохтамыш (Тохтамышка).

По данным от 15 сентября 7089 года (1581 г.) были даны вотчины и «бортные ухозя» по обеим берегам Камы и по реке Ику «Шихдербышке да Тевкелу да Бехтемирке» [6, л.216 об.]. Тохтамыш «с товарищами» и жителями деревни Сарали (Сарайлы – Р.А.) и в 1595 году владели землями в Предкамье по бассейнам рек Тойма, Карин, Чаллы, Итня и др., а также «за Камою рекой» (в Закамье – Р.А.) «по речкам Польской Кабан, Ургузе, Такирмен, Малакас, Кузабы, Итня, Кирмалы, Кавзияк, Тыгырменлик, Сурунчак» и др. [7, с.15].

По данным на 3 февраля 7145 года (1637 г.) жителям Зюрейской дороги деревни Балтачева Алакейке Тявкиеву, Тявгилдайку Тявкиеву, Курманайке Шихдербышеву, Балтачке Сопаргочеву, Ахпайке Басубину и Ясчейке Тораеву принадлежали земли по речке Учюмене «по обе стороны» и сенокосы «за Камою рекою верхняя межа по речке Алюк, а нижняя межа по Ик реке...» [6, л.138].

В 1643 году Тохтамышу (Тохтамышке) Шихдербаеву, Тактке Кутееву, Янбатейке Янсеитову продолжали принадлежать земельные угодья при деревне Сарали (Сарайлы). Имя Тохтамыша «при деревне Сарали» упоминается также в работе И.Р. Габдуллина [8, с.216].

По данным на 1 ноября 7205 года (1697 г.) жителям разных деревень Байларской волости Казанской дороги Арычко Тохтамышеву «с товарищи» принадлежали вотчины «по Ику реке по обе стороны, верхняя межа озера Большее, а нижняя межа озера Урла и те озера тоже... И тою

вотчиною по Ику реке и озера изтари владели прадеды, деды и отцы их и оне владеют поныне...» [6, д.1010, л.218].

В конце XVIII века потомками Тохтамыша «с товарищами» считали себя жители деревень Саклавбаш, Усюлю Саклов, Имановой, Сарсаз, Такирмен, Чураш, Сарали Бикметево, Сулюково, Абдуловой, Сеитово, Семекеево, Кугаш, Каран, Клянчитамак, Сарманово, Рангазар и др. [7, с.15]. По данным ревизии 1834 года эти села находились в составе Сарайли-Минской волости, за исключением трех последних, находившихся в составе смешанных волостей Сарайли-Минской и Байларской.

Е.И. Чернышов, ссылаясь на С. Мельникова, отмечает, что деревня Сарайли была основана в период Казанского ханства [9, с.276]. Д.М. Исхаков, со ссылкой на работы Е.И. Чернышова, считает сарайли-минцев на реке Мензеля переселенцами из деревни Сарайли Казанского уезда, которая существовала также в период Казанского ханства [10, с.131]. Подобного мнения придерживается и Р.Г. Кузеев [11, с.299–304]. Он также пишет, что до конца XVIII века сарайлы-минцы жили в низовьях реки Ика: земля их «лежит между речек Мензели и Итили». В «Писцовой книге...» на Зюрейской дороге Казанского уезда в 7157 году (1649 г.) упоминается ясачное село Сарайли близ Елабуги в связи с «отмерением» земли двум церквям «Государева дворцового села Тресвятского, Елабуга то ж» [12, с.219]. Последние сведения совпадают с информацией о землевладениях Тохтамыша Шейхдирбишева.

Тохтамыш Шихдербай (так пишется в источниках) приходится сыном Шейх Дирбешу из родословной Сарайлинской рукописи. Шейх Дирбеш и его брат Шейх Маман являются сыновьями Хасан-шейха, внука Дистана, правнука Казанфара бия. У Шейх Дирбеша было 12 сыновей. Кроме Тохтамыша, Турай, Тутай, Кахарман, Тукбирде, Туйкэ, Ырыс, Байсуба, Максу, Солтан, Таубакты, Илбакты [13, б.36, 37, 46, 49].

Следующие межродовые разделы земли происходили в середине XVII века, но уже в Придемье. Эти разделы, как мы предполагаем, связаны с незаконными изъятиями татарских земель новоявленным русским служилым населением Уфимского острожка. Они, не удовлетворившись земельными угодьями в непосредственной близости от места своего проживания, начали захватывать татарские земли за пределами своего жилья. Дело в том, что русское правительство пока еще не было способно обеспечивать своих служилых продовольствием, воеводы острожка старались создавать местную «хлебную базу» путем раздачи им земель коренных жителей, то есть за пределами острожка. До 1623–1624 годов служилые люди владели землями у речки Сутолка, на Случевке и Шугуровской, возле Ногайского оврага, где протекала речка Ногайка. В наши дни эта территория очерчивается лишь парком Салавата Юлаева (бывшие Ушаковский, Матросова), перекрестком улиц Цюрупы и Октябрьской Революции [14, с.13, 16, 17, 79, 84, 151]. В последующие годы служилые люди начинают претендовать на более дальние татарские земли, как за пределами рек Дема и Белая, так и за речкой Берсуан (Чесноковкой), даже вверх по Белой, до реки Уршака [15, с.283].

Но местным хозяевам пришлось пресекать дальнейшего поползновения новоприбывших на их земли, для чего официально закрепляли права на собственные землевладения посредством отдельных грамот, так как завоеванные земли стали считаться «землями государевами», то и отдельные грамоты оформлялись от имени царя. Со времени появления в уфимском округе русского острожка хозяевам пришлось дважды закреплять свои ближние и дальние внутриведомственные (родоволостные) разделы земли в 1646 и 1671 годах.

В разделе земли 1646 года участвовало 11 хозяев, потомки Идегея, *сохранив за собой 9 участков*. В 1671 году раздел земли осуществили другие потомки Идегея: четыре сына Казанфара-бия (Кузьябахты, Дистан, Байбахты и Кадаш-би), четыре сына Чублюка (Яик-сыби, Кадыр-сыби, Минли-сыби и Идил-сыби), а также Уразлы Урманов, Маматкол Тинглиев и Аккунды Акманов [16, б.107–111]. Все участники раздела земли происходили «от княжества и тарханства татарского» [17, л.1].

Межродовой раздел земли осуществлялся по естественным границам (рекам, озерам, лесным угодьям), что помогло нам в установлении их границ на современных картах.

Общая территория разделенной земли в современных названиях очерчивается правобережьем реки Белая и левобережьем реки Дема на всей их протяженности, от истоков Демы почти до реки Ика. Здесь их земли соединяются с землями родственной Сарайли-Минской волости. На юге охватывают Стерлитамакский, Давлекановский, Благоварский, Чишминский, Гафурийский, частично Белебеевский районы РБ; на севере – Белорецкий и Бирский, включая Аургазинский,

Кушнаренковский, Чекмагушевский и Ютазинский районы РБ, также частично территории Сармановского и Тумутукского районов РТ. На юго-западе территория охватывает Кандры-куля.

На этой территории возведены города Уфа, Стерлитамак, Ишимбай, Салават, Белорецк и Бирск.

До раздела 1646 года эта огромная территория имела общее название – Минская волость [6, д.939. л.8 об.]. Владел землями Минской волости князь Казанфар [6, д.1007. л.37]. Власть Казанфара бия распространялась от истоков Демы до устья Камы.

Однако власть руководителей племени мин не ограничивалась только землями Казанфара бия.

Как пишет Заки Валиди, племя мин было многочисленно, проживало на обширной территории от Заказанья до Крыма. Это племя в Ногайской Орде являлось правящим. Не зря наследники *рода* Идегея имели право называться биями, так как только они являлись мурзами [18, б.36].

В родословной, составленной в 1963–1970 годах жителем села Каркалитамак (Миякинский р-н РБ) Вафиним Газизом Мухаммедвафовичем, Казанфар назван «бием» страны Сарайли [13, б.12]. В данном случае слово «страна» может означать «род». Следовательно, территория от Яика до устья Камы, во всем своем величии, принадлежала татарскому роду сарайлы племени мин/минг, потомкам Идегея бия и Казанфара бия.

После раздела земли в 1671 году на этой огромной территории возникло множество минских татарских родовых объединений-волостей, превращенные на небольшой период русскими в волостные административные единицы.

В первой половине XVIII века насчитывалось от 70 до 76 волостей. На ногайской дороге – около 30, Сибирской – от 23 до 25, Казанской – 15–17, Осинской около – 4–5 [19, с.68].

Ниже приводим названия 33-х наиболее крупных татарских родовых объединений (в алфавитном порядке): Байларская, Булярская, Гарейская, Еддятская, Енейская, Дуванская, Иланская (Еланская) (в нескольких сочетаниях), Илекей-Минская, Ирехтинская, Канлинская, Киргизская, Кырыкуйли-Минская, Кубовская, Кудейская, Кулиле-Минская, Кыпчакская (в нескольких сочетаниях), Минская, Миркит-Минская, Мурзаларская, Сарайлы-Минская, Сунларская, Табынская, Тазларская, Тангаурская, Таныпская, Тамьянская, Уранская, Услуги-Минская, Уршак-Минская, Чуби-Минская, Шамшадинская, Юрматинская (в нескольких сочетаниях), Юрминская, Яик-Суби-Минская. Позднее Уршак-Минская волость стала называться Минской волостью тюбы Кадышевой. В землевладельческих документах встречаются наименования «Сарайлинская волость Дистановой тюбы», «Дистанова тюба из Кырыкуйлинской волости». В Минской волости были тюбы Тарханская и Булашевская [20, с.197, 342]. В остальных волостях тюрб не было. На близкую родственность татар-минцев на всем пространстве земли Казанфара бия указывает и следующий документ.

В 1734 году сарайлинцы Чуби-Минской волости вышли с обращением в адрес Уфимской провинциальной канцелярии, что их родственники Дистановы живут «по Мензеле речке в Сарайлинской волости», которые ныне «желают они принять по прежнему к себе». 10 июня 1743 года Уфимской провинциальной канцелярией было «велено вотчинною землею владеть обще с родственниками, а жить им по прежнему на Казанской дороге до указа» [6, д.1007, л.49 об.].

Кроме названия племени и/или рода, в названиях родовых объединений имеются и другие сведения. Например, как было отмечено выше, в названии Чуби-Минского объединения слово «Чуби» может означать либо «сыбы» («суфи»), либо «кубово». Названия Киргизский или Кыпчакский связаны лишь с названиями населенных пунктов. Название Кулиле-Минского объединения связано с преобладанием на территории озер («озеро» по-татарски «күл»). Название Кырыкуйли-Минской связано с названием рода «кырыкуйли» – «сорок домов», то есть, «очень много» родов (дворов). Название татарских родов через число «дворов» («домов») довольно распространено. Например, «учуйлы» (учил, учалы) означает «три двора», «дюртуйли» («дюртюли») – «четыре двора». На территории современного Башкортостана существуют четыре населенных пункта с названием Дюртюли: в Дюртюлинском (районный центр), Давлекановском, Караидильском и Шаранском. Все они расположены в районах больших рек и озер, довольно насыщенных населенными пунктами. Село Дюртюли есть и на территории Республики Татарстан, вблизи Мензелинска, и в Чистопольском районе.

В Кармаскалинском районе РБ есть село Бишаул-Унгарово, что маркируется на территории землевладения Кужабакты, старшего сына Казанфара-бия. Возможно, название этого села произошло от Бишуйлы, то есть «пять дворов», «пять домов». И на Кубани есть станица Пятизбанная, что означает «Бишуйли». Есть татарские села с названием Дюртмунча и Бишмунча, что, видимо, связано с названием родов.

На картах Генерального межевания в названиях деревень сохранились имена отдельных участников раздела земли 1646 года. Например, деревня Тенергулово (на левом берегу реки Уршака, у впадения реки Тепериш), впоследствии переименованная в Петряево. Деревня Кадыргулово (на правом берегу реки Уршака) южнее современного села Тимошкино. Одно из селений носит название Канзафарово (Зилаирский р-н РБ), другое – Яик Себе (на левом берегу Демы южнее Раевки) на территории землевладения Яик-сыбы, сына Чублюка. Село Яик Себе существовало до середины 1940-х годов, на более поздних картах отсутствует. В верховьях реки Уршак есть село с названием Ямгурчи.

На картах Генерального межевания встречаются названия рек и озер, дающие повод на определенные размышления. Вблизи Уфы существовало озеро Карлук, соответствующее названию одного из татарских племен на востоке. Здесь же протекает река Юрмат, названная как Юрмаш и Чурмаш. Река Аургазы названа Ургаза. Река Лобовка, левый приток реки Уфа, называлась Лабау, подобно Лаба, левого притока реки Кубань (Куман). Названия рек Лабау и Лаба указывают на общность культуры и языка проживающего там населения. На эту общность указывает название сел и рек в Закамье и Кубани по имени рода Каратай: в Закамье есть несколько сел Каратай, на Кубани – река Черный Жеребец.

В Башкортостане есть две реки с общим названием Слак, одна впадает в Калмаш (вблизи Акзирата – приток Демы), другая – в Курсак (также приток Демы). Есть села и реки, которые в названиях содержат слово «мин» («минь»), например, Минка, Минлярово, Минлино, Миньковка, Миндзитарово, реки Миньяк, Миньяр. Есть населенные пункты и реки с названиями Нагаево, Нагайка, Нукай. Есть селения Мурзино и Мурзалар вблизи Камбарки, Бузовьяза и Акъяра. Есть поселения с названием Кипчак, например, вблизи Камбарки. Населенные пункты Тамьян, Табын, Балтач, Кудаш, Ямашево, Багряж, речки Менеуз, Калмаш существуют как на территории Татарстана, так и Башкортостана, что указывает на единство территории и культуры народа, издревле проживающего в этих регионах.

И в Закамье, и в Придемье есть реки и села с названием Сарайли (в русскоязычных источниках называются еще Сарали). Кроме селения Сарайли в Благоварском районе были деревни Сарайли на Деме (вблизи устья) и в районе Раевки, также на реке Сарайли (приток Большого Шишеняка, впадающего в Зилим). Недалеко от реки Резяпово есть еще одна река с названием Сарайли. На реке Слак (впадает в Курсак) было селение Сараево. На территориях Республики Татарстан и Республики Башкортостан несколько сел имеют название Крым-Сарай.

Село Сарайлы, по рассказам сельчан, названо нашими предками в память прежнего своего местожительства, что могло быть связано с Сарайчиком, центром, столицей Ногайской Орды, или Сарай, столицей Золотой Орды. Отсюда произошло наименование нашего рода сарайли племени минг (мангыт).

В рукописи и шежере Даушевых, хранившейся в селе Ахун (Учалинский р-н РБ) сохранилась запись о том, что сарайлинцы являются выходцами из города Сарайчик на реке Яике [21, б.7]. Даушевы происходят от Чалбака-хана и Урдача-бия и восходят к Абу Бакиру Сиддыйку. Род Даушевых, как и многие роды наших селений, восходит к Идегею, они являются наследниками дома сарайли татарского племени мин.

Имеется общность в названии татарских родов Закамья, Придемья и Крым. Это четко определяется в трудах Петра Кеппена XIX века [22, л. 236].

В январе 1847 года на основании «Высочайше утвержденного» положения Комитета Министров 50 семействам татар Крыма было разрешено переселиться в Керченский Магометанский форштадт «из поселян Феодосийского уезда, Сарайминской и Армаэлинской волостей». Перечисляются деревни: Бююк-Коджалар, Бешуйлы-Каралар (Бишөйле Каралар), Кол-Алчин (Кол Алчын), Узун-Аях-Карса (Озынаяк Карса), Баш-Киргиз (Баш Кыргыз), Коп-Кочеген (Күп Күчегән) и Сараймин (Сарайли-Мин).

Здесь все ясно, особые комментарии не требуются.

Раздельные грамоты с родословными являлись юридическими документами, действительными при проведении Генерального межевания, а также в конце XIX века. Следовательно, человек без «роду и племени», не знающий своих генеалогических корней не мог претендовать на землевладение, то есть на социально-экономическое благополучие.

В раздельной грамоте 1761 года границы родовых волостей определены, в основном, по берегам рек, озер, линии лесов. Поэтому в последующие годы, в том числе при Генеральном межевании земель, стали возникать земельные споры, даже между близкими историческими

соседями. Приведем пример такого земельного спора между соседями – чубиминцами и кырыкуйлеминцами.

В 1734 году сарайлинцы Чуби-Минской волости обратились в Уфимскую провинциальную канцелярию с обвинением своих соседей кырыкуйлинцев в насильственном завладении части их земли, что обосновали раздельной грамотой 1761 года [6, д.1007, л.32–33]. Спор связан с землями на левом берегу реки Большого Удряка, принадлежащего по раздельной грамоте 1671 года сарайлинцам Чуби-Минской волости. Кырыкуйлинцы отстаивали свои права на земли по обеим берегам этой реки. Спор двух соседей власти решили просто: до раздела 1646 года все земли принадлежали князю Канзаферу, «который так и назначенным участкам известной меры нет», что означало «границы неизвестны», разбирайтесь, мол, сами.

В 1868 году поверенные вотчинников Чуби-Минской волости Уфимского уезда деревень Верхний Хозят Камалетдин Канзафаров, Нижний Хозят Мухаметвали Азнабаев, Мутальпово (Усманово) Масалим Мухарьямов сообщали властям следующее [4, д.46. л.163–163 об.; 6, д.939. л.8 об.–9]: согласно раздельной грамоте от 9 февраля 1671 года вотчинникам Чуби-Минской волости принадлежал лес по реке Белой «на нагорной стороне две Ману горы, по речке Курт, вниз реки Сим». На основе этой раздельной грамоты названная территория была обмежевана и закреплена за законными хозяевами еще в 1836 году. Следовательно, раздельные грамоты XVII века на землевладение свою юридическую силу имели и в конце XIX века.

Вместо заключения

Принадлежность татарам земель от Яика (Урала), далее по Чулману (Каме) и Нократу (Вятка) сообщается и в татарском эпосе «Идегей» [23, с.260, 261, 268–270, 335, 367, 524].

Когда Идегей оказался во дворе Тимура (Тамерлана), Нурадын обратился к отцу следующими словами:

«... Идел белән Жаектан
Сарай белән Болгардан,
Нораның кара комыннан,
Уел белән Кыелдан,
Каргалы, Элэк буеннан –
Татарның тулы йортыннан
Сиңа килдем атаем! ...».

(«...Наш дорогой родимый край
Идиль, Яик, Болгар, Сарай,
Черные пески Нуры,
Уел, Кыел, Илек, Каргалы –
Вся татарская наша земля»).

В ответ Идегей сказал сыну:

«Сарай белән Болгарның,
Чулман белән Нократның
Халкы ханнан өреkkәндә,
Өркеп мине көткәндә,
Без дә анда булаек!».

(«Если Сарай, если Булгар,
Если Чулман, если Нукрат,
Дети нугаев, дети татар
Свергнуть Токтамышша хотят,
Если ждет меня мой народ, –
Будем там, где народ живет!»).

Затем Идегей обратился к Тимуру со следующими словами:

«... Наши реки Чулман и Нукрат,
Ныне ждет меня мой народ,
Токтамышша не признает,
Дай мне разрешенье, эмир, –
Я к реке Идиль поскачу,
Свой народ соберу, сплочу,
На Токтамышша стрелой полечу,
Поведу на злодея народ,
Пока моя смерть не придет,
Буду стрелять, буду стрелять!».

При бегстве в Сибирь путь Токтамышша хана пролегал на Чулман (Каму) через вершины реки Ика, через земли мингских татар. (Песнь XIII).

Со времени властвования беклярбека Чингисида Ногай Золотая Орда стала называться еще «Нугай Йорты», то есть «Государство Ногай». В эпосе «Идегей» есть такие строки, сказанные Токтамышем:

«... Дом, где вкушал я покой и мир,
Где Нугайский народ вековал».

Из всего вышесказанного следует следующее: сведения, почерпнутые из татарского эпоса «Идегей», архивных источников и Сарайлинской рукописи, показывают бесспорность исторической принадлежности древних земель от Урала (Яика) до Камы (Чулмана) и Вятки (Нократа) татарам племени мин/минг/мангыт. И никому более. Что касается исторических имен предков татар-мингов, то они совпадают с их именами в ревизских и метрических материалах.

Список использованных источников и литературы

1. Калмыков М.Х., Керейтов Р.Х., Сакалиев А.И. Ногайцы. – М.; Черкесск, 1988.
2. Возгрин В. Исторические судьбы крымских татар. – М.: Мысль, 1992.
3. РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.823.
4. ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп.1. Д.1755.
5. Гарипова Ф. Исемнәрҙең ил тарихы. – Казан, 1994.
6. РГАДА. Ф.1324. Оп.1.
7. Рамазанова Д. Татары Восточного Закамья: их распространение, особенности говора. – Казань: Магариф, 2001.
8. Габдуллин И.Р. К вопросу об этнической эволюции тюркского населения Уфимского уезда (губернии) в XVII–XIX вв. // Единство татарской нации. – Казань: Фэн, 2002.
9. Чернышов Е.И. Данные о населенных пунктах по Казанскому уезду. Т.1. Машинописный текст. Хранилище отдела рукописей и текстологии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.
10. Исаков Д.М. Из этнической истории татар...
11. Кузеев Р. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. – М., 1974.
12. Писцовая книга Казанского уезда 1647–1657 годов. – М., 2001.
13. Әхмәтжан М. Турай, Миякә арасы – бар да меңнәр баласы. – Казан, 2010.
14. Синенко С. Город над Белой рекой. – Уфа: Изд. «Башкортостан», 2002.
15. Демидова Н. Древнейший источник по истории Уфы // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. – Уфа, 1971.
16. Әхмәтжанов М. Меңнәр кабиләсенә нисбәтле шәжәрәләр // «Мирас». – 2001. – №11.
17. ЦГИА РБ. Ф.172. Оп.1.
18. Вәлиди Туган Әхмәтзәки. Башкорттарҙың тарихы. Төрөк һәм татар тарихы. – Өфө: КИТАП, 1994.
19. История Башкортостана. С древнейших времен до 1917 г. Учебное пособие. – Уфа, 1991.
20. Южноуральский археографический сборник. – Вып.2. – Уфа, 1976.
21. Әхмәтжанов М. Ахун – татар авылы. // Татар иле. – 2002. – №40.
22. РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.119.
23. Идегей. Татарский народный эпос. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2006.
24. Энциклопедический словарь Брокгауз-Эфрон. – Т.69. – М., 1902.

Ф.Г. Ислаев

К вопросу о происхождении «лапотных» мурз

После покорения Казанского ханства православная церковь при поддержке государственных институтов вела постоянную работу по распространению христианства среди мусульманских народов. На протяжении столетий такая деятельность среди мусульман то усиливалась, то ослабевала. На первых порах основное внимание уделялось крещению татарских феодалов – князей-мурз. Покорители Казанского ханства, осознавая, что без помощи местной элиты управлять завоеванным обширным краем будет невозможно, стали стимулировать переход в православие лояльных новым властям мурз. В тех условиях единственным доказательством верной службы Московскому государству была смена религиозной идентичности, т.е. принятие мурзами православной веры. Результатом таких настойчивых усилий, по данным Р.Ф. Галлямова, доля новокрещеных среди служилых мурз и татар в начале XVII века доходила до 40%, в то время как крестившиеся среди ясачных татар составляли всего 4–5% [2, с.13]

Переход мурз и служилых татар в православие стимулировался не только материальными благами, но и насилием. Об этом свидетельствует жалоба романовских служилых татар царю Алексею Михайловичу, что «романовский воевода Олексий Малышкин посадил нас холопеи твоих в тюрьму и мучил, сажал в цепь и в железа и нудил нас холопеи твоих сильно креститься в православную христианскую веру; и не мога мы, холопи твои, претерпеть муки от него... подали

мы челобитную, чтобы нас... крестить в православную христианскую веру; а мы, холопы твои, хотим быть в своей басурманской вере... Не вели, государь, нас сильно крестить в православную христианскую веру, а вели, государь, нам быть в своей басурманской вере» [3, с.118]

80-е годы XVIII века – период очередной попытки крестить все татарское служилое сословие. Именным указом государя от 21 мая 1680 года было велено крестить в православную христианскую веру романовских мурз и татар. Причиной монаршего решения стало их добровольное обращение к царю с желанием креститься, так как они познали «истинную веру греческого закона». За добровольное крещение мурзы просили «писать княжим именем», то есть называться русскими князьями. Мурзам сохранили княжеские имена, обещали им должности стольников с назначением жалованья и освободили от государевой службы на три года [7, т.2, с.267]

Через год, 16 мая 1681 года, было решено поместья и вотчины некрещеных мурз и служилых татар (с крестьянами и бобылями) отписать на Великого Государя. Фактически это означало экспроприацию земельных владений служилого сословия. При этом речь шла не только о самих мурзах и служилых татарах, но и об их женах, вдовах и детях. В случае крещения мурзы не только сохраняли прежние поместья, вотчины и крестьян, но награждались и денежной премией: мурзы получали по 10 рублей, жены – 5, а дети – по 2,5 рубля. Денежное вознаграждение за крещение служилым татарам назначалось в два раза меньше – по 5; 2,5 и 1,25 рубля. Этот указ закрепляет практиковавшееся и ранее материальное стимулирование за переход в православие [7, т.2, с.312–313].

24 мая 1681 года были внесены существенные дополнительные изменения в предыдущее решение. Данное решение касалось непосредственно романовских и ярославских мурз и служилых татар. Крещеным мурзам и служилым татарам было велено передать поместья и вотчины своих же не крестившихся родственников. При этом степень родства особой роли не имела, так как упоминались и деды, и отцы, и братья родные, и двоюродные, и племянники. Если мурзы и служилые татары «упрямством своим» не пожелают креститься, то их вместе с женами, детьми и «людьми басурманской веры» предписывалось высылать в город Углич и размещать там на постоянных дворах. А кормиться они там должны за счет своих же бывших поместий, которые отписывались новокрещеным мурзам и служилым татарам; если же они пожелают креститься, то «велено их крестить, а поместья и вотчины им вернуть» [7, т.2, с.315].

Однако эти меры не дали ожидаемых результатов. Последующие события показали, что правительство было раздражено поведением мурз и служилых татар, которые отнюдь не торопились принять православную веру. Были приняты дополнительные меры. 19 февраля 1682 года Курмышскому «подьячему и приставу со товарищи» было велено ехать в Курмышский уезд «во все мурзинские и татарские деревни» для того, чтобы татары и мурзы «упрямство свое отложили и во святую благочестивую христианскую веру греческого закона крестились». Мурзы и служилые татары Курмышского уезда должны были до 25 февраля, т.е. в течение одной недели, креститься и бить челом государю о своих поместьях и вотчинах, чтобы крестившимся оставили земельные владения. Если же они до указанного срока не крестятся и государю челобитные не подадут, то их поместья и вотчины будут немедленно переданы тем мурзам и служилым татарам, которые к 25 числу успели сменить веру. Выполнять это решение приходилось в рекордно короткое время, поэтому им приходилось ездить наспех, «днем и ночью, неотложно» [1, т.9, с.311–312].

Эффективность принятых решений невозможно оценить из-за недостатка источников. Можно допустить, что мурзы и служилые татары продолжали упорствовать, не торопились менять веру предков, пытались сохранить исламскую веру и оказывали воздействие на тех, кто принимал крещение. Мурза Сюняк Еникеев отказался крещеному сыну Семену отдать долю своего богатства, «ко крещению его, Семена, не отпуская, едва от него ушел, а отец веры татарской, сейчас очами ослеп и многим мурзам и татарам раскол чинит, чтоб они в православную христианскую веру не крестились, а веровали в свою басурманскую веру». Земли отца были переданы крещеному, а остальных сыновей за некрещение лишили наследства, «чтобы это всем был урок и за образец». Судя по жалобе крещеного мурзы на своего отца, данный документ показывает, что Сюняк Еникеев вел соответствующую работу среди мусульман против их христианизации. [5, с.92, 100].

Однако ситуация вокруг крещения мурз и служилых татар коренным образом изменилась к лету 1682 года. Причиной тому стала неожиданная смерть царя Федора Алексеевича, последовавшая 27 апреля, и развернувшаяся борьба за престол, которая сопровождалась стрелецким бунтом. В этих чрезвычайных условиях в обмен на верность новому государю им было разрешено сохранить веру предков, но за это они теряли половину своего богатства. 29 мая 1682 года был обнародован указ об оставлении за мурзами и татарами половину поместий, если они даже не будут креститься, а вторую половину «отписать на государя». Новое правительство, пытавшееся

найти дополнительную опору среди служилого сословия в борьбе против стрелецкого бунта, 13 июля 1682 года издало новый указ – о возвращении служилым татарам и мурзам второй половины их поместий и вотчин. За возвращение своих поместий и вотчин мурзы и татары должны были, прежде всего, верно служить государям, своим крестьянам не чинить дополнительных налогов и не преследовать христианскую веру [7, т.2, с.403, 456].

Таким образом, круг замкнулся, служилые татары и мурзы получили возможность вернуть свои потерянные земельные владения и сохранить веру предков. Не будь чрезвычайной, неожиданной смены царской власти и стрелецкого бунта, татарские мурзы и служилые татары не получили бы возможности сохранить свое материальное богатство и верность исламу.

К сожалению, нам не удалось обнаружить статистические данные о мурзах и служилых татарах, принявших православную веру после этих мер. Тем не менее, часть мурз крестилась, сохранив княжеский титул. Среди военно-служилого сословия встречаются фамилии: капитан князь Борис Бабичев, вахмистр князь Афанасий Енгальчев, поручик князь Василий Макулов, капрал князь Михаил Енгальчев, князь Федор Кудашев, майор князь Иван Тугучев, вахмистр князь Семен Енгальчев, князь Андрей Манцырев, князь Андрей Еникеев и другие [4, т.1, с.75, 121, 139, 237, 397; т.2, с.56, 74, 76, 285]. Большинство из них обрусели и стали частью российской элиты. Мурзы и служилые татары, которые не захотели принять православную веру, стали переселяться в Закамье, Заволжье, на Урал и в Сибирь. Об этом свидетельствуют многочисленные данные об основании татарскими мурзами и служилыми татарами деревень в этих регионах.

Вопрос о христианизации татарских мурз окончательно был решен во времена Петра I, особенно активное участие в антиправительственных выступлениях мурз и служилых татар. Власть понимала, что позиция татарского феодального сословия становится основным препятствием на пути совместных усилий государства и церкви по интеграции татар-мусульман в российское общество путем их христианизации. Совпадение по времени подавления мятежа иноверцев и активизации мер по крещению мурз и служилых татар показывает, что здесь имеется прямая логическая связь.

3 ноября 1713 года принимается указ о крещении магометан в Казанской и Азовской губерниях, у которых в поместьях и вотчинах имелись крестьяне православной веры. По этому указу следовало, что мусульмане, имеющие свои поместья, а в поместьях и вотчинах крепостных православного исповедания, должны креститься в течение полугода, а «как воспримут святое крещение, и тем поместьям и вотчинам и людьми и крестьяне владеть по прежнему. А ежели в полгода не крестятся, и те их поместья и вотчины с людьми и со крестьянами у них взять и отписать на него Великого Государя, и без указа никому не отдавать». Формально указ носил ограниченный характер и касался только тех мурз и служилых татар, которые имели в своих владениях крепостных крестьян православного исповедания. Видимо, это вполне осознавал и законодатель, поэтому 27 ноября того же года последовал именной указ Петра I Сенату, который можно было уже трактовать иначе. Указ предписывал, что «деревни, которые за басурманами, сказать, что ежели не крестятся все, отнять и чтоб долгового срока не давать» [7, т.5, с.66–67, 71].

Уточненные данные о количестве крещеных и некрещеных мурз и служилых татар Казанской губернии были собраны к 22 марта 1715 года. Оказалось, что в 5 уездах губернии крещеных мурз и служилых татар было всего 94 человека. Общее количество мурз-мусульман было значительно больше – 500 человек. Количество служилых татар было почти в десять раз больше – 4911 человек. Кроме того, 507 некрещеных мурз и татар Пензенского уезда служили в различных городах других губерний. К служилому сословию относились еще 267 некрещеных мордовских мурз, 209 станичников и 1127 служилых чувашей – всего 1630 человек [4, т.5, кн.1, с.258]. Как показывают эти данные, некрещеных мурз и служилых татар было 5918 человек, а крещенных – 94 человека; таким образом, только 1,8% служилых татар и мурз оказались крещеными. Эти данные – наиболее яркое свидетельство провала прежней политики крещения татарского служилого сословия.

Противники крещения, естественно, лишились не только крепостных православного исповедания, но и всего богатства, прежде всего поместий и вотчин. Вероятно, именно после этих событий среди татар утвердилось выражение «чабаталы морза» – «лапотные мурзы». Не пожелавшие принять православие мурзы и служилые татары, как свидетельствуют документы, «из городов Казанской губернии многие служилые иноверцы побежали и ныне бегут в Уфимский уезд, а уфимские башкиры и мещеряки и татары тех беглых принимают и не выдают». Именно сохранившие верность исламу мурзы и служилые татары стали организаторами борьбы мусульман против христианизаторской политики правительства и миссионерства православной церкви.

Список использованных источников и литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – Т.1–5. – СПб., 1841–1843.
2. Галлямов Р.Ф. Этносоциальная история Предкамья во второй половине XVII – начале XVIII вв. (По писцовым и переписным книгам). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1995.
3. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т.1–12. – СПб., 1846–1875.
4. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Имп. Академией наук. Под ред. Н.В. Калачева. – Т. 1–6. – СПб., 1880–1901.
5. Еникеев С. Очерк истории татарского дворянства. – Уфа, 1999.
6. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. – Т. 1–50. – СПб., 1868–1915; Т. 2. (1722). – СПб., 1879.
7. ПСЗ. Собр. 1-е. – Т. 1–45.

Л.Ф. Байбулатова

«Асар» Ризаэддина Фахреддина как источник по истории татарских мурз Поволжья и Приуралья

В последнее время в обществе все больше возрастает интерес к изучению своей родословной, выявлению своих предков, как минимум до седьмого колена. Для одних это стало желанием написать историю своей семьи, другие, под влиянием современных веяний, стремятся подчеркнуть свою индивидуальность и особенность, выискивая в родословной известных личностей, как по происхождению, так и по занятиям. Доступность архивных материалов существенно облегчает исследователям поиск необходимых данных, однако сведения, получаемые из ревизских сказок или метрических книг, наиболее часто используемых при выявлении предков, в большинстве своем представляют собой короткую информацию. В связи с этим большой интерес представляет биобиблиографический свод «Асар» Ризаэддина Фахреддина. Это произведение включает в себя биографические описания представителей мусульманского духовенства, путешественников, ханов, поэтов, мударрисов, общественных деятелей, говоря словами самого автора, людей, «более или менее просветивших народ, [...] разделявших с ним беды и горе» [6, с.221]. Хронологические рамки свода охватывают период с X века до 1927 г. Он состоит из четырех томов, два из которых были изданы при жизни Р.Фахреддина в 1900–1908 гг., оставшиеся два тома находятся в рукописном состоянии. Здесь надо отметить деятельность уфимских ученых, издавших в 2006 и 2009 гг. две брошюры, в которые вошла часть биографических описаний из двух последних томов [8; 9]. Что касается первых двух томов, то издательством «Рухият» в 2006 и 2009 гг. они были изданы на кириллице на современном татарском языке, с переводом на русский [6; 7].

В четырех томах свода насчитывается 854 биографических описания, среди которых есть также очерки о мурзах и дворянах Поволжья и Приуралья. Из общего количества описаний нами было выявлено 13 биографических очерков, посвященных представителям мурз или дворян. Это – Надир бине Уразмет (том 1, часть 2, с.58), Абдулла бине Муслим бине Али бине Альмухаммед бине Чуенчал мирза бине Давыш мирза (т.1, ч.2, с.64–67), Абдулджалиль бине Мирсалим бине Мякаш бине Чунбай мирза бине Альмухаммед мирза (т.1, ч.2, с.82), Нигматулла бине Хабибулла бине Абдулманнан бине Акходжа (т.1, ч.8, с.422–424), Шагиахмед бине Юсуф бине Кутлугмухаммед бине Тевкел (т.2, ч.10, с.119–120), Сибгатулла бине Фахреддин бине Валишах бине Мансур бине Галикай (т.3, с.32), Салимгарей бине Шахингарей бине Юсуф бине Кутлугмухаммед бине Мамеш ат-Тевкел (т.3, с.99–103), Науширван бине Ширияздан бине Шахиахмед Яушев (т.3, с.293–293 об.), Гумер бине Габдерахим бине Мустай бине Биктимер бине Ишали бине Шахум бине Бахбет суфи бине Бикмет бине Матвин бине Давлетъяр (т.3, с.332–332 об.), Исхак бине Махмуд бине Исмагил бине Губайдулла бине Динмухаммед бине Дустмухаммед бине Бахеткильде бине Касим бине Кармыш аль-Кирмани (т.3, с.267–267 об.), Нугман бине Ахмер бине Хасан бине Типерпулад бине Шабай бине Мурад бине Хасан бине Нугай бине Байбик бине Бикбулад бине Изаки бине Булад бине Акчура бине Адаш (т.4, с.9–10), Мухаммед бине Алтынчура бине Расмухаммед бине Касай бине Назармамет бине Утаб бине Килдечура бине Атайчал бине Кулсары бине Котлыяр бине Тимеркарабуга бине Бишкурта бине Бурангул князь бине Туйне би

бине Урал би бине Бурджан би бине Бикбулад би бине Ичик (т.4, с.24–25), Нургали бине Хасан бине Исмагил бине Муэмин бине Давид бине Муслим (т.4, с.51). Перечисленные лица составляют всего 1,5% от общего количества персоналий. Но, вероятно, у Ризы Фахредина могло не быть сведений и материалов о принадлежности других описываемых личностей к мурзам или дворянам. А как исследователь, который стремился к объективности, он не мог, по его словам, приукрашивать и использовать непроверенные и не подтвержденные данные, ученый считал, что таким образом искажается история [3, л.4–5].

Что могут дать исследователям своих родословных эти биографические очерки? Их содержание условно можно разделить на несколько информационных блоков. Во-первых, это шежере, или перечисление имен отца и дедов описываемой личности. Шежере являются одним из немногих источников, которые мало подвергались изменениям и составлялись как фамильная история, которую необходимо было сохранить для будущих поколений [5, с.170–187]. В биографиях свода «Асар» количество перечисляемых имен в шежере редко доходит до 18 колен. В основном такое встречается в тех биографиях, которые были написаны на основе источников личного происхождения – писем и воспоминаний родственников. Некоторые имена в шежере сразу указывают на принадлежность к феодальной элите, так, например, в шежере Мухаммеда бине Алтынчуры даны имена его предков – князя Бурангула сына Туйне би сына Урал би сына Бурджан би, причем далее указывается, что Бурджан – это наименование рода. Или, второй пример – шежере Дашкиных-Дашковых, где основателями фамилии указаны Давыш мирза и Чуенчал мирза.

Следующий блок – это сведения о получении титула и пожаловании земель во владение. Из наиболее древних дворянских родов, представленных в «Асаре», указан род мирзы Давыша, начало которого ведется, по словам Ризы Фахредина, из Золотой Орды, а его потомки, известные как князья Дашкины, расселились в Уфимской и Оренбургской губерниях. Те же из потомков, кто принял христианство, носят фамилию Дашковых [6, с.52, 247–248]. Есть также сведения о получении или подтверждении титула в середине XVI века, т.е. после падения Казани. Так, например, в биографии Нугмана бине Ахмера (род Акчуриных) говорится, что Адаш и сын его Аккура получили ярлык на княжение от русского падишаха, князем был и сын Акчуры Булад, а сын последнего – Изаки – кроме княжеского титула, в 1783 г. получил за свою службу на государство марийские деревни, население которого платило ясак ему и его сыну Буладу [4, л.10]. Также в описании Мухаммеда бине Алтынчуры упоминается его самый древний предок Ичик би, который прибыл в Казань по приглашению Ивана IV, где ему и еще нескольким биям после присяги царю были пожалованы их же земли [4, л.24]. О дарении деревень говорится и в биографии Нургали сына Хасана, прапрадед которого – Давид – был из касимовских мурз, и за свою службу получил дарственную на деревню Мирзалар и окрестные земли в Тетюшском уезде [4, л.51]. За свои услуги при взятии Казани получил в дар земли и мурза Надир бине Уразмет, общая площадь дареных земель, по словам Фахрединова, равнялась площади государства Хивы. Ему были подарены земли вдоль рек Зай, Кичу, Шушма и Сок, на которых располагалось около сорока татарских селений [6, с.49, 245]. К сожалению, в остальных перечисленных биографических очерках упоминаются только титул и место, где проживали предки описываемой личности.

Следующий информативный блок – это описание жизнедеятельности личности. Этот блок наиболее содержательный, в него входят следующие сведения: дата рождения и смерти, данные об образовании, т.е. в каких медресе и у каких мударрисов обучался, деятельность после завершения обучения. Следует отметить, что 11 из 13 выявленных татарских мурз были имамами и мударрисами, один – Науширван Яушев – военным, еще один – Салимгарей Тевкелев – до назначения оренбургским муфтием также был военным. Кроме того, дается личная оценка Фахрединова и мнения других людей об описываемой личности. Для полной характеристики личности автор приводит также личные и деловые письма, если они есть, считая их репрезентативным источником, отражающим личные качества и деятельность людей, освещающим социальное и нравственное положение общества того времени.

Что касается достоверности «Асар»а как источника, то следует отметить следующее: источниковую основу биографических статей этого свода составили как документальные, так и нарративные источники. Из документальных источников Ризаэддин Фахредин использовал делопроизводственную документацию Оренбургского Магометанского Духовного Собрания и других учреждений, отложившихся в архиве Духовного управления, материалы фискального и административного учета (это ревизские сказки, метрики, формулярные списки). Так, например, в биографии Нугмана бине Ахмера отмечается, что сведения о его предках – Адаше и Акчуре были переписаны с документов, хранящихся в Саратовском Дворянском собрании [4, л.10]. Офи-

циальная часть биографии муфтия Салимгарея Тевкелева была написана на основе его формулярного списка.

Из документальных источников использовались также книжные колофоны и иджазы. Долгое время колофоны оставались вне внимания отечественных исследователей, в то время как этот художественно-документальный источник дает сведения об авторе или переписчике произведения, месте и дате его создания. Так как книги зачастую переписывались шакирдами, то можно установить, где именно и в чьем медресе они обучались. Такие сведения, например, приведены в биографии Мухаммеда бине Алтынчуры, где перечислены 9 переписанных им рукописей. Иджазы, несмотря на то, что являются официальным документом, предоставляющим право преподавания определенных наук и выдавались только учеными, уже имеющими право преподавать эти же науки, являются, с точки зрения Ризы Фахреддина, не всегда достоверными, поэтому требуют тщательной проверки. В первую очередь, ученый сомневался в достоверности санада (*санад* – перечень имен ученых, до того выдававших разрешения, восходящий или к автору книги, или к широко известному авторитету) и учености выдаваемого и получаемого человека [2, с.94]. Поэтому Риза Фахреддин в своих описаниях использовал иджазу только как дополнительный иллюстративный материал. В биографиях мурз сведения о получении иджазы зафиксированы только в биографии Нургали бине Хасана, где с его слов записано, что получил иджазы не только от казанских ученых, но и от бухарских [4, л.51].

Из повествовательных источников автором были использованы эпистолярные документы, в первую очередь, письма-воспоминания, написанные ему по его же просьбе одним из родственников описываемой личности. Такие письма Риза Фахреддин собирал на протяжении всего периода написания свода. Отмечая плохую культуру написания (плохой почерк, беспорядочность написания и др.) писем у татар, что сильно затрудняло вычленение необходимой информации, ученый в дальнейшем предпринял попытку структурировать будущие письма, заранее печатая в журнале «Шура» объявления со списком интересующих его вопросов о той или иной личности [2, с.98]. Такие вопросы задавались и конкретным людям, у которых он намеревался получить воспоминания. Риза Фахреддин очень серьезно подходил к использованию этого вида источника. По его словам, чтобы проверить любой незначительный факт из письма, он был вынужден обращаться и к другим источникам [3, л.19]. В том случае, если не было возможности проверить, то автор считал необходимым отметить, что данные были взяты из писем, авторство которых указывалось.

Большое значение Р.Фахреддин придавал частным письмам, считая их показателем мыслей, целей и устремлений того или иного человека [1, с.58]. Видимо поэтому в биографических описаниях личная и деловая переписка дана практически без изменений (некоторые давались в сокращении), как иллюстративный материал, предоставленный на суд читателей, которые сами должны вынести суждение об описываемой личности. В биографиях мурз такие письма представлены в статье, посвященной муфтию Салимгарею Тевкелеву, в которую вошла его переписка с министром внутренних дел.

Из исторических работ в своде «Асар» зафиксировано использование трудов Шигабутдина Марджани «Вафият аль-аслаф ва тахиат аль-ахлаф» и второй том «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар». Риза Фахреддин сам пишет, что при написании «Асар»а, он часто обращался именно к этим двум книгам, и, несмотря на то, что их автором являлся Марджани, считал необходимым проверять используемые данные [6, с.19, 219].

Изучив более детально источниковую основу свода, мы пришли к выводу, что Риза Фахреддин при составлении биографических очерков больше опирался на повествовательные источники, с одной стороны, это наиболее субъективный вид источников, но в тоже время мы можем говорить, что автор проверял их документальными источниками. И даже документальные источники перепроверялись, об этом свидетельствует тот факт, что нами были выявлены документальные материалы, собранные автором, на которых его рукой были сделаны надписи о проверке того или иного факта по другим источникам. Кроме того, во многих своих работах биографического характера, в том числе и в «Асар»е Р.Фахреддин неоднократно писал, что перо историка не должно ошибаться, он не должен ничего скрывать, преувеличивать и занижать, т.к. сокрытие тех или иных событий наносит больший вред, чем их обнаружение [3, л.5].

Таким образом, можно сказать, что свод «Асар» является одним из источников, который необходимо использовать при изучении родословных. С одной стороны, в него включено достаточно большое количество биографических описаний, с другой стороны, эти описания были написаны с использованием широкого круга источников. Использование автором исторических

методов исследования позволяет говорить о высокой степени достоверности данных, приведенных в биографиях.

Список использованных источников и литературы

1. Баишев Ф.Н. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдинова. – Уфа: Китап, 1996. – 170 с.
2. Байбулатова Л.Ф. «Асар» Ризы Фахреддина. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2006. – 174 с.
3. НА УНЦ РАН. Ф.7. Оп.1. Д.13 (старый акт).
4. НА УНЦ РАН. Ф.7. Оп.1. Д.14 (старый акт).
5. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1972. – 224 с.
6. Фәхрәддин Р. Асар. 1 том. – Казан: Рухият, 2006. – 360 б.
7. Фәхрәддин Р. Асар. 2 том. – Казан: Рухият, 2009. – 304 б.
8. Фәхрәтдинов Р. Асар. Беренче китап. – Уфа: Гилем, 2006. – 177 б. (на башк. яз.).
9. Фәхрәтдинов Р. Асар. Икенче китап. – Уфа: ТТЭИ, 2009. – 224 б. (на башк. яз.).

Г.Р. Еникеев

Хранители наследия Татарской Орды

«Жир китәрдә ни калыр?
Жиреннән тайган ил калыр;
Ил китәрдә ни калыр?
Ил киткәндә Йорт калыр,
Йорт китәрдә сөт калыр,
Ак күкрәктән сөт имгән
Сүзе татлы тел калыр.
Тел китәрдә ни калыр?
Язганнан язган хат калыр;
Баш китәрдә ни калыр?
Буында типкән кан калыр;
Буыннан буын чабылса,
Ул чагында ни калыр?
Йорт урнында яу калыр;
...Ялгыз башы каңгырап,
Куйдай булып маңгырап,
Дуадактай хан калыр...».

«Уйдет земля – что останется?
Останется страна без (этой) земли;
Уйдет страна что останется?
Уйдет страна – останется Дом,
Уйдет Дом – останется сладкозвучный язык,
молоком материнским вскормленный.
Уйдет язык – останутся наши письма.
Да и слетит голова – останется что?
Останется наша кровь,
пульсирующая в поколениях;
Но если прервется связь поколений –
Вот тогда останутся лишь брань
и вражда вместо Дома,
да одинокий хан,
подобный горестно бродящим
в пустынной степи,
барану или бесплодной гусыне...».

*«Идегэй» дастаны – Жантимер бинең Токтамыш ханга әйткән сүзләре
(Татарский дастан «Идегэй» – слова Джантимура бия хану Туктамышу).*

Историю татарского дворянства России – впрочем, как и историю татарского народа в целом – вряд ли возможно более или менее достоверно и полно освещать в рамках положений-догм официальной историографии, доставшейся нам от эпохи «романо-германского ига» (Н.С.Трубецкой) и режима партийно-советского тоталитаризма. В принципе, увы, эти догмы не претерпели особых прогрессивных изменений и поныне. Поскольку и романовскому правительству, и советско-большевистской власти было необходимо – в силу проводимой ими государственной политики и соответствующей той политике идеологии – «изведение татар» в истории, настоящем и будущем, исключив из истории Отечества и в целом из истории Евразии ту или иную положительную и значительную роль как татарского народа в целом, так и в особенности его элиты («знати»).

Испокон веков и неизменно сословие биев (мурз) было наиболее просвещенной, сплоченной и активной частью татарского народа, бывшей издревле его основой и неизменно хранившей свою подлинную историю и Заветы предков (Бабаларымыз Сүзе). Поэтому татарские мурзы (бийи) и их потомки, сколько себя помнят, подчеркивали преемственность поколений. У них, как и было принято издревле у татар, «через отцов, дедов, прадедов и предков ведется непрерывная цепочка, все звенья которой принадлежат «князьям, мурзам и рядовым татарам – казакам» (Д.М.Исхаков), к «войсковым людям – карачы» (Эвлия Челеби) или же, как часто называли они и их потомки себя, к «туменам» («төмәннәр»), «туменским бийям» (Ахметзаки Валиди Туган).

Таким образом, татарские знатные роды и поныне составляют своеобразный «субэтнос» в татарском народе. Но особенность их не в том вовсе, что их предки, как трактуется это в официальной историографии (см. выше), якобы были «слоем феодалов, служивших в разбойничьих татарских государствах татарским («халха-монгольским») ханам-завоевателям». И не в том особенно сословия татарских мурз (бийев), что, дескать, после «разрушения самими же татарами построенной им халха-монголами государства», эта татарская знать, мол, большей частью «перешла на службу к Московским (русским) князьям-деспотам», и якобы продолжала «жестокую эксплуатировать как своих тружеников, так особенно «простых русских людей». Да и после, дескать, эти татарские мурзы (бийи) и уланы «завоевали вместе с русскими народы Евразии» и вообще, мол, «держали в ужасе культурные народы» в пределах своей досягаемости.

Приведенные постулаты официальной историографии, взятые мной в кавычки – это тезисы-лозунги антитатарской и антиордынской агитации, вырабатывавшейся и совершенствовавшейся веками. Идеологическая война против Татарской Орды велась со времен ее возникновения и особенно упрочения ее власти на определенных территориях Евразии – например, это измышления агитатора хорезмшахов Ибн аль-Асира, антитатарские вымыслы перса Рашид ад-Дина, служившего высшим сановником в государстве татар Хулагу, но, тем не менее, «боровшегося пером» против монголо-татар», его соавторов-сообщников – врагов татар-ордынцев из числа китайской знати, и западных «хронистов» типа Матфея Парижского. Агитпродукция подобных публицистов-сочинителей разных времен и разных народов – представителей врагов татар-ордынцев – и легла в основу идеологии историографии Романовых, которая, в свою очередь, была усовершенствована и развита большевистскими историками-идеологами.

Вначале заметим, что у средневековых татар принадлежность к сословию биев (мурз), прежде всего, означала не только обладание ими правом по рождению на занятие того или иного «руководящего поста», а в первую очередь предполагала наличие обязанностей перед обществом по соблюдению определенных принципов и нравственных требований. И соответственно, это предполагало наличие у представителей бийского рода обязанностей по обладанию соответствующими качествами. И только соответствуя определенным требованиям, тот или иной индивидуум мог быть выдвинут или назначен на определенный пост, или ему могло быть поручено обществом то или иное дело. Поэтому происхождение от того или иного благородного рода – то есть рода, поколения представителей которых зарекомендовали себя как честных, добродетельных, справедливых и надежных в любом деле – и было своеобразной рекомендацией от предков, представителей нескольких поколений. Возможность наделить такой рекомендацией своего представителя – также было основным достоянием того или иного рода (клана) в татарском обществе, например, не материальное богатство или власть – и то и другое, по представлению татар, было слишком ненадежным в этом суетном мире. «Согласно обычаям татар» (С.Герберштейн), как известно, любой хан мог быть переизбран («изгнан»), и татарский хан, как и любой ордынский чиновник, «мог требовать лишь исполнения закона (Язу), но не нарушения его» (Г.В.Вернадский, Л.Н.Гумилев).

Кстати, отсюда и понятие «золотой род» Чынгыз-хана – а вовсе не едино «по признаку рождения от первой жены, настоящей императрицы». Таким образом, у татар представитель благородного рода, относящегося к «белой кости» (аксөяк), наследовал не должность или богатство отца – вернее, вовсе не в том было его основное наследство. Главное было в наследовании благородного имени и соответствующих качеств, обретенных представителем того или иного рода «белой кости» в роду и в семье («Доме»), в обретении «путевки в жизнь», которой обеспечивал человека его род. Обладание подобной «путевкой» отнюдь не всегда было гарантией незамедлительного занятия высокого поста либо «устройства» на «прибыльное место» – представитель благородного рода мог находиться и на довольно низком уровне власти или «благополучия» в обществе. Представитель бийского рода мог быть даже простым воином, ремесленником, пастухом или купцом – особенно в юности; притом, был обязан и при этом «стремиться к совершенству ума и дел своих» – любых дел, за которые брался. Но, тем не менее – би никогда не должен был забывать, кто он таков и должен был исполнять свои обязательства по воспитанию своего потомства в соответствии с требованиями, предъявляемыми к представителям рода «благородных» (намуслы зат). Только в этом случае представитель рода – если он не забудет о клане и обществе, и будет постоянно работать над собой и воспитывать своих детей соответствующим образом – мог рассчитывать, что и клан, и соответственно, общество его не забудут и окажут ему и его потомству всемерную и всестороннюю поддержку.

Указанное своеобразие формирования правящего сословия у средневековых татар, видимо, было обусловлено тем, что татары в ходе своего развития как этноса (народа) проживали уже в VIII–XII вв. на обширном пространстве от Северного Китая до Черного моря. Расселение это, достаточно четко отраженное в различных источниках разных времен и народов, шло преимущественно вдоль северного маршрута Великого шелкового пути и ее ответвлений, при том татары стремились контролировать эти маршруты в той или иной мере – в противостоянии с конкурентами. Основными конкурентами татар в указанное время были Хазарский каганат, Хорезмское шахство, Тангут и Киданьская (позже – Цзиньская) империя. Имеются об этом вполне достоверные и достойные доверия сведения из мировой историографии, которые, в силу противоречия их постулатам официальной истории «без татар», мягко выражаясь, не слишком популярны в среде большинства деятелей официальной, «академической» исторической науки. Приводить оные сведения в объеме одной статьи, само собой, не представляется возможным (многие из этих сведений мной проанализированы и системно изложены в моих трех книгах по истории татар). Но кое-какие сведения, по теме указанной статьи, ниже будут приведены.

Два социальных термина, упомянутые выше – «би» (в разных транскрипциях-толкованиях также и «бий, бей, бек») и «мурза» («морза, мирза, мырза»), имеют давнюю историю и разную этимологию. Сословный термин «би», как представляется, был известен в среде татар еще «до Чынгыз-хана» (об этом чуть ниже). Социальный термин «мурза», как известно, происходит из выражения «эмир заты», что означает «из породы правящих» (С.Х.Еникеев). Это наименование («мурза») основательно «потеснило» в обиходе в Золотой Орде и в государстве татар Хулагу (Персия) наименование «би», и стало, в принципе, синонимом этого слова.

В силу того, что татарские бии (мурзы) были правящим слоем Великой Орды и, по сути, ее создателями, их потомки, помимо конкретного места происхождения своих предков (в смысле географическом), также помнят, что они происходят «из Золотой Орды». Или что их предки – «из Акубы» (татарское выражение, одно из его значений – «из верноподданных Белой державы»).

Упоминание термина «би», в соответствующем смысле, относящееся к периоду «до эпохи Чынгыз-хана», содержится в татарском историческом источнике – дастане «О роде Чынгыз-хана». Указанный дастан был долго под запретом к изучению обществом, наряду с другими историческими источниками и в целом подлинной историей татар – во исполнение известного Постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. Также во исполнение указанного Постановления, татарам России в «предки» были назначены «древние болгары Поволжья». При том столицей «болгар», которыми заменили подлинных предков татар, был объявлен древний татарский город Биляр (множественная форма от слова «би») – «город Бийев».

Обратим внимание на упомянутый татарский исторический источник, дастан «О роде Чынгыз-хана», содержание которого в целом согласуется со сведениями многих других источников разных народов и разных времен и, посему следует полагать, довольно точно передает характер событий, в ходе которых родилась Держава Чынгыз-хана, известная как Монголо-татарская империя. Заметим, что сама эта Держава и составлявшие ее государства, возглавляемые потомками Чынгыз-хана и их соратниками, были известны ее современникам как «державы татар» – именно так они назывались в источниках разных времен и различных народов, например, в арабских, западноевропейских, китайских, русских.

Татарское предание «О роде Чынгыз-хана» активно распространялось в Поволжье и на Урале и в XVII в. – в ходе нарастающего народного сопротивления режиму романовского правительства. Ныне в мире известны многие экземпляры этого дастана, написанные в XVII–XVIII вв. Хотя, судя по содержанию, дастан был известен в татарском мире со средневековья и содержит сведения намного более ранних татарских источников (М.А.Усманов). Характерно, что в дастане «О роде Чынгыз-хана» нет признаков религиозного догматизма, присущего Исламу XVIII–XIX вв., нет признаков религиозной неприязни к представителям иных религий, хотя Чынгыз-хан и его соплеменники воспринимаются в дастане именно как мусульмане (А.Франк). Да и сами татары-мусульмане еще и в XVII веке говорили о Чынгыз-хане, упоминая его именно как своего предка: «мы считаем его мусульманином» (Эвлия Челеби).

В целом татарский дастан «О роде Чынгыз-хана» представляет собой манифест Великой Орды, рассчитанный на восприятие его средневековым читателем и слушателем, и составлен как народный эпос о своем Герое и его делах. Особо отметим, что в дастане Чынгыз-хан предстает вовсе не как деспот и тиран, прокладывающий путь к вершине власти путем террора и насилия, жестоких расправ над своими конкурентами. Как известно, описание Чынгыз-хана как «прирож-

денного кровавого завоевателя» присуще прокитайским и афразийским («мусульманским») источникам – сочинениям пропагандистов противников татар-ордынцев.

Татарским автором Чынгыз-хан описывается как справедливый, добродетельный, гуманный правитель, как заступник народа, поначалу скрывающийся от тиранов «в казаках» и призванный (избранный) представителями своего народа – бийями – на царство. Автор дастана сообщает, что Чынгыз-хан с юности обладал прирожденными качествами незаурядного лидера: «кто видел Чынгыза хоть раз, тот готов был следовать за ним, покоренный его светлым и человечным обликом». В дастане мать Чынгыз-хана говорит: «мой сын Чынгыз выглядит так – у него стать ангела Джабраила (Гавриила), золотистая окладистая борода, и он не имеет греховной привычки [как многие] стегать коня».

В целом содержание татарского дастана о происхождении Чынгыз-хана, о его избрании бийями на власть, о его последующем правлении совпадает со сведениями итальянца Марко Поло, прожившего и сотрудничавшего 17 лет с татарами – именно с правителями Монголо-татарской Державы: «Случилось так, что в 1187 г. татары выбрали себе царя, звался он по-ихнему Чынгыз-хан, и татары, рассеянные по всему свету, пришли к нему и признали его своим государем...».

Что характерно: в татарском дастане сообщается, что Чынгыз-хан, после избрания его ханом «сыновьями народа» – бийями – отвоевывает власть вместе с ними в войне с тиранами, но жестоких расправ над побежденными не допускает. Также автор татарского дастана не приписывает Чынгыз-хану и его соратникам никаких жестоких расправ после «покорений многих других Орд» – государств. Напротив, сочинениями о «жестокостях татар-завоевателей», как известно, отличались именно пропагандисты противников татар. Также и Марко Поло отмечал, что с подданными покоренных государств Чынгыз-хан и его соратники обращались вовсе не так, как это описывали сочинители черной легенды о «безжалостных и коварных монголо-татарах»: «Народу зла не делали, а народ видит, что царь добрый, и правление хорошее, и шел за ними охотно» – пишет Марко Поло о Чынгыз-хане и его соплеменниках-татарах.

Интерес представляют и те сведения древнего татарского дастана, в которых говорится о том, что Чынгыз-хан и после того, как стал великим правителем, «имел добрый нрав и отличался исключительной справедливостью». Также в дастане сообщается, что Чынгыз-хан «покорил со своим войском множество царей и государств, его имя стало широко известным в мире. Каждому бийю (князю) своему он оказывал заботу, почет и уважение. Сына своего Йучи он поставил править Термезской Ордой, сына Жодая – Индостанской Ордой, сына Герея – Ордой в Корале (в Крыму). Четвертому сыну Тули Чынгыз-хан поручил правление Московской Ордой, поскольку народ там отличался добрым нравом, дела там неизменно были в ладу, и был это великий Юрт (страна). Правители – ханы (цари) в тех городах и поныне родом из них, от рода Чынгыз-хана» сообщает автор дастана. Также отмечается, что «Чынгыз-хан оставил в мире Слово свое» – то есть свои Заветы. Местом рождения и главным юртом (страной) Чынгыз-хана татарский дастан называет страну Катай.

Отметим, что средневековый Катай («Катая» Марко Поло, где, как он сообщал, помимо татар проживало также много мусульман, христиан и буддистов из числа других народов) – это северо-западные пограничные районы современной КНР и частью Алтай, где, как известно по многим восточным источникам, были татарские государства еще задолго «до эпохи Чынгыз-хана» (там находилась и «Татарская степь», а Восточный Туркестан авторы IX–X вв. называли «страной тугызугызов и татар»). Известно, что было также татарское государство задолго «до эпохи Чынгыз хана», территории которого располагались «от Оби до Волги и от Сырдарьи до Сибирской тайги» (Л.Н.Гумилев). Это был Кимакский каганат, созданный и управляемый татарами, татары были также значительной частью подданных этого государства. Имеется также множество малоизвестных сведений о том, что татары задолго до «монголо-татарского нашествия» проживали и там, где жили «куманы» – половцы, то есть, в Дешт-и Кыпчаке. Так что сведения Марко Поло и татарского дастана о том, что после того, как татарские бийи «избрали Чынгыз-хана своим царем», многие «татары, рассеянные по всему свету, прибыли к нему и признали его своим государем», подтверждаются и иными источниками.

Автор татарского дастана также сообщает, что после прихода к власти Чынгыз-хан обращается к своим соратникам, избравшим его: «бийи мои уважаемые, я ваш – вы мои!», подчеркивая свое равное с ними положение, не «возвышаясь» особо над ними. И по контексту дастана в целом Чынгыз-хан воспринимается именно как, в современном выражении, «демократичный» правитель – никто не «падает ниц» перед ним, безмерное уважение к Чынгыз-хану со стороны народа и

соратников связано именно с качествами его личности – справедливостью, умом, способностями и личным обаянием.

Обратим внимание еще на один источник, вернее, группу источников, переведенных и проанализированных русским академиком-востоковедом В.П.Васильевым. Данные В.П.Васильева полностью согласуются со многими сведениями о средневековых татарах из других источников, в том числе с данными, полученными после кончины академика, в XX в.

Отметим особо, что В.П.Васильевым были обнаружены и переведены многие исторические источники, до которых после свержения в Китае власти монголо-татар в конце XIV в. не добрались китайские историки Минской династии, сочинившие новую «историю монголов» («История династии Юань» и «Сокровенное сказание монголов»). Сочинена была китайская «официальная история монголов» на китайском языке и в течение одного года. Притом китайцы постарались уничтожить все обнаруженные ими «книги на татарском языке и бумаги с татарскими письменами» (Чулууны Далай, В.В.Бартольд). Именно поэтому, как отмечал академик В.П.Васильев, многие исторические источники, содержащие сведения о татарах Чынгыз-хана, совершенно отличающиеся от версии официальной «истории о монголах», не были занесены в официальные каталоги.

Выводы академика В.П.Васильева, владевшего китайским, маньчжурским и халха-монгольским языками, сделанные после перевода и анализа многих исторических источников, вкратце следующие: народ, в котором родился Чынгыз-хан, и единоплеменные с ним поколения, носили одно название и самоназвание, и «не иное, как Татар». То есть этническое наименование «Татар» относилось к одному этносу, а не было «общим наименованием разных племен (этносов)», и китайцам был известен только восточный край территорий, на которых проживали татары в VIII–XII вв.

На основе полученных им результатов В.П.Васильев также отмечает, что Чынгыз-хан и его соплеменники «не говорили на языке, который мы называем ныне «монгольским». При том наименование «Монголы» не было этническим наименованием ни татар Чынгыз-хана, ни предков халха-монголов, – «хотя язык монгольский существовал с давнего времени, но не назывался этим именем» в рассматриваемое время – поясняет В.П.Васильев. Наименование «Монгол» было дано государству, Державе татар, Чынгыз-ханом и его соратниками, и применялось как в качестве названия государства, «как чисто ученое и официальное», так и в отношении подданных государства как политоним, например, как название «советские» применялось в отношении граждан Советского Союза. В.П.Васильев поясняет, что в письмах к китайцам правители татар, для обозначения названия своего государства, использовали китайские иероглифы, означающие «получить древнее», или «сохранить древнее». Озвучивалось эти иероглифы (составленное ими слово) как «Мэнгу» или «Монгол», и это название не означало какой-либо народ, а означало название государства. Иероглифы наименования «Монгол» «имели значение «получить, сохранить древнее» – пишет В.П.Васильев. Заметим, что слово «Мэнгу» (Мэнге) означало на древнетюркском, и поныне на татарском означает «вечное» (ср. со значением «получить и сохранить древнее»). Прилагательное же от слова Мэнге («Вечный», «Вечная»), соответствующее природе татарского языка, будет, в данном случае, Мэнгел («Вечный, Вечная»).

Уместно будет привести пример использования татарскими ханами термина «монгол» – именно как политонима – также еще и в XVI в.: в 1520 г. наследник и продолжатель дела татарского хана Менгли Гирея, стремившегося восстановить единство Улуса Джучи, хан Мухаммад Гирей «свой шертный ярлык, данный польскому королю, оформил следующей интигуляцией: «Великой Орды великого хана, Дашт-и Кыпчака и всех **МОНГОЛОВ** падишаха мое, Мухаммад-Гирай хана слово» (М.А.Усманов) (выделено мной – Г.Е.).

По сведениям В.П.Васильева также можно узнать, кем по социальному положению был сам Чынгыз-хан, избранный царем татарскими бийями. Обратим внимание на перевод «Записок о монголо-татарах» китайца Мэн-хуна¹, составленных им в 1219 г.:

«Я сам, при свидании с их регентом, императорским наместником, великим князем Мухури, слышал, как он называл себя всякий раз татарским человеком; и все их вельможи и главнокомандующие», как пишет Мэн-хун, назывались «би», при том он отмечает, что татары (родной

¹ Мэн-хун находился у средневековых татар в качестве представителя императорской ставки Южного Китая и участвовал в разработке межгосударственных соглашений Сунской династии (Южный Китай) с молодой Державой Чынгыз-хана, направленных против империи Цзинь (Северо-восточная часть Китая). То есть, сведения Мэн-хуна – это сведения военного дипломата и разведчика. И главное – сведения Мэн-хуна дошли до нас в первоизданном виде, уцелев при основательной чистке и правке китайской историографии историками китайской династии Мин.

народ Чынгыз-хана), «вовсе не знали, откуда взялось название Монголов». Заметим, что Мухури (Мөһери) – это ближайший соратник и соплеменник Чынгыз-хана, как и сообщает Мэн-хун там же.

В.П. Васильев сохранил слово «би», в тексте перевода записок Мэн-хуна, в оригинале, оставив нам ценнейший факт – есть подобное слово (би, бий) в татарском языке – историческое слово, хорошо известное в татарских исторических источниках и литературном языке. Переводится как «достойный, знатный и благородный человек», примерно равное по значению словам «князь» либо «рыцарь».

Уместно будет отметить, что самого старшего сына Чынгыз-хана тоже звали **Би**, как и передает это имя Мэн-хун в другом месте своих «Записок о монголо-татарах». Заметим, что этому первенцу, рожденному «настоящей императрицей» – первой женой Чынгыз-хана – тоже не нашлось места в официальной «истории о монголах», факт его существования был сокрыт, также как были сокрыты и многое другие факты из истории татар, «неудобные» антиордынским и анти-татарским сочинителям «истории о монголах».

Заметим также, что сведения о татарах, соплеменниках и соратниках Чынгыз-хана, полученные В.П.Васильевым, согласуются с выводами академика-востоковеда В.В.Бартольда о том, что у татар Чынгыз-хана обычаи, образ жизни, мировоззренческие традиции, духовная и материальная культура были подобны тем, какие были у уйгуров-тюрок Восточного Туркестана. То есть, примерно такими, какие были и у жителей «страны тугызугызов и татар», «народа садоводов, купцов и ремесленников» (Л.Н.Гумилев).

Мэн-хун сообщает также о том, что Чынгыз-хан был по происхождению не ханом (царем), а «всего лишь» сыном татарского старшины, «простого десятского и офицера Есукэя». При том транскрипция В.П.Васильева, даже в переводе с китайского – «Есукэй» – ближе к имени реального отца Чынгыз-хана, сохранившегося даже в народных преданиях татар – Юзекэй, кстати, и ныне есть татарская фамилия – Юзекеев (Юзикеев). И еще ранее, более чем за полвека до В.П.Васильева, и Н.М.Карамзин писал это имя так – «Езукай». «Общепризнанная» («научная») транскрипция имени отца Чынгыз-хана, как известно – «Есугей».

Как видим, Чынгыз-хан был по происхождению таким же татарским бием, как и избравшие его «сыновья народа», а не «потомственным ханом, пришедшим к вершине власти путем жестоких расправ над своими конкурентами и объединившим народ путем беспощадного террора», каким его изображают противники Великой Орды.

Поразительно, но и этот факт из записок Мэн-хуна, переведенных В.П. Васильевым, находит отражение в татарских дастанах. Например, в дастане «Карачы» говорится:

«Ты задашь вопрос – ответим:

От Чынгыз-би хана мы приходим».

Как видим, татарские бийи признавали и уважали Чынгыз-хана именно как своего лидера, избранного ими из собственной среды, как своего соратника, а вовсе не как «потомственного хана, имевшего право на трон по факту рождения».

Недавно стало доступным общественности малоизвестное до недавнего времени, наиболее раннее и соответственно наименее искаженное издание труда Абуль Гази Багадур хана «Родословная история о татарах». Этот труд хана-историка был составлен автором на татарском языке во второй половине XVII века, с использованием также и древних татарских исторических источников (я о нем писал в своей книге «По следам черной легенды»). Правда, этот труд ханачингсида широко известен ныне как «Родословное древо тюрок» – поскольку в ходе многочисленных переводов – «редактирований» в соответствующем антиатарском и антиордынском направлении было искажено не только, как видим, название, но и содержание этого бесценного памятника истории татар. Но все же в указанном издании наглядно видно, что в этом труде (во вступлении) Абуль Гази Багадур хан прямо указывает: «Эту книгу я назвал историей родословной о татарах; о породах татарских до Мунгл-хана, от Мунгл-хана до Чынгыз-хана», а также, как пишет хан-историк, о породах татарских и после Чынгыз-хана: о его сыновьях Угедей-хане, Чагатай-хане, Таулай-хане и Джучи-хане, их потомках и «породах».

Как видим, начиная писать собственную родословную историю, хорезмский хан Абуль Гази Багадур конкретно определяет название и самоназвание своего народа, этноса, которому принадлежит его клан Чингисидов: «Татары».

По свидетельству английского посла Джильса Флетчера, посещавшего Москву в 1588–1591 годах, еще и «в период правления Ивана Грозного», и вплоть до Смутного времени в среде татарских царевичей, муз (бийев) бытовало мнение, что «вся страна от их границ на север и запад, до города Москвы включительно, принадлежит им». Татары в то время, что известно не только по сведениям

упомянутого посла-разведчика, проживали от границ Польши до Волги, Каспия и далее на восток – то есть, практически по всей территории современной Украины, России и не только. Но романовы-западники, придя к власти в стране, доставшейся им от Ордынской династии, «зело тихим образом», но весьма усердно и последовательно «делали политику над татарами по умалению сих магометан во всем государстве». Это писал один высокопоставленный романовский чиновник в 1735 г. Идеологической основой этой политики и была сочиненная при помощи западноевропейских иностранных специалистов историография России. При том, как выясняется, труды русских ученых, таких как М.В.Ломоносов и даже романовский чиновник В.Н.Татищев, оказались «непригодными» для романовской версии истории России и были полностью отредактированы в соответствии с постулатами «черной легенды» о «завоевателях татарах и их рабах – русских князьях». А сведения по истории татар, полученные такими учеными, как упомянутый выше академик В.П.Васильев, попросту оказались фактически сокрытыми чиновниками, осуществлявшими руководство официальной романовской исторической наукой-идеологией, и их подручными.

Но, тем не менее, дошло до нас многое: например, по сведениям польского путешественника, лингвиста и этнографа Яна Потоцкого известно, что татары во множестве проживали от Москвы до Средней Азии включительно еще и в конце XVIII века. И главное, что отмечает Ян Потоцкий: несмотря на разнообразие во внешности, татары Европы и Азии «говорят одним и тем же наречием» – то есть, на одном языке – «и все они почитают себя настоящими татарами Чингиз-хана».

И поныне многих и многих потомков элиты и основы народа средневековых татар – бийев (мурз), в силу определенных исторических условий частью «рассеянных по разным народам», объединяет малоизученное донныне свойство – «чингизизм» («чыңгызлык»). Притом это не только «почитание Чингиз-хана и его потомков, и акцентирование роли Джучиева Улуса, или Золотой Орды в своем происхождении, в своей этнической идентификации значительной частью тюркомусульман Центральной Евразии», и в особенности Волго-Уральского региона (Габдрафиков И.М., Кучумов И.В.). Чингизизм – это также передающаяся испокон веков из поколения в поколение, общая для представителей знатных родов многих тюркских народов своеобразная идеология, кодекс чести, система моральных ценностей, свод добродетелей, таких как Единобожие; «стремление к совершенству в делах и помыслах своих»; благоразумие, храбрость, умеренность во всем, справедливость, этническая и религиозная терпимость.

Список использованных источников и литературы

1. Абулгачи-Баядур-хан. Родословная история о татарах. – Т.1. – СПб.: Изд-во Императорской Академии наук, 1768.
2. Арсланова А.А. Остались книги от времен былых... (Персидские исторические сочинения монгольского периода по истории народов Поволжья). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2002.
3. Валиди Туган А. История башкир. История тюрков и татар. Научное издание. На башкирском языке. – Уфа: Изд-во «Китап», 1994.
4. Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о Киданях, Джуржитах и Монголо-Татарах // Записки Императорского Археологического общества. – Т. XIII. – СПб., 1859.
5. Вернадский Г.В. О составе Великой Ясы Чингисхана. – Брюссель, 1939.
6. Бартольд В.В. Образование империи Чингисхана // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. – Т. 10, 1896.
7. Бартольд В.В. Сочинения. – Т. V. – М.: «Наука», 1968.
8. Габдрафиков И.М., Кучумов И.В. Обретая себя. Проблемы идентичности тюркского населения Урало-Поволжья на страницах зарубежных исследований. – Казань: «Мастер Лайн», 2006.
9. Гатауллина З.Ф., Искужин Т.С., Ишкулов Ф.А. История государства и права Башкортостана (в нормативных актах, документах и материалах официального делопроизводства). – Уфа: Китап, 1996.
10. Герберштейн С. Записки о Московии. – М.: Изд-во МГУ, 1988.
11. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. – СПб.: «Абрис», 1994.
12. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
13. Дафтаре Чыңгыз-намэ. На татарском языке. – Казань: «Иман», 2000.
14. Еникеев С.Х. Очерк истории татарского дворянства. – Уфа: «Гилем», 1999.
15. Идегэй. Татарский народный эпос. На татарском языке. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1988.
16. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в этногенез и этническую историю татарского народа. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2007.
17. Исхаков Д.М. «Дом Чингиз-хана» (Алтын Урук): клановая принадлежность и ее атрибуты // Этнологические исследования в Татарстане. Материалы итоговой конференции Института истории АН РТ, посвященной 10-летию Института. – Вып. I. – Казань: ИИ АН РТ, 2007. – С.18–27.

18. Карамзин Н.М. История государства Российского. – Т. I–III. – М., 1998.
19. Кляшторный С.Г. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб., 2000.
20. Мамлеев М.Ш., Мамлеев Р.Ф. Каргалинские корни. – Уфа: «Белая река», 2003.
21. Петров А.М. Великий шелковый путь: о самом простом, но мало известном. – М.: «Восточная Литература», 1995.
22. Поло Марко. Книга о разнообразии мира. Перевод И.М. Минаева. – М., 1955.
23. Потоцкий Ян. Путешествие Яна Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 году // Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII вв. – Сталинград: Краевое книгоиздательство, 1936.
24. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Перевод Л.А. Хетагурова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
25. Татарский эпос. Дастаны. На татарском языке. – Казань: Изд-во «Раннур», 2004.
26. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. – Казань: Изд-во КГУ, 1979.
27. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань: Изд-во КГУ, 1972.
28. Флетчер Дж. О государстве Русском. – СПб., 1905.
29. Чулууны Далай. Монголия в XIII–XIV веках. – М.: «Наука», 1983.
30. Эвлия Челеби. Книга путешествия. – М.: «Наука», 1961.

Г.Б. Азаматова

**Деятельность представителей татарского дворянства
Уфимской губернии в земских учреждениях
и просвещении мусульманского населения
(вторая половина XIX – начало XX вв.)**

Известно, что представители небогатого татарского дворянства – «лапотные мурзы» по своему положению сливались с остальной массой сельского населения. Такую уравнищность нельзя рассматривать однозначно. Хотя большинство татарских дворян и не обладали высоким экономическим статусом, их положение отличалось по таким параметрам как уровень образования, представленностью в государственных и общественных учреждениях, сфере образования и т.д. Они составляли тонкую социальную прослойку с собственной субкультурой, которая была ориентирована с одной стороны на сохранение национальных и религиозных традиций, а с другой на открытость светской культуре и контакты с российскими институтами и учреждениями.

Одной из сфер, где проявились черты открытости и неразрывной связи татарского дворянства с общегосударственной жизнью, была сфера земского самоуправления. Несмотря на малую долю мусульманского населения в земских собраниях и среди земских служащих, в истории Уфимского земства можно найти сведения, дополняющие исторический портрет татарских дворянских фамилий.

Основной точкой соприкосновения, через которую осуществлялось сотрудничество с местным самоуправлением, явилась сфера образования. Земства открывали русско-инородческие училища, которые не пользовались популярностью по причине их русификаторской направленности. Но знание русского языка становилось настоятельной необходимостью, поэтому некоторые просвещенные лица понимали, что обучение в них дает определенные преимущества. В сентябре 1891 г. 22 жителя дер. Старо-Яушевой, дворяне Дашкины, ходатайствовали об открытии русско-башкирского училища при мектебе и просили назначить учителем русского языка дворянина Салимгарея Асфандияровича Яушева, окончившего Оренбургскую татарскую учительскую школу. Это ходатайство поддержал местный инспектор, который писал директору народных училищ Уфимской губернии: «ввиду постоянно замечаемой между дворянами из башкир стремления к обучению своих детей, даже девочек русской грамоте, я признавал бы означенное ходатайство заслуживающим уважения». Однако директор счел ненужным открывать школу, ссылаясь, что таковые были и в соседних селениях [1, л.68]. В том же году от имени 55 домохозяев г.Белебея в уездную земскую управу обратился губернский секретарь Зиганша Мухаметгареевич Терегулов. В прошении указывалось, что в существующих русских училищах г.Белебея детям мусульман национальный язык преподавался только два раза в неделю (имелись в виду уроки мусульманского вероучения). Поэтому они желали бы открыть при медресе русский класс, где дети бедных родителей могли бы

«изучать родной национальный язык и вместе русский». Земское собрание, рассмотрев ходатайство, вынесло постановление о выделении ежегодного пособия в 120 руб. для русского класса. В ответе директора народных училищ указывалось, что приговор жителей необходимо заменить на другой, «с исключением из него совершенно лишнего требования, чтобы детей их учили в то же время природному их языку, так как это не составляет предмета забот со стороны учебного начальства» [1, л.47]. Русский класс при медресе г. Белебея приобрел широкую популярность среди местного населения. Согласно списку начальных училищ Белебеевского уезда за 1914 г. учителями в нем были Мамлеев, окончивший городское училище, и Баишев, окончивший прогимназию. При учебном заведении был открыт также вечерний класс, где муллы готовились к сдаче экзамена по русскому языку. За 18 лет деятельности (1896–1914 гг.) он подготовил 299 кандидатов на звание мулл, успешно сдавших экзамены. При русском классе работала и женская школа с пособием от Белебеевского земства. Учительницей русского языка была Майкамал Терегулова (с 1 января 1918 г. переведена в Верхне-Бишиндинское училище), родной язык и вероучение преподавала Хадича Терегулова. В 1918 г. здесь также работали преподавательницы Г.Еникеева, Ш.Сакаева, Кудашева. В ноябре 1917 г. заведующий Белебеевским русским классом Х.Сакаев писал в уездную земскую управу, что занятия женского и мужского училищ, где состояло 81 и 85 учеников соответственно, шли в четыре смены в одной классной комнате. Другая классная комната была занята «чесоточной командой» из 7 человек (т.е. больными военными). Заведующий просил о скорейшем переводе больных солдат в специальную квартиру, дезинфекции и ремонте класса. В другом его обращении содержалась просьба о проведении в здание электрического освещения, так как пяти- и семилинейные лампы-коптилки слабо освещали учебное помещение.

Востребованными учебными заведениями стали русско-мусульманские училища в д.Буздяк. Мужская школа открылась в 1870 г. В нем долгое время преподавали Гадельгарей Мухаматгареевич Кудашев и Миннигарей Хайруллоевич Мамлеев. Гадельгарей Кудашев был родом из д. Уйбулатово Каръявдинской волости Белебеевского уезда. В 1876 г. после окончания Оренбургской татарской учительской школы его назначили в д.Урметеву Куручевской волости, а через год перевели в русский класс при медресе в г.Оренбург. Дело по обучению продвигалось с большими трудностями из-за враждебного настроения местных мусульман, а со стороны учебной администрации сыпались незаслуженные нарекания в адрес учителя. Гадельгарей Кудашев обратился к инспектору иногородских школ Оренбургского учебного округа В.В. Катаринскому с просьбой перевести его на вакантное место учителя в д. Буздяк. Прежний учитель Ибрагим Нигматуллоевич Шахмаметьев болел чахоткой и поэтому не мог вести занятия с должной энергией и заинтересовать население. С приездом в 1885 г. Кудашева ситуация сразу изменилась. В первый же год работы учитель, благодаря постоянным беседам о пользе училища, привлек в него более 50 учащихся. Помимо урочных часов он проводил и вечерние занятия, где вел с детьми беседы на разные темы, читал рассказы на русском языке, переводил их на родной язык. Ученики были увлечены занятиями в школе, и родителям стоило больших трудов, чтобы привлечь их к работам по хозяйству. Своих выпускников Гадельгарей Мухаматгареевич старался направлять в городские училища, Казанскую татарскую учительскую школу и гимназии, более 30 из них стали учителями. Уфимская газета «Турмыш» в октябре 1916 г. извещала о предстоящем праздновании 40-летия педагогической деятельности Кудашева. Однако по причине военного времени, когда многие представители местной интеллигенции и выпускники Буздякского училища находились на фронте, мероприятие было отложено. В феврале 1918 г. на Белебеевском уездном земском собрании слушался доклад группы мусульманских гласных о плодотворной деятельности Г.М.Кудашева. Собрание вынесло решение об участии земской управы в чествовании юбиляра, в смету внесли 500 руб.

Женское русско-башкирское училище в д. Буздяк открылось 3 марта 1893 г. и стало первой в Уфимской губернии школой с содержанием от земства. В первый же год на учебу поступило 10 учениц, преподавательницей была дочь известного татарского просветителя Хусаина Фаизханова Амина, окончившая Елизаветинский женский институт. В июле 1896 г. на уездном земском собрании она же была избрана попечительницей школы. Во время голода 1898 г. Амина ханум развернула широкую благотворительную деятельность в соседней с Буздяком деревне Шланлыкуль, благодаря чему дети, старики и убогие получали питание, снабжались одеждой. При Шланлыкулевском русско-башкирском училище Амина Фаизханова организовала ткацкую мастерскую. Среди селений, где развитие земских школ было связано с деятельностью представителей татарского дворянства, можно отметить селение Новые Каргалы. Русско-татарское мужское училище Министерства народного просвещения было открыто в 1886 г. и получало пособие от земства. В 1903 г. в деревне начало действовать женская одноклассная (с 3-х летним курсом обучения)

русско-татарская школа. В 1914 г. учительницами были Гринева, окончившая епархиальное училище, и Еникеева, выпускница прогимназии. Школа располагалась в доме Исхака Еникеева.

Мужское училище также занимало наемное помещение: в 1914 г. земская управа выплачивала «квартирные» Сайфутдину Еникееву, Бикмухамету Терегулову, в 1915 г. – Усману Янгуразову. Учителями в 1914 г. значились – Сюндюков, Терегулов и Еникеев. Г.Н.Сюндюков в марте 1918 г. Белебеевской земской управой был приглашен на должность члена коллегии по народному образованию. Гиниатулла Нигматуллович Терегулов, выпускник Казанской татарской учительской школы, был преподавателем в 1912–1915 гг. В 1915 г. Г.Н.Терегулов поступил в Уфимский учительский институт. В это время ему предложили вести в уфимском медресе «Галия» уроки математики, алгебры и геометрии. Он вспоминал, что первую половину дня преподавал шакирдам медресе, а другую половину был студентом института [2, с.120–124]. После его окончания в 1918 г. Г.Н.Терегулов вернулся в д. Новые Каргалы, где стал учителем высшего начального училища и председателем школьного совета.

Высшее начальное училище (до 1912 г. оно называлось 4-классным городским) открылось в д. Новые Каргалы в 1911 г. Оно было единственным в Уфимской губернии подобным учебным заведением, предназначенным для мусульманского населения. Заведующий училищем М.Н.Мухамедов вел уроки арифметики, алгебры, физики, рисования, черчения, гимнастики, пения. В июле 1914 г. местный житель Камалетдин Терегулов сдал свой дом под квартиру М. Мухамедову сроком на один год. В 1917–1918 гг. в штатном расписании училища значились преподавателями: З.Ш.Еникеева, П.И.Злобина (с сентября 1917 г.), К.М. Яковлева (с 1918 г.), О.Ф.Королюк (с 1918 г.) Г.Д.Плохова, Е.В.Скобелев. В Новых Каргалах находилась районная библиотека губернского земства, которой заведовал Миннигайса Мухамедович Терегулов.

Во время строительства здания высшего училища было решено устроить на приусадебном участке пришкольное хозяйство и пасеку. М.Мухамедов и сельский комитет в лице комиссара И.Терегулова, членов Т.Сабитова, М.Терегулова, Ш.Мамлеева, М.Еникеева, С.Терегулова, Ф.Утяшева, секретаря Г.Еникеева приняли соответствующее постановление.

Белебеевскому уездному собранию 1918 г. был представлен доклад помощника агронома З.И.Горшкова «Об агрономических мероприятиях при Каргалинском высшем начальном училище», после этого в смету расходов уездного земства внесли 1264 руб. На том же собрании вынесли постановление об открытии одногодичных курсов при Ново-Каргалинском высшем училище для подготовки учителей мусульман, так как ощущалась острая нехватка кадров для русско-башкирских и русско-татарских школ Уфимской губернии.

Среди учителей-мусульман из дворян следует отметить Нурмухамета Мамлеева. После окончания Оренбургской татарской учительской школы он преподавал в Калмыковском русско-башкирском училище Бирского уезда, к 1880 г. имел уже 12 летний педагогический, за высокие трудовые достижения был награжден серебряной медалью «За усердие». В 1906–1907 гг. учителем Калмыковского училища состоял Ибатулла Еникеев. В Татышевском русско-башкирском училище того же уезда преподавал Абдулла Еникеев, в Старобекметевском – Шарияздан Максюттов. В д. Верхние Киги Златоустовского уезда в двухклассном мужском училище с 1901 г. работал Ибатулла Асадуллович Еникеев, в 1904 г. стал заведующим школой. В Верхне-Кигинской женской школе с 1904 г. занятия по рукоделию вела Гайнияма Салимгареевна Мамлеева. В русско-башкирском училище в д. Абдуллино того же уезда в 1906 г. детей обучал Галий Еникеев, в д. Ново-Муслюмово в 1911 г. – Давлетша Еникеев.

Имена учителей из татарских дворян наиболее часто встречаются в местностях их компактного проживания. Согласно списку земских училищ Белебеевского уезда за 1914 г. среди учителей значились следующие представители дворянских фамилий: Утяшева (Аксаковское училище), Хайретдин Нигматуллович Сакаев (Давлекановское 1-е), Кудашев (Тюпкильдинское, в 1918 г. избран на общественную должность в Белебеевском уездном земстве), Кудашев (Аитовское), Еникеев (Альшеевское), Мамлеев (Зильдяровское), Терегулов (Калмаш-Башевское), Еникеев (Нижне-Аврюзовское), Бибиямал Терегулова (Старо-Тураевское), Хайретдин Терегулов (Усман-Ташлинское), Еникеев (Юмадыбашевское), Еникеев (Арасланбековское), Мамлеев (Белебеево, русский класс при медресе), Кудашев (Бишкуразовское), Кудашев Гадильгарей, Мамлеев, Кудашев (Буздякское), Сюндюков, Терегулов, Еникеев (Ново-Каргалинское), Еникеев (Старотураевское), Еникеев Хисматулла (Тузлукушевское), Сакаев (Шланлыкулевское) [3, с.28–130].

Для снабжения начальных школ учебниками земские управы нанимали отдельных возчиков. Дворянин деревни Буздяк, проживающий в г.Белебее Сагисайран Мамлеев был нанят земской управой летом 1914 г. для доставки учебных пособий и мебели с оплатой из расчета «по 5 копеек с

версты на лошадь». С.Мамлеев обеспечил учебными пособиями и инвентарем 36 школ, расположенных в Богадинской, Тюрюшевской, Васильевской, Каръявдинской, Старокалмашевской, Киянликулевской и Куручевской волостях, за что земская управа выделила 145 рублей.

Мероприятия земств в сфере распространения русской грамоты активизировались с реализацией плана по введению всеобщего обучения. С 1910–1911 гг. наблюдается тесное сотрудничество земства и национальной интеллигенции, с помощью которой решались ключевые и наиболее проблемные вопросы подготовки учительских кадров, велись поиски по правильной организации в новых русско-татарских и русско-башкирских школ. При губернской управе был организован отдел по образованию инородцев, заведующим был Леонид Мендияров, которого сменил Гумер Терегулов. Отдел издавал популярные брошюры на татарском языке по медицине, кооперации, народному образованию, занимался открытием библиотек в мусульманских селениях. Г.Х.Терегулов являлся сторонником партии кадетов, активным общественным деятелем. Летом 1914 г. на совещании по внешкольному образованию он выступил за организацию отдельных мусульманских библиотек. По его мнению, ситуация, когда в библиотеках русских селений имелись книги для мусульман, но не было библиотекарей, знающих мусульманскую литературу и татарский язык, пагубно отражалась на просвещении народа. Для областного совещания по вопросам инородческого совещания 1916 г. он подготовил доклад «О современном положении начального образования инородцев», в котором критиковал существующие инородческие училища и проводил мысль о необходимости открытия школ, соответствующих «жизненным и национальным интересам каждой народности» [4, с. 79]. Во время гражданской войны Гумер Терегулов уехал с армией Колчака в Сибирь. В 1918 г. на должности заведующего отделом народного образования мусульман его сменил Халиулла Шагибекович Еникеев.

Х.Ш.Еникеев работал сначала учителем начальных училищ в Белебеевском уезде. С разрешения министра народного просвещения в 1909 г. поступил в Учительский институт г. Уфы и был единственным в то время учащим из мусульман. Во время учебы в институте получал стипендию от земства. К его аттестату об окончании института (1912 г.) было приложено заключение педагогического совета: «Добрейшей души человек. Искренность и простота видны в каждом его действии, в каждой поступке. К занятиям всегда прилежен. Затрудняется лишь в переложении усвоенного на русском языке, к отвлеченному мышлению на которое очевидно еще не вполне привык» [5, л. 3]. После института Х.Еникеев хотел стать учителем в Казанской татарской учительской школе. За него перед директором народных училищ Казанской губернии ходатайствовал директор Учительского института А.Н.Лисовский, который писал: «Проситель безупречен в нравственном отношении: трезв, скромнен и очень трудолюбив». Х.Еникеев подал также прошение Попечителю учебного округа об определении его учителем городского училища, но получил ответ, что «по существующему законоположению просьба Еникеева, как магометанина, не может быть удовлетворена».

В 1916 г. губернское земство организовало 3-х годовичные педагогические курсы для подготовки учителей-мусульман. В 1918 г. заведующим курсами был Галий Сагитович Еникеев, уроженец д.Новые Каргалы (1888 г.р.). В 1905 г. он окончил Белебеевское городское 4-х классное училище, в 1914 г. – Уфимский учительский институт (с серебряной медалью). В 1917 г. состоял членом Белебеевской земской управы, земским представителем в педсовете Белебеевской учительской семинарии.

Среди земских служащих из татарских дворян необходимо отметить Мирсаяфа Шагабутиновича Резяпова, служившего в течение 10 лет «агентом губернского земского страхования». В 1878–1884, 1887–1891 гг. от землевладельцев он избирался гласным Стерлитамакского уездного и Уфимского губернского земского собраний. В выборах могли участвовать землевладельцы, обладающие не менее 200 десятин земли. Земскими гласными Уфимского земского уездного собрания состояли: Еникеев Г.А. (в 1887–1890 гг.), Еникеев О.С. (1906–1914 гг.), Еникеев М.И. (1912–1914 гг.), Стерлитамакского: Тукаев Г.Л. (1878–1886 гг.), Курамшин А. (1887–1890 гг.), от Белебеевского уезда: Алкин К.С. (1894–1911 гг.), Биглов М.С. (1887–1890 гг.), Биглов А.Д. (1903–1908 гг.), Еникеев И.А., Еникеев М.М., Еникеев Ф.И. (1881–1883 гг.), Еникеев Ш.Х., Еникеев Ш.Г., Еникеев М.Н. (1909–1911 гг.), Тевкелев А.П. (1881–1883 гг.), Тевкелев К.П. (1881–1883, 1887–1911 гг.), Терегулов Н.Н. (1881–1883 гг.), Терегулов А.Г., Терегулов И.В. (1909–1911 гг.), от Бирского уезда: Кайбишев Ф.Ш. (1881–1883 гг.), Кайбишев Ф.М. (1909–1914 гг.) и др.

В 1911 г. в губернской управе служил Ильдархан Чанышев. В 1913 г. член Белебеевской уездной земской управы Шагибек Нигаметдинович Сакаев заведовал Буздякской земской библиотекой. В 1914 г. членом Бирской управы состоял Фазылбек Кайбишев. Председателями Бе-

лебеевской земской управы являлись А.А.Ахтямов (1883–1885 гг.), М.М.Биглов (1907–1909 гг.) и Ф.Г.Музафаров (1913–1917 гг.).

Татарские дворяне стремились дать своим детям хорошее образование. После окончания начальных школ родители стремились устроить сыновей и дочерей в начальные, средние и высшие учебные заведения, татарские учительские школы, несмотря на стесненность в средствах. Нередко они обращались с прошениями о выделении пособия в учебное ведомство, земские управы. Однако стать стипендиатами уездного или губернского земства удавалось далеко не всем.

В 1896 и 1898 гг. студенту 3-го курса медицинского факультета Казанского университета Рустембеку Сариаскаровичу Давлеткильдееву были выделены пособия по 180 руб. Совместно с пятью сонаследниками в Белебеевском уезде он имел 280 дес. земли, которые были заложены в Дворянском земельном банке. 50-летняя мать воспитывала одного несовершеннолетнего и трех малолетних детей. Старший брат Р.С. Давлеткильдеева был на службе с жалованием 25 руб. в месяц, сестра – замужем.

В 1896 г. студент Казанского ветеринарного института Магадий Нуреевич Резяпов получил стипендию в размере 230 руб., в следующем 1897 г. – 180 руб. В своем прошении он указывал, что не владеет недвижимостью, а два его брата являются сельскими учителями. Здесь же в 1896–1900 гг. учился Хусейн Зиганшевич Терегулов, он получал стипендию Белебеевской земской управы в сумме 115–230 руб. в год. На заседании уездного земского собрания 1895 г., где рассматривалось его прошение, отмечалось, что его родители «несостоятельные люди» – обедневшие дворяне. За Мадину Резяпову ходатайствовала мать, дворянка Магишап Хусаиновна Резяпова, вдова вышеупомянутого земского служащего и гласного Мирсаяфа Резяпова. В 1898–1904 гг. Уфимское губернское земство ежегодно выделяло по 240 руб. на ее обучение в Мариинской женской гимназии и содержание в дворянском Новиковском пансионе. Стерлитамакское земское собрание в 1907 г. назначило Мадине Резяповой стипендию 350 руб. для обучения в Стебутовских сельскохозяйственных курсах.

Уфимский дворянин Шахбазгарей Еникеев, студент Казанского ветеринарного института в 1902–1904 гг., получал земскую стипендию от 100 до 200 руб. Марьям Исламгулова, дочь почетного гражданина, бывшая учительница Шланлыкульской школы Белебеевского уезда, обучаясь в Санкт-Петербургском медицинском институте и как слушательница повивального института получала стипендии земства: в 1902–1903 гг. – 200 руб., 1904 г. – 300 руб., 1905–1906 гг. – 150 руб.

Ученику реального училища Сайтгирею Еникееву, сыну коллежского секретаря Арслангарея Еникеева, служащего Оренбургского магометанского духовного собрания, в 1902–1904 гг. выдавалась ежегодная безвозвратная стипендия земства в размере 100 руб.

Для обучения в Казанской татарской учительской школе в 1902 г. потомственному дворянину Искандеру Сайтгареевичу Сакаеву также было назначено пособие земства (65 руб.).

Слушательница Санкт-Петербургского медицинского института дворянка Ракия Шаихгаттарова Губеева в 1903 г. получила возвратную стипендию от земства в размере 400 руб. Ее мать – Ханифа Миграновна – владела 141 дес. земли в Стерлитамакском уезде, недвижимостью и землей в Казани.

Сыновья дворян Уфимской губернии, поступившие в Казанскую татарскую учительскую школу, нередко являлись стипендиатами земских учреждений. Так, по ходатайству вдовы чиновника Рахимы Еникеевой в 1903–1905 гг. была выделена личная возвратная стипендия ее сыну Абдрахиму Еникееву, в 1904–1905 гг. возвратная стипендия поступала Г.Х.Еникееву (140 руб.), в 1904 г. – Гали Гумерович Чанышеву (150 руб.). (В 1906 г. он преподавал в Старо-Балтачевском училище Бирского уезда). Сын дворянина д. Кузеевой М.М.Чанышева – Гумер Чанышев – также получал возвратную стипендию: в 1904–1906 гг. – по 140 руб., 1907–1908 гг. – 145–150 руб., 1909 г. – 75 руб.

В 1904 г. студенту Ветеринарного института Сулейману Чанышеву было выдано 200 руб. Отцу просителя принадлежало 91 дес. удобной земли в Стерлитамакском уезде, который будучи в преклонном возрасте не мог обеспечить обучение сына. Стерлитамакское уездное собрание 1910 г. выделило Сулейману Чанышеву 200 руб. как единовременное пособие в Варшавском ветеринарном институте.

Среди татарских стипендиатов из дворян, служивших впоследствии в земстве, выделялся Шахбазгарей Хайретдинович Еникеев (1879–1954). Уроженец Уфы, учился в Уфимской мужской гимназии как земский стипендиат. Будучи студентом Казанского ветеринарного института, летом 1904 г. вместе со студентом Пушкиным был командирован губернской управой на борьбу с сибирской язвой в Уфимский уезд. За самоотверженность и успешное лечение домашнего скота

они получили письменные благодарности от Анненского, Верхнее-Николаевского, Безводовского сельских обществ. После завершения обучения Ш.Х.Еникеев поступил на земскую ветеринарную службу (д. Буздяк), в 1906 г. стал участковым ветеринарным врачом в Уфимском уезде. Ш.Х.Еникеев принимал активное участие в становлении ветеринарной службы в крае: состоял членом Ветеринарного совета и Зоотехнической комиссии губернской земской управы, Уфимского ветеринарного общества, при котором действовала амбулатория для бесплатного лечения домашнего скота, в 1909–1912 гг. был гласным Белебеевского уездного и губернского земского собрания. Летом 1910 г. Шахбазгарей Хайретдинович был направлен в командировку в Великокняжескую станицу области Войска Донского для изучения методов борьбы с сапом, по результатам которой представил подробный доклад губернской управе. В 1911 г. он совершил научную командировку в бактериологическую лабораторию Министерства внутренних дел в Санкт-Петербурге.

Шахбазгарей Хайретдинович проявил себя как благотворитель: в неурожайные 1908–1909 гг. он содержал в Буздяке столовую на 50 мест для голодающих. Его племянник Давлет Мухамеджанович Шейх-Али вспоминает, что спустя более 40 лет дядю узнавали на улицах в Уфе, благодарили его со слезами на глазах [6]. Ш.Х.Еникеев являлся членом Уфимского мусульманского благотворительного общества, в 1913–1914 гг. был секретарем правления. Его супруга Хажар Ибрагимовна (в девичестве Шейх-Али) в 1915–1916 гг. состояла помощницей председателя Уфимского женского благотворительного общества Марьям Султановой.

В советское время Ш.Х.Еникеев работал заведующим 2-й Уфимской горветлечебницей. В годы сталинского террора против него было сфабриковано дело об антисоветской деятельности. В деле по обвинению Ш.Х.Еникеев проходил с ветеринарным врачом Б.А.Куровским, также работавшем до революции в земстве. Они были арестованы 3 ноября 1937 г., до ожидания приговора два года провели в тюрьме. 11 октября 1939 г. народный суд вынес решение о невиновности Ш.Х.Еникеева и Б.А.Куровского. После этого Ш.Х.Еникеев был назначен на должность старшего ветеринарного врача Уфимской государственной конюшни. Во время войны в конюшне сохраняли племенных лошадей, занимались заготовкой сена, пытались уберечь имущество от мародеров. За продолжительную и безупречную работу в марте 1949 г. Шахбазгарей Хайретдинович был награжден Почетной грамотой. В 1953 г. встал вопрос о присвоении ему ордена Ленина, однако этому «помешало» упоминание им в анкете об армии Колчака, где недолгое время Ш.Х.Еникеев служил ветврачом.

Таким образом, представленные некоторые штрихи к портрету татарских дворян конца XIX – начала XX века позволяют утверждать, что татарские дворяне Уфимской губернии, несмотря на ослабленное социально-экономическое положение своих хозяйств, занимали высокое общественное положение среди мусульман Приуралья, принимали активное участие в деятельности губернского и уездных земских учреждений, выступая представителями мусульман, отстаивали их интересы, вносили посильный вклад в распространение русского образования и просвещения среди татар и башкир. В отличие от основной массы татарского населения, их дети обучались в русских начальных, средних и высших учебных заведениях и в дальнейшем посвящали себя развитию культуры и экономики страны.

Список использованных источников и литературы

1. ЦГИА РБ. Ф.И–113. Оп.1. Д.463.
2. Тергулов Г. Безнең Галимжан Ибраһимов // Галимжан Ибраһимов: мәкаләләр, истәлек-хатирәләр. – Казан, 2007. – Б.120–124.
3. Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания по народному образованию. Белебей, 1914. – С.28–130.
4. Бюллетень отдела народного образования Уфимской губернской земской управы. – Уфа, 1916. – С.73–79.
5. ЦГИА РБ. Ф.И–123. Оп.1. Д.45.
6. Шейх-Али Давлет. Они прожили благородно // Дворянский вестник. – 2003. – 5 июня. – № 53.

Р.Ю. Почекаев

Сановные династии Золотой Орды

Не только ханская власть в Золотой Орде сохранялась в руках одного рода – семейства Джучидов. Неоднократно случалось так, что и высшие государственные посты могли передаваться представителями того или иного аристократического семейства своим потомкам или другим близким родственникам. В рамках настоящего исследования мы намерены охарактеризовать золотоордынские сановные династии, выделить их основные группы.

Основными источниками по данной тематике являются сочинения Рашид ад-Дина, Хазрет-Вассафа, Гийас ад-Дина Али, Шараф ад-Дина Али Йазди, Хафиз-и Абру; немногочисленные, но не менее важные сведения содержатся в китайской династийной истории «Юань ши». К этой тематике обращались также исследователи – Ю. Шамильоглу, А.П. Григорьев, Д.М. Исхаков, И.Л. Измайлов, Ю.В. Селезнев и др. Развитие и обобщение результатов их исследований сделало возможным решение поставленной нами задачи.

На раннем этапе существования Золотой Орды высшие государственные посты нередко сохранялись в руках тех родов, представители которых пришли в Дешт-и Кипчак с Джучи и его ближайшими преемниками в первой половине XIII в. Так, например, Байху из племени хушин, эмир правого крыла войск Бату, на закате своих дней сделал своим преемником собственного приемного сына Элдэке. Черкес, бекляри-бек при хане Токте, был потомком другого видного военачальника Бату – Мунгету-нойона сиджиута [7, с.172, 183]. Их влияние в рассматриваемый период было настолько значительным, что они могли позволить себе «рекомендовать» хану своих преемников. В частности, Байху заявил Бату, что по старости и здоровью не в состоянии исполнять свои обязанности и порекомендовал на свой пост Элдэке, который длительное время был его заместителем [7, с.172].

Со временем заслуги этой «военной аристократии» стали забываться, и на первые места стали выходить члены семейств, имевших родство с ханским домом. Так, например, уже при Бату «старшим эмиром» был Ит-Кара из племени алчи-татар, а при хане Туда-Менгу, внуке Бату – Бек-Тимур, вероятно – потомок или близкий родственник Ит-Кары [7, с.111]. Известно, что из племени алчи-татар была Борақчин, старшая жена Бату, так что возвышение двух упомянутых нойонов вероятно, связано с тем, что они приходились ей близкими родственниками.

В первой половине XIV в. наиболее известными золотоордынскими сановниками были родственники знаменитого хана Узбека. Его двоюродным братом по материнской линии был Кутлуг-Тимур, который после прихода Узбека к власти занял пост бекляри-бека, а когда его отношения с этим капризным и неуравновешенным монархом испортились, стал улус-беком Хорезма. Его брат Мухаммад-ходжа стал даругой Азака (Азова), другой брат – Сарай-Тимур являлся военачальником, а затем, когда хан Джанибек бин Узбек в 1356 г. завоевал Азербайджан и поставил там правителем своего сына Бердибека, он стал его везиром. Во время правления Бердибека в Золотой Орде Сарай-Тимур стал золотоордынским везиром – вторым по значению сановником после бекляри-бека [2, с.12–14, 128–129]. Сведений о том, какой пост занимал Харун-бек, сын Кутлуг-Тимура, не сохранилось, однако, учитывая, что он был женат на дочери Узбека, можно предположить, что и он являлся одним из высших ханских сановников.

С Кутлуг-Тимуром успешно соперничал за власть и влияние при ханском дворе еще один родственник Узбек-хана – Иса-бек (Иса-Коркуз) из рода уйшин, который также был женат на ханской дочери и, соответственно, получил право прибавить к своему имени почетную приставку «гурген». Несколько раз он сменял Кутлуг-Тимура на посту бекляри-бека, а его потомки, хотя и не заполучили этот пост, также оставались влиятельными сановниками. Так, Аамат, сын Иса-бека, являлся одним из ближайших эмиров Джанибек-хана, на чьей дочери был женат, а Салчи, сын Аамата и ханской дочери, в 1375 г. стал правителем Хаджи-Тархана – Астрахани [2, с.13–14; 3, с.222; 6, с.275–276]. Таким образом, несколько представителей сановной аристократии с более-менее одинаковыми основаниями претендовали на власть (как в данном случае Кутлуг-Тимур и Иса-гурген – близкие родственники хана) и между ними шла с переменным успехом борьба за одни и те же посты.

Свое собственное место заняла в золотоордынской сановной иерархии и «региональная аристократия», т.е. те кланы, которые смогли закрепиться на определенных территориях, и впоследствии практически приобрели монополию на административные должности в тюменах, распо-

ложенных в пределах их родовых владений. К таковым, например, можно отнести семейство правителей китайских владений Золотой Орды – Бок-Бугу или племени найман и его внука Терэла: в течение длительного времени они управляли китайской областью Пиньянфу, которая после завоевания империи Цзинь была передана под власть Бату. Любопытно отметить, что после того, как великий хан Хубилай конфисковал владения золотоордынских правителей, расположенных в Китае и Чагатайском улусе, власть этого рода в Пиньянфу прекратилась, Терэл остался на службе у Хубилая и неоднократно направлялся с миссиями именно к золотоордынским ханам [10, с.246–247].

Гораздо длительное время находился у власти род кият, некоторые представители которого сделали блестящую карьеру. Этот род с сер. XIII в. был связан с Крымским полуостровом: знаменитый золотоордынский военачальник Бурундай, происходивший из киятов, участвовал в покорении Крыма на рубеже 1230–1240-х гг. и, вероятно, получил здесь владения. Его потомки уже в начале XIV в. стали правителями-темниками Солхата и оставались таковыми в течение полувека. Крымскими темниками были Тулук-Тимур, его сын Кутлуг-Тимур, внук Али [3, с.259, 294; 4, с.120–121]. Другой сын (брат?) Тулук-Тимура, Иса (Исатай), стал основателем новой «провинциальной династии»: по указу хана Узбека он в 1320-е гг. стал наместником хана в Синей Орде. Длительное время управляя этим регионом, он закрепился здесь, приобрел поддержку местного населения и, пользуясь ослаблением ханской власти после Узбека, сумел сделать свой пост наследственным: после его смерти новым наместником левого крыла стал его сын Джир-Кутлуг, а когда и он погиб, его сменил его собственный сын Тенгиз-Буга [9, с.109]. Родственник Тенгиз-Буги, знаменитый Мамай, опираясь на могущество своего рода, сумел добиться наивысшего в Золотой Орде поста бекляри-бека, который занимал около двух десятилетий. При этом он не терял связей с Крымом, который в течение 1360–1370-х гг. оставался его опорным пунктом: ведь именно здесь находились его родовые владения, и отсюда он черпал ресурсы для борьбы за объединение Золотой Орды.

К числу «региональной аристократии» можно отнести и еще один род, известный в истории Золотой Орды – семейство Суфи, также происходившее из племени кунграт. Основатель этого рода, Нангудай, был эмиром хана Узбека и даже женил своего сына на его дочери. Однако этот клан сделал ставку не на родство с ханским домом, а на свои родовые владения: Нангудай был улус-беком Хорезма, и поэтому когда в Золотой Орде в начале 1360-х гг. началась смута, и сам родоначальник погиб, его потомки фактически отделили Хорезм от Золотой Орды и стали править самовластно. Сначала правителями были сыновья Нангудая – Хусайн-Суфи и Йусуф-Суфи, затем – представители третьего поколения рода, пока последний из них, Сулейман-Суфи в 1388 г. не был окончательно изгнан из Хорезма Тимуром [5, с.75, 77, 126].

Иногда имели место своеобразные «коллизии», когда представители разных категорий сановной аристократии могли претендовать на один и тот же пост. Так, после смерти в 1358 или 1359 г. Кутлуг-Тимура, наместника Солхата из рода кият, хан Бердибек отверг претензии на эту должность его родственника Мамай, потомка целой плеяды наместников, и передал Солхат в управление Кутлуг-Буге – брату своей бабки Тайдулы. Видимо, хану пришлось отдать этот почетный пост своему двоюродному деду, чтобы выказать уважение его роду: предоставить ему, например, пост бекляри-бека он не мог, потому что этот пост занимал Могул-Буга, родной брат Кутлуг-Буги [ср.: 1, с.211, 213].

По мере ослабления ханской власти все большее значение стали приобретать предводители самых сильных племен, становившихся время от времени настоящими «гегемонами» Дешт-и Кипчака. Наиболее известным таким кланом в истории Золотой Орды были мангыты. Его родоначальник Идигу уже на рубеже XIV–XV вв. основал фактически самостоятельно государство – Мангытский юрт (будущую Ногайскую Орду), однако при этом не только не устранился от золотоордынской политики, но и обеспечил своим потомкам право претендовать на пост бекляри-бека Золотой Орды. С конца XIV в. и до 1550-х гг. (когда имели место последние попытки восстания Джучидской державы, фактически упраздненной в 1502 г.) мангытские беки – сыновья, внуки, правнуки и даже праправнуки Идигу – занимали пост бекляри-бека в Золотой Орде, Тюменском, Астраханском и Крымском ханствах [8, с.78 и след].

В Крымском и периодически в Казанском ханствах с мангытами успешно соперничал в борьбе за власть клан ширинов. В Крымском ханстве они, подобно мангытам в Золотой Орде, из поколения в поколение занимали пост бекляри-бека. Интересно отметить, что даже борьба за этот пост зачастую шла не с представителями других влиятельных крымских родов, а внутри одного рода – между дядьями и племянниками, родными и двоюродными братьями и пр. Так, например, в

1473 г. на пост бекляри-бека Крымского ханства претендовали сразу три представителя рода ширин – братья Эминек и Кара-Мирза и их племянник Шейдяк, сын прежнего бекляри-бека Мамака. В результате их распри хан Менгли-Гирей, в течение двух лет пытавшийся лавировать между членами могущественного клана, передавая пост то одному, то другому претенденту, в 1475 г. был свергнут с трона, а Крым попал под сюзеренитет Османской империи [1, с.45–60].

Стоит отметить, что далеко не всегда представители одного аристократического семейства занимали один и тот же государственный пост. Так, например, если предки Мамака были даругами-темниками Солхата, то ему удалось достичь поста бекляри-бека. Обратный пример касается еще одного даруги Солхата – на этот раз эмира Зайн ад-Дина Рамадана из племени Сарай: он пользовался влиянием при последних ханах из дома Бату, а его сын Хасан после прихода к власти Токтамыша (из рода Туга-Тимура) не сумел удержать прежних позиций и был вынужден довольствоваться ролью ханского посла, хотя и выполнявшего весьма ответственные поручения хана в Египте и Литве [2, с.174].

Однако, в любом случае, утверждение на том или ином государственном посту конкретного сановника, даже если он происходил из могущественного клана, представители которого из поколения в поколение занимали соответствующий пост (как мангыты в Золотой Орде или ширины в Крымском ханстве постоянно занимали пост бекляри-беков) – осуществлялось указом хана, поскольку формально в Золотой Орде (и выделившихся из нее постордынских государствах) источником власти являлся хан, и только он мог делегировать соответствующие полномочия тем или иным сановникам.

Однако, сановная знать в Золотой Орде была сложно структурирована, и такое явление как «местничество» среди ее представителей было делом весьма распространенным. И если поначалу золотоордынские ханы могли как-то управлять этой ситуацией, то по мере их ослабления знать стала сначала проявлять сепаратистские тенденции (что наиболее ярко проявилось в деятельности эмиров эпохи «великой замятни» – таких как Пулад-Тимур в Булгаре или Хаджи-Черкес в Астрахани), а затем и сама начала возводить на трон «удобных» ханов, при которых наиболее могущественные представители знати могли обрести желаемые посты и передавать их по наследству.

В заключение отметим, что в настоящей статье мы лишь затронули вопрос о составе господствующего класса Золотой Орды. Безусловно, наши построения достаточно схематичны, и при анализе истории каждого конкретного аристократического клана, находившегося у власти, вполне могут быть выявлены некие особенности. Однако это – предмет комплексного исследования с привлечением специалистов в области дипломатики, археографии, эпиграфики, просопографии, статистики и других специальных дисциплин.

Список использованных источников и литературы

1. Гайворонский О. Повелители двух материков. – Т.1: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. – Киев; Бахчисарай: Оранта, 2007.
2. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.
3. История Казахстана в арабских источниках. Т. I: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. I. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
4. Исхаков Д.М., Измаилов И.Л. Клановая структура Улуса Джучи // История и культура Улуса Джучи. 2006. Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и современность. – Казань: Фэн, 2007. – С.108–143.
5. Йазди, Шараф ад-Дин Али. Зафар-наме. Книга побед Амира Темура / Пер. со староузб., пред., коммент. и указ. А. Ахмедова. – Ташкент: Изд-во журнала «San'at», 2008.
6. Мустакимов И.А. Еще раз к вопросу о предках «Мамака-царя» // Тюркологический сборник. 2007–2008. – М.: Восточная литература, 2009. – С.273–283.
7. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – Т. I. – Ч. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
8. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Восточная литература, 2001.
9. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. / Пер., коммент. В.П. Юдина. – Алма-Ата: Гылым, 1992.
10. [Храпачевский Р.П.] Золотая Орда в источниках. – Т. III: Китайские и монгольские источники. – М., 2009.